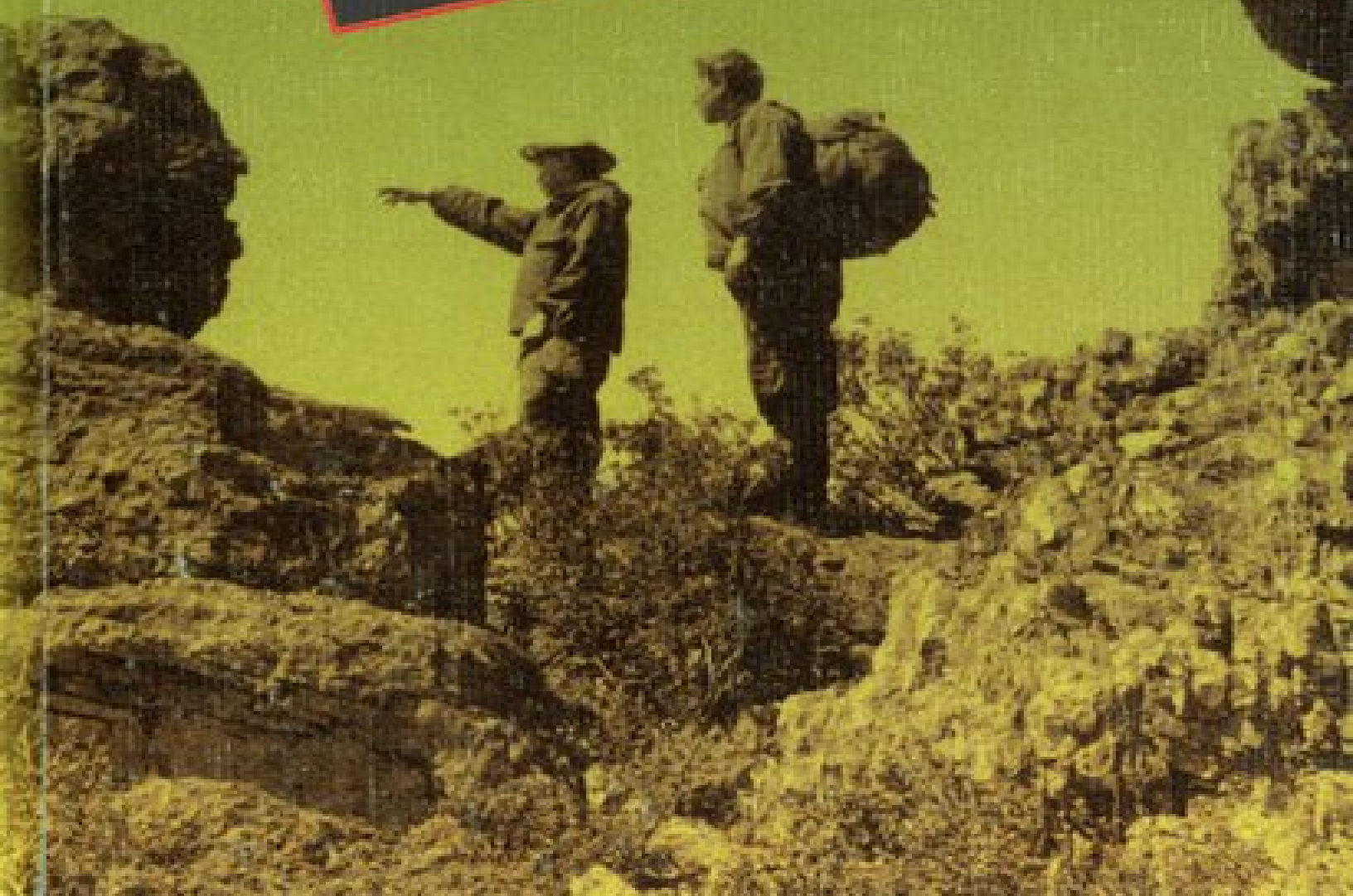

В.Р.Ященко

ОНИ
СОЗДАВАЛИ КАРТЫ
С ТРИФОМ

“СЕКРЕТНО”

Annotation

В популярной форме рассказано о людях мужественной профессии топографов и геодезистов, которые в труднейших экспедиционных условиях создавали топографические карты. Описания основаны на дневниковых записях автора и воспоминаниях первопроходцев. Книга продолжает тему, начатую автором в изданиях «Российские колумбы», «Будни первопроходцев».

Для широкого круга читателей, интересующихся работой топографов и геодезистов.

- [Виктор Яценко](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Долгая жизнь](#)
 - [Топографы в Анголе](#)
 - [Берлога людоеда](#)
 - [Афганские проблемы](#)
 - [Болота Васюганья](#)
 - [Таинство Тунгусского метеорита](#)
 - [Саянский волшебник](#)
 - [Бабай](#)
 - [Дорога могильных крестов](#)
 - [В краю медвежьих троп](#)
 - [Три месяца считался погибшим](#)
 - [Пророчество гадалки](#)
 - [Лунный мираж](#)
 - [Благополучный исход](#)
 - [Гора Тутончана](#)
 - [Хозяйка метеостанции](#)
 - [«Мойгу»](#)
 - [Александровский Шлюз](#)
 - [Сержик из волчьего логова](#)
 - [Учительница](#)
 - [Поддельные документы](#)
 - [Нападение комаров](#)
 - [ЧП в небе над Кубой](#)
 - [Кантегирские шалуны](#)

- [Осиное гнездо](#)
 - [Расплата](#)
 - [Жилая пещера](#)
 - [Чуйский брод](#)
 - [Лишился слуха](#)
 - [Пакостник](#)
 - [Запутанная биография](#)
 - [Медвежья землянка](#)
 - [Нивелир в берлоге](#)
 - [Суеверие](#)
 - [Хантайское озеро](#)
 - [Восточная Сибирь](#)
 - [Contents](#)
 -
 - [Photos](#)
 -
-

Виктор Яценко

Они создавали карты с грифом «Секретно»

Виктор Романович Яценко более 40 лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено таежных маршрутов — пешком с рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках.

В 1983 году Виктор Романович был назначен заместителем, а в 1986 году начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, в 1991 году назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). С 1992 года четыре года выполнял геодезические работы в Африке по контракту “Союзкарты”.

Виктор Романович Яценко — Заслуженный работник геодезии и картографии, кандидат географических наук, член Союза писателей России.

В 1990 году издательство “Недра” напечатало книгу рассказов В.Р. Яценко “По геодезическим маршрутам”, в 1991 году книга была переведена на китайский язык и издана в Китае.

**ОНИ
СОЗДАВАЛИ КАРТЫ
СТРИФОН**

“СЕКРЕТНО”

Москва
ПКО “Картография”
2007

Предисловие

Автор очень рано соприкоснулся с таежной жизнью. Инженер-геодезист по образованию, он многие годы проработал в Сибири, исследуя Саяны, регионы Заполярья, тюменские болота и горные массивы Закавказья.

В сибирских газетах и журналах было опубликовано немало экспедиционных фотографий и таежных рассказов, в которых автором запечатлены судьбы людей, которыми щедро Сибирь.

В Красноярском журнале «Енисей» в 1966 году автор дебютировал в рубрике "молодые писатели Сибири" подборкой из восьми таежных рассказов.

Автор не затушевывает трагические исходы, происходящие в сложных природных условиях, одновременно показывает сохранившиеся вековые устои у местных жителей, порою опутанные суевериями и национальными традициями.

Наибольшее место в рассказах уделено людям суровой профессии, которые постоянно испытывают тягости экспедиционной жизни, проявляя выносливость, стойкость, мужество, вырабатывая в себе характерные черты непоколебимости, настойчивости, готовые противостоять своей храбростью возникающим в маршрутах природным преградам, а иногда с крайне опасными таежными обитателями.

В книге имеются рассказы о специалистах, которые, оттачивая свое профессиональное мастерство, добивались наивысшего совершенствования в производстве топографо-геодезических работ, некоторые из них были направлены в другие страны для оказания помощи в картографировании. Советскими специалистами выполнены огромнейшие объемы топографо-геодезических работ в Анголе, Афганистане, Вьетнаме, Кубе, Никарагуа и др. К великому сожалению, некоторые из походов не вернулись, трагически погибли, а часть специалистов навечно осталась в местах их последних маршрутов.

В глубоком забвении остаются имена геодезистов, которые первыми исследовали необозримые пространства тайги, тундры, болот, степей, горных перевалов, составляя топографические карты с грифом «СЕКРЕТНО».

Автором пройдено много таежных троп в 60-х и 70-х годах прошлого столетия. Тогда в экспедициях мало было вертолетного транспорта, и успех работы зависел от выючных лошадей и конюха, каравана оленей и каюра, иногда собачьей упряжки. Но чаще всего топографы и геодезисты,

облепленные мошкой и комарами, с тяжеленными рюкзаками, теодолитами, нивелирами, рейками брели пешком, а вечером у костра подводили итоги проделанных дневных измерений. Вместе с необходимыми для составления карт наблюдениями автор стал вести дневник, в котором поначалу отмечал лишь поражавшие воображение неожиданные встречи с таежным зверем, а затем — и человеческие судьбы. Кроме дневниковых записей и материалов расследования несчастных случаев, автор приводит большое количество воспоминаний бывалых первопроходцев, которые восстанавливают картину всего происходящего разнообразия экспедиционной жизни.

В экспедиционных маршрутах люди проходят испытание на прочность человеческого характера. Некоторые не выдерживают чрезмерных нагрузок, поэтому ежегодно происходит естественный отбор, то есть в очередной маршрут уходят в поход люди более выносливые, стойкие, мужественные, готовые встречаться с тяжелыми природными невзгодами, быть уживчивыми и оставаться порядочными, попадая в ситуацию самых сложных экстремальных условий.

Эти люди стали участниками великой эпопеи топографо-геодезического изучения территории страны, особенно таежных глубин Сибири и Дальнего Востока. Они прошли там, где не ступала нога человека, закрывая белые пятна. В последующем эти профессионалы стали маститыми руководителями, большинство из них и сейчас занимают ответственные посты.

Это А.А. Алябьев, Б.П. Карпенко, А.Н. Краюхин, проводя геодезические и маркшейдерские работы на Урале, добились превосходных результатов, работая в суровых условиях этого региона. А.О. Беренгаров, П.Ю. Бурбан, П.И. Пахольчук оттачивали свой профессионализм в краях Забайкалья. В.Н. Гнатишин, Ю.В. Попов, И.И. Серова занимались картографированием Дальневосточных просторов. С.Ф. Мазуров, С.С. Титов, В.Н. Шаламов, изучая Прибайкалье, вложили максимальные усилия в геодезическое исследование региона. Много раз подвергались опасности В.Ф. Рожков, Ш.Х. Искандяров, П.В. Трофимов на Алтае и в Саянах; В.К. Шляхова в Тюмени, В.А. Пискулин на Чукотке и т.д. Все эти специалисты были удостоены высокого звания «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации».

Путешествуя по звериным тропам, непролазным болотам и вечномерзлотной тундре, переправляясь через затерявшиеся в горных кручах и лесных чащобах ручьи и реки, топографы нередко встречаются с местными жителями. Мужество, доброта, щедрость, удивительная интуиция, смекалка и сноровка и, конечно же, гостеприимство — вот черты, присущие коренному населению сибирского народа, с которым довелось

познакомиться автору. Путешествуя, автор не расставался с фотоаппаратом, поэтому многое в этих маршрутах запечатлено на фотографиях.

Долгая жизнь

Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации Василий Васильевич Полевцев 30 лет проработал в Сибири, половину из этих лет непосредственно занимался наблюдениями триангуляции I и II классов. Самые ответственные работы обычно поручали Полевцеву, так ему пришлось замыкать первоклассное звено Туруханск—Дудинка. На него были возложены измерения триангуляционных рядов в Кузбассе, в Кузнецком Алатау, в Саянах, на Алтае.

На Алтае первоклассное триангуляционное звено оставалось разомкнутым несколько лет, нужно было произвести измерения на пункте триангуляции "Куркуре", расположенном на одноименной горе высотой около 3200 м. В далекий маршрут отправились втроем на лошадях в конце сентября. На подступах к горе оставили конюха Якова с лошадьми. Молодой инженер Василий с помощником Петром Долгушиным отправились на ледниковую вершину, никакого альпинистского снаряжения не было. С собой взяли теодолит, минимум одежды, продуктов и хвороста для костра. Кирзовые сапоги скользили по обледеневшему снегу. Вершина горы оказалась очень узкой, в виде утеса, с нагромождением огромных камней в виде валунов. Дул сильный ветер со снегом, словно он пытался сбросить пришельцев с острого обрыва в пропасть, установилась настоящая морозная, ветреная зима. Геодезисты находились в ожидании хорошей погоды, но она не улучшалась, а ухудшалась. На второй день сделали попытку спуститься хотя бы на перевал, к лесу. Снежная пурга сбивала с ног, идти было опасно, метель пронизывала всю одежду. Василий с Петром нашли укрытие между громадными камнями, закрывшись тентом из плащ-палатки. Дни шли, мороз крепчал, продукты заканчивались. Прошла неделя. Белая снежная пурга держала геодезистов в страхе. Спуститься было невозможно. Закончились последние сухари. За ночь заносило так снегом, что утром кое-как вылазили из-под сугробов.

Снежный ураган с каждым днем усиливался. Геодезисты оказались в плену непогоды.

На восьмой день снежный буран прекратился, установилась морозная погода. Василий с Петром ползком стали пробираться к знаку, идти было опасно, острая наклонная скала, словно лезвие ножа, с одной стороны засыпана снежным сугробом, уходящим в бездну, с другой — пропасть. Измерения удалось выполнить сравнительно быстро. У Петра появилась галлюцинация, он начал бредить, головокружение становилось опасным.

Полевцев с теодолитом уполз по снегу в свое лежбище, затем приполз с брезентом, закатал в брезент помощника и ползком потащил его к стоянке.

В это время появился конюх, он проявил героический поступок, карабкаясь по снежной крутизне, принес продукты и дрова. Подкрепившись и напившись горячего чая первый раз за восемь дней, Василий с Яковом потащили по снегу Петра. На второй день после спуска со снежных гор недомогание у помощника прошло.

Много раз Полевцева прихватывала болезнь в маршрутах. Однажды Полевцев возглавлял отряд, состоящий из 16 работников. На лошадях, завьюченных экспедиционным грузом, вышли 28 февраля с работой из Усть Кута, продвигались по замерзшей реке Лене, затем через Бодайбо, по реке Витим выполняли работу, направляясь в сторону Улан Удэ. Маршрут был рассчитан на два месяца, общей протяженностью более двух тысяч километров. Маршрут заканчивался на перевале с отметкой 950 м, в районе скопления высокогорных озер. Полевцев ехал верхом на лошади впереди, за ним весь экспедиционный караван. Вдруг его лошадь на озере Еравное провалилась, попав в полынью, ушла под лед. Геодезист, слетев с лошади, оказался подо льдом. С детства Василий привык нырять в воду с открытыми глазами — это ему сейчас помогло. Затылок и спина были прижаты ко льду. Увидев просвет полыньи, Полевцев нырнул и оказался в открытом пространстве полыньи.

Лошадь громко ржала, пыталась выскочить, скользя копытами по ломающемуся льду. Мороз стоял около 20°. Рабочие срезали с вьюков веревки, штатив и с помощью такого приспособления удалось вытащить замерзающего геодезиста. Лошадь сумела самостоятельно одолеть ледяной барьер, но в кровь разбила о лед свои губы и зубы.

На берегу быстро разожгли огромный костер. Одежда замерзла, пришлось в рукавах ее разрезать и сдирать. Одевшись в сухую одежду, Полевцев пил и пил горячий чай и всю ночь прогревал ноги, держа их в ведре с горячей водой. Лошадь тоже сушили у костра, протирая ее сухими тряпками. Утром Полевцев уехал в г. Читу и там пролежал в больнице более месяца. Простудную болезнь удалось вылечить, врачи сказали, что положительного результата удалось достигнуть за счет того, что сразу же приняли меры, сменив одежду, и прогревали ноги. Выписавшись из больницы, Полевцев приехал в свое предприятие, в Новосибирск, и ему вручили Почетную грамоту, в которой записано: награжден за то, что "полностью сохранил вверенное ему конское поголовье".

Василий Васильевич показывал мне эту Почетную грамоту с величайшей гордостью.

Еще один случай, происшедший на реке Подкаменная Тунгуска, врезался геодезисту в памяти на всю жизнь. Плыли на моторной лодке вниз по течению реки очень быстро вдвоем, лодкой управлял моторист Иван Кротов, надежный парень. Ваню Полевцев знал с детства, родом он из деревни Ерема, которая затерялась в далекой сибирской тайге, в верховьях реки Нижняя Тунгуска. В тех местах Полевцев работал лет десять назад. Вблизи этой деревни имеется коварный порог под названием «Ждановский», на этом пороге произошло знакомство геодезиста с отцом Ивана, Еремеем, которого на Нижней Тунгуске звали Ерёма из Ерёмы. Тогда Полевцев на плоту сплавлялся с бригадой, плот на пороге разбило, все остались в живых. На лодке с веслами проплывал бородастый рыбак с мальчишкой лет пятнадцати. Это были Еремей с сыном Ваней. Они помогли вытащить из реки инструменты, снаряжение, консервы. Отличился тогда Ваня, он виртуозно нырял, доставая со дна снаряжение, банки с консервами, даже топоры сумел обнаружить и вытащить. После этого приплыли в деревню на лодке и разместились у гостеприимного Еремоя.

Впоследствии Еремей работал у Полевцева два года рабочим в бригаде. Опытный таежник был незаменимым работником в экспедиционных условиях. Один год Еремей уговорил бригадира взять на сезон Ваню. Потом Ваню забрали в армию, возвратившись, разыскал Полевцева и работал постоянно в экспедиции, поступил учиться на заочное отделение в техникум.

В этом году Полевцева назначили начальником геодезической партии, Иван работал на базе партии мотористом, совмещая работу радиста. Полевой сезон подходил к концу. Иногда пробрасывал снег, деревья оголились, тайга была тоскливою, птицы улетели из этих суровых мест, поэтому в лесу установилась унылая тишина.

Последняя бригада закончила работу и вышла на берег реки, попросив по радиостанции вывезти их на базу партии. Встречный ветер обдавал леденистой прохладой. На реке возвышалось большое количество валунов, некоторые из них достигали очень значительных размеров. Иван, умело лавируя, искусно обходил препятствия, даже не снижая скорость, зная, что там ждут уставшие и промокшие люди. Иван был любимцем для всех бригад, на базе партии всем помогал, кому отремонтировать обувь, быстро вылечить мозоль, напомнить и отправить поздравительную радиogramму, пришить к рюкзаку оторвавшиеся лямки, зарядить патроны к ружью и т.д. Иван вырос в таежной деревне, рано умерла мать, старшие братья и сестры разъехались, вот и жили они с отцом вдвоем, осваивая все хозяйственные дела не только мужские, но и женские.

Вдруг лодка с грохотом ударилась, заполняя железным скрежетом притихшую утреннюю тайгу, перевернулась, Василий с Иваном вылетели в разные стороны.

Бурное, стремительное течение подхватило перевернутую лодку, яркие оранжевые спасательные жилеты и понесло все это вниз по течению. Полевцев поплыл к Ивану, его жилет, то всплывал, то уходил под воду. Василий схватил моториста за густую шевелюру — из раздробленного затылка текла кровь, глаза остекленели. Геодезист вытянул Ивана на берег, начал делать искусственное дыхание, в кармане всегда находился бинт, попытался стянуть разорванную рану, но вмятина в голове оказалась очень глубокой. Кровь остановить практически было невозможно. Сердце Ивана остановилось, Полевцев предпринимал попытки реанимировать, оживить организм. Удалось остановить кровь, стянув рану бинтом. Геодезист продолжал делать искусственное дыхание. Полевцев имел опыт восстанавливать дыхание, у него была отработана система разных приемов. Он однажды спас двух человек, находящихся в фазе клинической смерти, которые задохнулись в вездеходе, уснув ночью с работающим двигателем.

Начальник партии не терял надежды, он не мог поверить, что Иван мертв, поэтому боролся за жизнь, продолжал делать искусственное дыхание, добиваясь оживления организма.

Полевцев не заметил, как подъехала моторная лодка с соседней партии, начали общими усилиями делать искусственное дыхание, но так и не удалось реанимировать организм Ивана.

После этого Полевцев слег. Врачи длительное время боролись за восстановление здоровья Василия Васильевича. Легкие подверглись сильному охлаждению. После этого случая геодезист прекратил курение. К следующему полевому экспедиционному сезону геодезист вылечился полностью и вновь ушел в очередной таежный маршрут выполнять геодезические измерения, создавая топографические карты с грифом «СЕКРЕТНО».

Долгую и сложную жизнь прожил Василий Васильевич Полевцев, работая в суровых условиях Сибирской тайги. Прожил В.В. Полевцев 90 лет, скончался в 2007 году.

Топографы в Анголе

В 1979 году Вячеслав Алексеевич Пискулин был отправлен в Африку для создания экспедиции по выполнению топографо-геодезических работ в Анголе.

Пришлось начинать с нуля. За плечами у геодезиста был большой опыт производственных работ в разных уголках страны. Начинал он на северном Урале, затем работал исполнителем, потом начальником партии на Чукотке и северных окраинах Дальнего Востока, вскоре Пискулина выдвинули на должность главного инженера экспедиции Пятигорского предприятия, но недолго дали поработать в Краснодаре, отправили в Ташкент, назначив на должность главного инженера крупнейшего предприятия.

В Анголе совсем не было топографических карт, а военное положение с каждым годом осложнялось все сильнее и сильнее, поэтому срочно требовались топографические карты. Разворот полевых экспедиционных работ пришлось осуществлять в сжатые сроки. Калейдоскоп производственных событий не укладывался в дневные параметры. Здесь световой день начинается быстро в 6 часов утра и заканчивается тоже мгновенно в 6 часов вечера, и так весь год, т.к. экватор рядом. Ежедневно приезжали специалисты из Москвы с семьями, их нужно было разместить и отправить на полевые работы, на кораблях поступали контейнеры с экспедиционным оборудованием, инструментами, прецизионными приборами. Вскоре прилетел главный инженер, затем заместитель по хозяйственной части, появились переводчики, врачи для обслуживания работников экспедиции и их семей. На кораблях поступали грузовые, легковые автомашины и вертолет Ми-8 для перевозки полевых бригад и аэровизуального дешифрирования. Прилетели из Москвы два специальных самолета Ан-30 для выполнения аэрофотосъемочных работ с оборудованием для обработки аэрозалетов. В короткий промежуток времени в Анголе сосредоточилось более ста специалистов, и большинство из них прилетели с семьями.

Контрактом было предусмотрено создать в Луанде (столице) топографическую школу-техникум для обучения специалистов. Кроме того, было записано, что в процессе полевых и камеральных работ постоянно обучать специалистов из числа местных жителей. Некоторые из них быстро изучили русский язык, освоили азы профессии, а потом поехали в Москву и получили высшее образование в МИИГАиКе. Полевые топографо-геодезические работы выполнялись одновременно на всей территории

Анголы. Очень трудно продвигались полевые работы в зарослях джунглей. В таких регионах старались применять технологию с использованием аэрофотосъемочного самолета, а затем по изготовленным аэроснимкам на вертолете осуществляли аэровизуальное дешифрирование.

Военно-политическая обстановка в Анголе долгие годы оставалась очень сложной, но наши специалисты продолжали работать, создавая топографические карты, передавая их в Министерство обороны страны.

При выполнении полевых работ в особо опасных районах наши топографические бригады сопровождалась солдатами Министерства обороны Анголы. Кульминационная военно-политическая обстановка произошла в 1992 году, мне в этот период пришлось работать в Анголе, возглавлять группу консультантов топографо-геодезического направления, которая находилась в ведении Министерства обороны Анголы. Наше посольство располагало сведениями остроты военных действий, поэтому все члены семей были отправлены из Анголы. Даже школа при посольстве прекратила занятия. 25 октября оппозиционные войска УНИТА ворвались в столицу. День и ночь не прекращалась стрельба. Десять дней на улицах было пусто. Ни единой души, даже дети притихли в квартирах своих домов. От сильной канонады, частой стрельбы из многих орудий постоянно срабатывала сигнализация легковых автомашин, оставленных на улицах и в гаражах, и этот вой периодически разносился по всем улицам. Так получилось, что я в этот момент был в Торгпредстве, главный инженер группы В.Н. Шалимов оказался в нижнем здании Торгпредства, их там было всего три человека, и им пришлось там жить неделю. Наш главный специалист В.Г. Медведев был дома, в десятиэтажном жилом здании с названием «Арарат», который располагался близко с аэропортом. На десятом этаже все десять квартир были нашей группы. Медведев забаррикадировался и один охранял наши квартиры, а в это время в аэропорту горели склады со снарядами, которые взрывались и летели по всему городу, несколько попало и в наш дом. Инженер нашей группы Ш.Б. Кутушев в этот момент оказался в гостинице.

Через неделю на улицах появились танки, после этого стрельба уменьшилась.

Кое-где раздавались одиночные выстрелы. Мы с Шалимовым решили ехать к Медведеву, связи никакой не было, каждый про себя думал, жив ли он. На улицах валялись трупы, жара здесь постоянная, под колесами машины хрустели гильзы от автоматов и пулеметов, по обочинам улиц множество сгоревших легковых машин. На участке дороги, которую здесь называют серпантин, я увидел большое скопление автомашин и военных с автоматами. Я понял, что среди них проехать будет трудно, поэтому вышел

из машины, передав руль Шаламову, он гораздо лучше меня в таких случаях справлялся. Обходя машину спереди, мы вздрогнули: снайперская пуля просвистела перед глазами и прострелила лобовое стекло нашему УАЗ-469. Кто-то из нас должен быть здесь остаться навсегда. Долгое время мы ездили со сквозной дыркой и мелкими радужными трещинками в центре лобового стекла. Через неделю на этом же месте специалисту «Сельхозпромэкспорт» П.Л. Типаеву в машине прострелили ногу.

Но, благодаря высокому профессионализму наших врачей, рану быстро залечили. Нужно отдать должное российским врачам, которые здесь работают по контракту, они спасли многих наших специалистов, притом, они работают не только в столице, но и по всем городам и селам Анголы и работают до настоящего времени. Организацией крупнейшей группы российских врачей занимается до сих пор А.О. Васильев, в совершенстве знающий португальский язык и местный, который в последнее время активно возрождается.

С Медведевым в то время нам тоже помогли врачи, он в этот период разболелся малярией, а из-за этой коварной болезни в Анголе умерло несколько специалистов, если вовремя не принять соответствующие лекарства. Но все обошлось.

За многолетний период картографирования Анголы, территория которой составляет 1247 тысяч квадратных километров, приняло участие в процессах топографо-геодезических, картографических и гравиметрических работ более семисот высококвалифицированных специалистов. Карты, созданные геодезистами, топографами и картографами «Союзкарты», используются в Анголе и в настоящее время. Других топографических карт в стране нет. Эти работы выполнялись в Анголе почти тридцать лет, применяя современные методы картографирования, используя технологию аэрофотограмметрических процессов и материалов дистанционного зондирования Земли из космоса.

Берлога людоеда

Около 20 лет назад мне удалось опубликовать фотографию Михаила Гигиняка с медведем, пойманным в петлю, и короткое сообщение об этом таежном приключении. После этого мы встретились с Михаилом, и он упрекнул меня, что я прокомментировал этот случай очень коротко.

А случилось это так. Ранней весной на вертолете Ми-4 мы прилетели в Восточные Саяны в поисках места для создания базы партии для выполнения топографо-геодезических работ. В то время я работал начальником Минусинской комплексной экспедиции № 150. Летели над замерзшей рекой Кизир, подбирая удобное место для строительства новой базы партии. Сверху хорошо просматривались просторы густой мрачной тайги с проблесками белого снега между деревьями. Пролетев Третий порог, начальник партии Н.А. Поакаев, прильнувший к окну, увидел на правом берегу реки охотничью избушку. Сделали несколько кругов над заброшенной избой и приземлились на льду просторной реки Кизир. Место для базы партии оказалось удачным.

Первые дни можно было переночевать в охотничьей избе. Радист Михаил Гигиняк ходил, утопая в снегу, выискивал высокие деревья, чтобы установить антенну для радиостанции. Тайга в данном месте была очень густая. Снег на открытых местах подтаял, покрывшись твердой ледяной коркой, а среди деревьев был рыхлым, мокрым, передвигаться было сложно. Мы с начальником партии и экипажем вертолета поднялись на вторую береговую террасу и подобрали место для вертолетной площадки. Обозначили размеры взлетно-посадочной площадки, на которой предстояло выпилить лес и расчистить земельный покров для посадки вертолета. Из вырубленного леса планировалось построить базу партии: помещение для конторы, склад, баню и бревенчатые каркасы с нарами под стационарные палатки для ночлега полевых бригад. Я собрался с экипажем улетать, а начальник партии с группой рабочих оставался строить базу партии.

Озираясь по сторонам, ко мне подошел радист и шепотом стал объяснять, что он обнаружил около избушки следы медведя, не хотел разглашать, иначе рабочие струсят остаться, и попросил отправить завтрашним рейсом его собаку Найду. Только теперь я понял излишнее хождение радиста вокруг избы. Михаила я знал хорошо, он много лет работал в экспедиции и каждый год просился в самые отделенные, глухие таежные места. Ему много раз приходилось встречаться с медведями, на его

счету более двух десятков убитых медведей, притом мирных хозяев тайги он не уничтожал.

Вспомнилось, как прошлым летом вывозили из тайги радиста, изодранного медведем, в тот год база партии находилась в верховьях реки Агул. Приспособился тогда медведь разорять продуктовые лабазы экспедиционных бригад. Гигиняк вблизи одного опустошенного лабаза, на медвежьей тропе, соорудил приспособление, подвесил на капроновом фале, на высоте двух метров, между деревьями, банки сгущенного молока, проткнув их тонким гвоздем, лакомство тончайшими струйками повисло над тропой. Над сооружением, на тропе, был установлен медвежий капкан. Недолго пришлось ждать похитителя. Рев разразился на всю таежную глухомань, радист с Найдой примчался и увидел разъяренного не очень крупного топтыгина, попавшего одной задней лапой в капкан. Гигиняку стало жалко рыдающего пестуна, и он разжал скобы капкана, увидев, что нога была не повреждена, высвободил лапу и отпустил медведя. Но «грабитель», развернувшись, напал на Михаила, подмяв его под себя. Спасла Найда, опытная медвежатница, ухватилась за медвежье мужское достоинство, «грабитель» взревел от ужасной боли и мгновенно бросился в густые заросли тайги. У радиста оказались искусанными грудь, плечо, шея и повреждено лицо. Врачам удалось восстановить здоровье, и Михаил вновь отправился в экспедиционное мытарство, на этот раз на реку Кизир, овеянную трагическими событиями, как и соседняя река Казыр, на которой трагически погибли изыскатели Кошурников, Стофато, Журавлев, занимаясь поисками железнодорожной трассы Абакан—Тайшет.

К каждому экспедиционному сезону Гигиняк готовился основательно. В зимний период он съездил в с. Курагино, расположенное на реке Тубе, в которую впадает река Казыр, предварительно забрав в свои объятия реку Кизир. Повстречался с местными рыбаками и охотниками. Выяснил, что за Третий порог редко кто из охотников пробирался, хотя были смельчаки, бывавшие и на Четвертом пороге. Эти гигантские пороги много проглотили туристов и рыбаков, разрушая плоты и лодки в щепки. Год назад не возвратились с осенне-зимней охоты братья Афанасьевы, которые отправились охотиться в октябре за Третий порог на белку и соболя с опытной собакой, но с охоты не вернулись. Места эти дикие и очень далеко находятся от деревень и сел.

Гигиняк, войдя в охотничью избу, понял, что это изба Афанасьевых, было такое впечатление, что хозяева только что вышли из избы. На столе стояли алюминиевые чашки, ложки, туески, на полках охотничьи припасы, дробь, порох, патроны, но за зимний период чувствовалось, что грызуны здесь поработали основательно, видно было много шкурок соболей и белок,

которые превращены в шерстяной пух, устеливший толстым слоем пол избышки и нары. Радиста мучила таинственная загадка, куда подевались охотники. Необъяснимы были медвежьи следы около избы. Гигиняку рассказывали охотники в Курагино, что в этих местах водится большое количество медведей, и они наделали много трагедий, но из берлоги медведи должны выйти недели через 2—3. И обычно, после зимней спячки, хозяева тайги устремляются на оголенные поляны собирать сохранившуюся бруснику, упавшие кедровые орехи, которых в этих местах очень много. Порывистые весенние ветры, раскачивая громадные кроны деревьев, срывают переспевшие кедровые шишки, устилая землю толстым слоем самым любимым кормом бурых обитателей, которые пригоршнями сгребают шишки, съедая их, восстанавливают свои силы после долгой зимней спячки.

На следующий день на Кизир вертолет привез экспедиционное снаряжение и Найду, стосковавшуюся по таежным просторам. Выскочив из вертолета, Найда проделала рекогносцировочное обследование местности, оставляя свои пометки, затем сосредоточилась на втоптаных медвежьих следах вокруг избышки.

Михаил внимательно следил за взволнованной собакой, которая пронюхивала снег, фыркала, раскапывала лапами снежную массу, словно хотела докопаться до истины происшедшего. Затем неугомонная Найда пыталась увлечь хозяина пойти за ней в тайгу, оцепеневший радист пришел в смятение, понимая, что для такого похода необходимо основательно подготовиться. Снег с каждым днем сильно таял, появились весенние проталины. Тайга после длинной зимней спячки оживала. Пахло затхлой плесенью, но через день другой запахи из под снежного гниения улетучивались, наполняя лесные просторы свежим опьяняющим таежным воздухом.

В выходной день Гигиняк отработал с экспедицией утренний радиосеанс, отправился с Найдой в тайгу. Собака увлеченно бегала по сторонам, совершая огромнейшие зигзагообразные маршруты, скрупулезно обнюхивая все деревья, кусты, постоянно перепрыгивая через стволы валежин. Звериная тропа, проложенная вдоль берега реки, оказалась хорошо натоптана, очевидно, по тропе прогуливаются часто крупные звери. Тропа часто вводила Михаила в глубь тайги, огибая большие завалы, густые заросли, затем выводила к самой кромке реки, ближе к речному берегу тропа проходила по низкой выщипанной густой травянистой местности, удаляясь в лесную даль, на моховой тропе очень часто можно было увидеть значительные кучки, похожие на плоды крупного продолговатого шиповника или темного винограда, испражненных сохатыми, изюбрами и

оленьями. Собака вдруг твкнула, сосредоточившись на огромную лиственницу, радист увидел свежеразодранную кору на уровне человеческого роста — это бурый хозяин тайги совсем недавно сделал когтями отметину своих владений. Таинственная тревога охватила отчаянного таежника. До базы партии было всего 2 км, косолапый, оказывается, обитает совсем рядом, не уходит даже от оглушительного грохота вертолета, дребезжащего завывания бензопил, громыхания спиленных деревьев. Найда скрылась в густую чащу, и вскоре вдали разразился тревожный воющий лай. Хозяин распознавал по интонации и напористости лая о степени тревоги и опасности своей собаки и понял, что Найда обнаружила кого-то в тайге, но это не медведь и не крупный зверь, хотя в непрерывном лае прослушивается озабоченность и настойчивость присутствия хозяина. Радист пробирался к четвероногой через густые еловые заросли, настороженно раздвигая колючие сучья поросли, глядя в мрачную глушь тайги.

Перед взором Михаила предстали вывороченные с корнями два огромных дерева, образовав грандиозную берлогу. Найда, увидев хозяина, замолкла, стала обнюхивать скопившиеся кости вокруг берлоги. Кости около берлоги — это явление очень редкое, подумал радист, некоторые были втоптаны в мох. Затем Гигиняк влез в берлогу, устланную толстым слоем сухого, мягкого мха. На обочине логовища Михаил увидел череп человеческой головы, затем еще один, волосы на голове поднялись, тело покрылось мурашками, таежник поспешил из берлоги и увидел среди кустарника остатки черепа собачьей головы и искореженные остатки ружьев.

Охваченный испугом, Михаил поспешил на базу партии. Несколько дней радист ломал свою голову, думая о берлоге людоеда, понимая, что медведь очень матерый и хитрый, коль сумел уничтожить профессиональных охотников вместе с собакой. Через несколько дней Гигиняк пошел в сторону берлоги и срубил меченную топтыгиным лиственницу, затем поставил на сваленное дерево банку сгущенного молока. Через три дня радист обнаружил сплюснутую банку, сладкое лакомство было до капельки съедено. Каждую неделю с экспедиционного склада Михаил уносил медведю сладкое угощение. Приучив косолапого к подкормке, Гигиняк установил на сваленном дереве петлю с надеждой, что медведь полезет за очередной сгущенкой и поймается в поставленную петлю. До глубокой осени продолжался эксперимент таежника, топтыгин приспособился — молоко сгущенное съедает, а в петлю не залазит. За лето людоед съел более 20 банок сгущенки, не залазя в петлю.

За летний период людоед несколько раз нападал на экспедиционных работников. Однажды начальник партии Н.А. Поакаев повез на моторной лодке по реке продукты в бригаду. Через 4 км мотор заглох, долго мучились вместе с мотористом, потом обнаружили, что бензобак протекает, нет горючего, тогда Поакаев отправился на базу партии по тайге за бензином. Оставалось совсем близко, вдруг сзади, совсем близко, раздался рев, начальник партии вздрогнув, оглянулся, на задних лапах вплотную мчался разъяренный медведь. Геодезист взревел от страха, выхватил пистолет ТТ и начал ожесточенно стрелять в обезумевшую бурую громадину. Опустошил всю обойму. Медведь расшвирился еще сильнее. На звериной тропе двое ревуших — здоровенный озлобленный топтыгин, лязгая зубами, и щупленький, небольшого роста Поакаев.

Спасли собаки, прибежавшие с базы партии на стрельбу и пронзительный рев. Медведь, учуяв приближение собак, умчался в таежную глушь. Людоед очень боялся собак, поэтому в каждую полевую бригаду завезли по собаке.

Однажды бортмеханик с вертолета ушел в тайгу собирать малину. Погода была пасмурная, накрапывал дождь, вертолет из-за непогодных условий второй день не летал, поэтому механик спокойно собирал созревшую крупную таежную ягоду. Неожиданно Алексей почувствовал, кто-то рядом тоже собирает малину. Увидев медведя, механик с ревом бросился на базу партии, косолапый вдогонку, Алексей бросил ведро в приближающегося медведя. Ведро загремело, ударившись о медведя, преследователь на мгновение приостановился, затем вновь ринулся за человеком, в это время раздался собачий лай. Найда вовремя успела прибежать. Оставалось несколько секунд, и бортмеханик оказался бы настигнутым людоедом. После этих случаев привезли на вертолете из Каратузского двух опытных охотников с собаками.

Две недели бывалые профессионалы охотились, выслеживая людоеда, за это время застрелили двух росомах, рысь, которая набросилась с дерева на мальчика, сына охотника, недавно приехавшего. Собаки, загнав, загрызли двух оленей, пришлось застрелить. С помощью собак охотники застрелили очень крупного изюбра и сохатого.

Людоеда так и не удалось выследить, он даже в течение двух недель не приходил за сгущенным молоком, хотя радист даже разлил несколько банок лакомства, надеясь на заманчивый запах сгущенки. За приманкой тщательно следили охотники, соорудив вдали засаду на людоеда, который держал всю партию в страхе.

Как только охотники улетели, медведь в ту же ночь съел причитающуюся ему порцию сгущенного молока. Охотники заверили

Гигиняка, что медведь никогда не поймается в петлю, так как животное эта умная, тем более этот гигант очень матерый, но самое главное, крайне опасный для человека, очевидно, сильную боль причинила ему собака, поэтому охотники посоветовали без собак в тайгу не ходить.

Полевой экспедиционный сезон подходил к концу, бригады геодезистов, которые проводили измерительные работы на пунктах триангуляции в Саянах, вывозили вертолетами. На вершинах гор выше 2000 м работать было невозможно из-за сильных морозов и холодных порывистых ветров, поэтому все бригады спускались к лесу. Затяжные дожди, а в горах со снегом, приостановили работу вертолетов. По всем партиям была дана циркулярная радиограмма: "По возможности, бригадам пешим путем добираться до баз партий". При появлении минимальной видимости вертолетчики вывозили бригады с баз партий в Курагино, Каратузское и Абакан. Иногда за неделю не удавалось сделать ни одного рейса. На базах партий скопилось большое количество бригад. Две бригады оказались заблокированными снежными завалами в районе пика Грандиозный.

В этот сложный затянувшийся дождливый период погоды мне удалось договориться с начальником Абаканского объединенного авиаотряда В.Ф. Брындиковым вылететь с ним в Кизирскую партию для вывоза бригад с пика Грандиозного. Дело в том, что начальник отряда имел право летать по фактической погоде, на свое усмотрение. Прилетев в Кизирскую партию, мы забрали с горных хребтов бригады и вывезли их в партию. Синоптики на ближайшие дни не обещали хорошей погоды, поэтому решили вывезти с партии людей без груза, разрешили взять только личные вещи в рюкзаки и даже спальные мешки и инструменты запретили загружать в вертолет с целью, как можно больше вывезти с партии людей.

Неожиданно встревожено залаяли собаки, а их собралось в партии со всех бригад приличное количество. Тайга, словно содрогалась от громкоголосого пронзительного рева хозяина тайги. Гигиняк выскочил на крыльцо, свистнул Найду, а за ней вся свора устремилась в сторону разъяренного людоеда. Мы тоже направились, хотелось взглянуть на пойманного медведя, который все лето держал в страхе Кизирскую партию. Не верилось, что косолапый влез в петлю. Вечерело, становилось пасмурно, моросил мелкий дождь.

Картина была ошеломляющая. Огромный медведь находился в сидячем состоянии, обняв лапой ствол срубленного дерева, положив на лиственницу голову, так затянулись петли стального троса, поставленные Гигиняком в течение лета, медведь не мог даже повернуть головы. Я сфотографировал Михаила сидящим около медведя, и мы поспешили к вертолету.

Через две недели в экспедиции появился Гигиняк и рассказал, что при снятии шкуры с медведя он обнаружил под кожей несколько пуль пистолета и литые самодельные свинцовые жиганы 16-го калибра, очевидно, эти пули были охотников Афанасьевых. Но самое главное, у людоеда оказалась откусана мошонка с яичками, вероятно, собака Афанасьевых отгрызла медвежье достоинство, поплатившись своей жизнью, поэтому людоед очень боялся собак.

Афганские проблемы

В 1980 году я работал в Свердловске генеральным директором производственного объединения «Уралаэрогеодезия», из Москвы, из ГУГК, поступило письмо: подготовить одного опытного специалиста для топографических работ в Афганистане сроком на два года. Председатель нашего профсоюза В.С. Сысенко предложил отправить Геннадия Федоровича Таранова, объяснив, что Таранов признан лучшим специалистом года в экспедиции, овладел комплексом всех полевых работ, прекрасный семьянин и возраст подходящий — 32 года. В те времена топографо-геодезические работы ГУГК выполняло во многих странах мира. Отправляли лучших специалистов, отработав за рубежом два года, работник имел возможность купить легковую автомашину. Этот престиж отрабатывал создание в коллективе надежного кадрового резерва.

Проработав в Афганистане один год, Геннадий приехал в отпуск и в августе 1981 года вновь отправился в Кабул.

В сентябре месяце топограф Таранов выполнял нивелирование по берегу одного из магистральных арыков на севере Афганистана. Дни стояли очень жаркие, бригада передвигалась с работой медленно. Рядом с бровкой оросительного канала была проложена грунтовая дорога, по ней и прокладывали нивелирный ход, через каждые 500 м измеряли урез воды в арыке. Берега арыка заросли густым камышом, в зарослях которого водилось множество лягушек, а на береговых склонах царствовали черепахи и змеи. Бригада состояла из 5 человек, помощником у Геннадия работал молодой парень, житель Кабула, который закончил в этом году Киевский топографический техникум и владел русским языком, на рейках были рабочие из числа местных жителей, шофер тоже был местный житель. Автомашина ГАЗ-66, оборудованная для перевозки людей в виде закрытого фургона, медленно следовала за нивелирной бригадой. По обе стороны арыка вплотную примыкали засеянные поля, кое-где на меже возвышались деревья, укрывая своей тенью неказистые строения. Рабочий день заканчивался, требовалось засветло доехать до базы партии.

Неожиданно грянул выстрел из автомата, окровавленный топограф кубарем вместе с нивелиром скатился в арык, не подавая признаков жизни. Рабочие побросали рейки и, согнувшись, убежали, скрываясь за бруствером земляной насыпи, раненый помощник заскочил в кабину, и с шофером умчались под градом грохочущих выстрелов.

На следующий день к месту происшествия съехалось несколько машин. Перевязанный бинтами помощник, плача, указал начальнику экспедиции Л.М. Фомичеву последнюю стоянку. Вытащили из арыка нивелир, прикрепленный к штативу, у самой кромки воды измятый камыш был залит сгустками крови. Дно арыка оказалось илистым, в середине глубина канала достигала двух метров.

Поиски в первый день оказались безрезультатными. В последующие дни подключились работники посольства и воинские подразделения советских частей армии. Через несколько дней обнаружили в двух километрах от места происшествия, в камышах, вниз по течению, клочки окровавленной рубахи Таранова. Поиски продолжались несколько недель, труп топографа найти так и не удалось. Комиссия составила акт и отправила его в Москву. Приказом по экспедиции Таранов Г.Ф. был исключен из состава, как трагически погибший. В это время в Свердловск прилетел заместитель начальника ГУГК Л.В. Овчинников по делам строительства картфабрики и рассказал трагическую историю о нашем работнике Таранове. Через некоторое время в экспедиции все знали о гибели топографа, но никто не мог отважиться пойти и рассказать семье о случившемся горе.

Однажды мне позвонили из воинской части, которая находится на юге Узбекистана, в г. Термезе, представившийся полковник поинтересовался, работает ли у нас топограф Таранов? Я объяснил, что он командирован в Афганистан и что в настоящее время никаких сведений о нем нет. Полковник попросил встретить Таранова, который отправлен военным самолетом, на борту которого везут несколько гробов с погибшими солдатами в Афганистане. Я не верил, что такое чудо случилось, и не хотел об этом кому-либо сообщать, даже не поставил в известность жену топографа. Полковник также сказал, что Таранову трудно идти, он на костылях, поэтому нужно договориться в аэропорту и подъехать к борту, а самолет в Свердловске пролетом, везет траурный груз в Омск и Красноярск. Мы с моим заместителем Е.С. Перфильевым поехали в аэропорт заранее. На душе было тревожно. Охватывало чувство тягостно-беспокойного страха. А вдруг произошла какая-то ошибка, тем более везут траурный груз, одолевали жуткие мысли. Наконец, самолет приземлился, в ночной темноте трудно было что-то рассмотреть. В дверном проеме показался человек на костылях. Перфильев схватил исхудавшего топографа, обнял и потащил в машину. Не верилось, что Геннадий жив. Через несколько дней Таранов рассказал мне подробности, которые случились с ним в Афганистане.

Одна из первых пуль прицельной стрельбы попала в колено топографа, сбив его с ног. Геннадий вместе с нивелиром упал в воду арыка. Очнувшись,

бедолага вылез из воды, ночной лягушачий рев заполнил всю долину, крикуньи старались перекричать друг друга. Топограф, преодолевая боль в ноге, стал продвигаться ползком рядом с камышами, не поднимаясь на бруствер арыка. Кровь не останавливалась, поэтому Геннадий разорвал рубаху и перевязал рану, перетянув ногу, старался остановить кровь. С такой проблемой топографу приходилось сталкиваться на Урале: однажды в маршруте неожиданно с дерева свалилась сухая вершина и просекла плечо у рабочего, Таранов тогда останавливал кровь, но это было днем, двое суток несли по тайге парня, врачам удалось спасти попавшего в беду рабочего. Таранов продолжал передвигаться на четвереньках, волоча раненую ногу, бригадир знал, что на повороте арыка приютилось несколько домов, нужно добраться до них до утра, пока его скрывает темнота. Колено ныло, нога распухла, Геннадий, успокаивал себя, продвигался вперед, иногда руки упирались в лягушачье месиво, но это не страшно, главное не наступить рукой на змею в темноте. Бригадир, вспоминая, сравнивал ночную темноту на Урале и в Афганистане, здесь ночи гораздо темнее. Кругом темным-темно, должен быть поворот арыка, скоро начнет светать. Нога распухла, становилась толстая, как бревно, тащить ее было совсем трудно. Изнемогая от боли, топограф отключился.

Утром местные жители увидели спящего русского измазанного кровью, сообщили в воинскую часть, поблизости располагалась Советская дивизия. Местные жители посчитали, что это русский солдат, так как одет в зеленую одежду и в кирзовые сапоги. Приехавшие военные забрали раненого русского, у которого не было никаких документов, находившегося в бессознательном состоянии, и доставили в свой госпиталь. В госпитале раненому сделали перевязку, поставили соответствующие уколы и вместе с остальными ранеными и больными солдатами погрузили в самолет и отправили в военный госпиталь в Узбекистан, в г. Термез. Прийти в себя Таранову помогли врачи. Вначале не мог понять топограф, где он находится, и долго не верил, что его вывезли из Афганистана. Опытные военные хирурги сделали Геннадию операцию, но высказали свое предположение, что пуля, возможно, была начинена каким-то химическим веществом, поэтому нужно в дальнейшем находиться под наблюдением врачей, возможно, придется вмешиваться в коленный сустав, т.е. выкачивать жидкость один раз через два-три месяца.

Через три недели Таранова стали выписывать из госпиталя и здесь столкнулись с проблемой: оказалось, что раненый не военный, обычно всех отправляют в свою воинскую часть на место постоянной дислокации. В это время Таранов узнал, что самолет с траурным грузом летит через Свердловск и уговорил начальника госпиталя отправить его домой.

Перед отправкой главный хирург сказал топографу, что афганские проблемы все впереди, но Геннадий не придавал значения этим словам. Они начались, действительно, в первый же день посещения поликлиники. Врачи потребовали документ о пулевом огнестрельном ранении. Таранов объяснил о трагедии, случившейся с ним в Афганистане, но это врачей не убедило. Рана постепенно заживала, Геннадий бросил костыли, но пожизненно ходил с тростью. В объединении топографу предоставили хорошее место работы: в проектно бюро составлять технические проекты, работа очень интересная и ответственная, так как эти проекты проверялись и утверждались в Москве, в отделе экспертизы.

Через несколько месяцев у Геннадия разболелась нога, распух коленный сустав, нужно было откачивать скопившуюся жидкость, как и прогнозировали специалисты в военном госпитале, что это будет происходить через 2—3 месяца. В больнице потребовали документы о пулевом ранении. Мы вновь обратились в Москву, такого документа никто не мог дать. В конце концов, Министерство иностранных дел выдало справку, что Г.Ф. Таранов работал по контракту в Афганистане, но о пулевом ранении ничего не написали. Мы обратились в военный госпиталь, где делали операцию нашему топографу. Но там делают операции только военным, и его даже не зарегистрировали, так как гражданских им запрещено принимать в госпиталь.

Оказывается, что только два ведомства в то время могли давать такие справки — это Министерство обороны своим военным и подразделения МВД людям, которые попадали в какие-либо бандитские перестрелки. Пришлось действовать через партийные органы, которые убедили принять в больницу Таранова. Афганские проблемы оказались пожизненными. Документа о ранении так и не выдали топографу. В дальнейшем Геннадий приспособился, как только колено распухало, а это сопровождалось подъемом температуры, Таранов вызывал скорую помощь, и его с высокой температурой увозили в больницу, а из стационара не могли выбросить больного, поэтому в очередной раз вновь откачивали жидкость, подлечивали и отправляли домой.

В 1986 году Г.Ф. Таранову присвоено почетной звание «Отличник геодезии и картографии».

В дальнейшем мне пришлось побывать в Афганистане, в те времена геодезическая служба называлась — Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) при Совете Министров Афганистана, возглавлял ГУГК Генеральный президент, доктор Бахаволь Дарвеш, который подчинялся Председателю Совета Министров Кештманду. Меня больше всего удивила опасность, в которой работали наши специалисты. Так, например, корпус

нашего аэрофотосъемочного самолета Ан-30, который мне показали, был весь изрешечен снайперскими пулями. Специалисты нашей группы заклеивали эти дырки, закрашивали и вновь летали.

Наши специалисты работали в сложнейших условиях, порою попадали под обстрелы, залечивали раны и вновь со штативом и инструментом уходили в поле, выполнять миролюбивую миссию, создавая топографические карты для орошения земель, развития сельского хозяйства, строительства жилых домов и производственных сооружений. Параллельно с полевыми работами, осуществлялись камеральные. Национальной гордостью страны стал "Атлас провинций Афганистана", который начинал разрабатывать старший инженер-картограф Дмитрий Вадимович Черных. В атласе отображено состояние природных и трудовых ресурсов страны. Атлас издан в объеме 124 страниц, состоящий из серии карт каждой провинции. Наибольших результатов в картографировании страны было достигнуто в период, когда группы возглавляли: Заслуженный работник геодезии и картографии Вениамин Федорович Игнатъев и Заслуженный работник геодезии и картографии Александр Николаевич Краюхин.

Болота Васюганья

Болота Васюганья — это огромнейшие пространства Западной Сибири, которые с большим трудом поддавались картографированию. Некоторые процессы приходилось выполнять ранней весной, когда болота были скованы трескучими морозами. Но теодолиты не были приспособлены к работе в зимний период, поэтому измерительные работы в основном выполняли в летний сезон. Кроме инструментальных наблюдений, для создания новой крупномасштабной карты требовалось, согласно инструкции, измерять глубину болот, то есть на карте соответствующим условным знаком показывается болото проходимое, труднопроходимое или непроходимое и дается характеристика глубины болота в цифрах.

Комплексом таких работ в Васюганье занимался топограф Петр Хромов. Какой-либо транспорт использовать в этих болотах очень сложно, поэтому работали пешком. В бригаде было пять человек: студент работал в должности помощника бригадира и трое рабочих. В один из жарких летних дней Хромов направился со студентом отнаблюдать теодолитом опознак, а рабочих отправил за остатками продуктов и снаряжением, которые оставались на продуктовом лабазе в 15 км. Дело в том, что этот лабаз было видно невооруженным глазом, он располагался в 2 км, но болото не позволяло пройти прямо, ходили к лабазу по тропе, проложенной по водоразделу. Тропа тоже в некоторых местах была заболоченной, но проходили по ней каждый раз удачно. Петр с Иваном отправились на опознак в противоположную сторону, взяв теодолит со штативом и жердь длиной метров пять, чтобы установить ее с флажком наверху с помощью подпорок для дальнейших измерений. Жердей было заготовлено много, так как в округе леса не было, болота с многочисленными озерами, большими и маленькими, поросшими высокой осоковой травой и камышами, кое-где островками можно было увидеть кустарниковую растительность.

До опознака предстояло пройти десять километров, шли по заболоченной местности, впереди шел бригадир, сухощавый, высокий, смуглое, обветренное лицо заливал пот. Назойливые комары, болотная въедливая мошкара лезла в глаза, в нос, проникала во все щелочки, разъедающая до крови тело. Студент небольшого роста едва успевал за бригадиром, ступая след в след, так по болоту легче идти, волоча за собой жердь, отбиваясь одной рукой от надоедливого гнуса. Отнаблюдать опознак удалось быстро, Хромов был опытным полевиком и такие процессы выполнял по давно отработанной схеме.

Возвращаясь к палатке, вдруг услышали выстрел, подумали, что рабочие стреляют уток, здесь их очень много, поэтому стреляют обычно выборочно в селезня крупного или в гуся. У каждого рабочего были личные ружья, но у рабочего Дорофея была тозовка мелкокалиберная, она стреляет без грохота, значит стрелял не Дорофей, он из местных жителей, приняли его на работу в поселке Каргасок, по возрасту он всех старше, прекрасно знает всю местность в округе. Проявил себя за месяц как старательный, незаменимый работник, особенногодились его познания в этой многоозерной, болотной местности. К биваку пришли одновременно бригадир со студентом и Дорофей с Алексеем с огромными рюкзаками. «А где Шурик?» — вырвалось у Хромова. Дорофей объяснил, что Александр категорически отказался идти с ними по тропе, сказав, что он пойдет прямо по болоту, с упреком высказал, что все тяжеловесные, а он со своим легким весом проскочит это расстояние за 30 минут. Он, действительно, тщедушный, небольшого роста, но в маршрутах никогда слабосилие в нем не проявлялось. До прихода в экспедицию Александр отбывал в тюрьме небольшой срок за какие-то мелкие хулиганские поступки, работал безотказно, хотя иногда в его характере проявлялась взвинченность.

Раздался выстрел, и послышался раздирающий крик. Кричал и стрелял Шурик, очевидно, болото затянуло его и, конечно, самому не выбраться. Среди озер и высокотравья болотной растительности его не видно даже в бинокль. Нужно по тропе идти к лабазу, он где-то там близко, но это 15 км, то есть три часа хода. Удастся ли спасти? Все четверо без отдыха собрались, прихватили с собой жерди, веревки, топоры и быстро отправились в маршрут. Впереди шел Дорофей, высокий, коренастый, обросший короткой негустой бородой. Он торопился, испытывая на себе вину, что не смог переубедить Шурика отказаться от губительного маршрута.

Пока обедали и отдыхали у лабаза, абориген рассказал страшные истории про это болото. Он поведал, как год назад принимал участие по поиску в этой трясине двух геологов, тогда они шли втроем, последней шла женщина. Очень здесь обманчивая местность, всего метров сто зыбкая трясина, а далее обычное болото, а обходить приходится 15 км. В тот раз женщина ринулась назад, не успела ступить ногой в зыбкую бездну. И это ее спасло. Потом приезжала комиссия, делали большой плот, этим занимался Дорофей, пытались разыскать и вытащить трупы геологов, но так и не удалось их обнаружить. Шурик обвинил Дорофея, что он придумал эти страшилки и, тем более, женщина осталась жива, она легкая и наверняка бы одолела это болото. Уходя от лабаза, абориген напомнил Шурику, что в этом болоте погибло много людей, когда-то в нем поселилась ведьма, и с тех пор его кличут «Болотом ведьмы».

Хромов шел след в след за Дорофеем и слушал заклинания в адрес этих болот. Абориген поведал, как однажды спас в этом болоте маленькую косулю, которая жалобно бляла на всю округу. Тонкие ножки косули погрузились в трясину, удерживалась она на своем хлюпком туловище. Дорофей соорудил из кустов и порослей медвежьих лапы, так в Васюганье называют сплетенные из прутьев в виде широких и коротких лыж приспособления. С помощью этих медвежьих лап приблизился к косуле, которую вдобавок заедала мошкара и комары, рукавом раздавил на мордашке косули комариную мразь и просунул под ее туловище свой солдатский ремень, только тогда смог вытащить косульку из трясины. Она лизнула спасателя в лоб, словно поблагодарила. Дорофей вынес ее на сухое место и отпустил. Косуля, высоко подпрыгнув, скрылась в чащобе кустарников. В болото ее загнал какой-то хищник.

Несколько лет назад в этом болоте погибло два туриста. В трясину стоит только ступить одной ногой, затягивает, как магнитом. Человека туда тянет, словно лебедкой.

Подходя к лабазу, Дорофей начал сламывать прутья для изготовления медвежьих лап. У лабаза, оставив груз, все отправились, прихватив жерди и веревки, по направлению, куда должен был отправиться Шурик. Начали кричать, он откликнулся сиплым тихим голосом, который раздался совсем близко. Его голову среди ярко зеленых стеблей осоки обнаружили по приглушенно-хриплому голосу. Голова, облепленная мошкой, раздутыми кровью комарами и слепнями, удерживалась на трехметровой нивелирной рейке, на которой он висел на подбородке, оставалось 3—4 сантиметра до наступления мучительной смерти.

Самым опытным в этих делах оказался Дорофей. Жерди выложили вокруг головы, с запасом на туловище, которая оказалась в квадратном колодце. Затем ремнями и веревками стали просовывать через болотную жижу под мышки, за плечи, но густая, вязкая жижа так засосала Шурика, что даже вчетвером не удавалось стронуть его с места. Дело в том, что сооруженный настил из жердей тоже был зыбким и постепенно погружался. Постоянно у всех соскальзывали ноги с жердей, проваливались в трясину, становились на колени поперек на жерди. Принесли с лабаза пустую железную бочку из-под продуктов и соорудили рычаги с упором на бочку и только с помощью этого приспособления с надежной точкой опоры удалось, медленно вываживая, вытащить Шурика из болотной трясины. Даже не заметили, что наступила темнота.

Ночевали у лабаза. Лицо Шурика было покрыто мелкими бугорками и крупными буграми от укуса кровопийцев. Его подбородок был опоясан

широким шрамом, посиневшим кровоподтеком. У него постоянно слезились глаза, он молча улегся спать, даже не стал ужинать.

Остальные долго сидели у костра, слушая Дорофея. Он рассказал легенду о болоте ведьмы, которая передается из уст в уста в Васюганье. В верховьях реки Васюган имеется старинная деревня Шмаковка, в этой деревне, в избе на отшибе, жила Прасковья, очень трудная судьба у нее сложилась. Однажды муж с сыном ушли осенью на промысловую охоту и из тайги не вернулись. Слухи доходили, что на них напали какие-то мужики, убили их и забрали пушнину. Так и жила одна худущая, высокая бабка Прасковья. В деревне участились непонятные явления, многие стали замечать Прасковью в колдовстве. Она уединилась, слыла затворницей, ее звали ведьмой, она стала вредной, молчаливой. Все боялись злющего взгляда темных глубоких глаз и крючковатого, длинного ее носа. Однажды на деревню налетел ураган, разрушив в каждом доме или крышу, или забор, а у ведьмы никаких разрушений не было. Как-то раз утром вся деревня собралась около ее дома, выгоняя коров на пастбище. Пастух дожидался деда Силантия, который быстро гнал своих двух коров и бычка. Силантий, загнав свой скот в табун, развернувшись, стал уходить, вдруг из стада выскочил деревенский бык и начал бодать старика, сбив его с ног. Пастуху с помощью собак удалось отбить Силантия, но своими рогами он столько наделал ран старику, что тот пожизненно оказался прикованным к больничной кровати. Все происходило на глазах у ведьмы. Она загнала свою коровенку в стадо и, не обращая внимания на крики собравшихся, удалилась в свою ограду. Таких случаев в деревне было много.

В другой раз разразилась сильная гроза с молнией и проливным дождем, пастух не смог удержать стадо, коровы убежали в деревню по дворам. Проходя мимо ведьмы, пастух увидел, что ее корова стоит у ворот, поэтому открыл калитку и запустил во двор корову. Утром вся деревня выгнала своих коров, оставалась только корова ведьмы. К ней никто не ходил, боялись получить от нее порчу. Пастух был не из местных жителей, поэтому направился смело в избу ведьмы. Дверь оказалась незапертой, ведьмы в доме не было. Ведьма исчезла навсегда. Перед грозой деревенские мальчишки рвали березовые веники, готовя их для бани, и заметили ведьму. Притихли. Она пробиралась между стволами деревьев к болоту. Больше ведьму никто не видел. Она поселилась на болоте. В деревне прекратились непонятные явления, но зато на болоте стали часто гибнуть люди, но только мужчины, ни одной женщины болото ведьмы в свои объятия не забрала.

Утром Хромов со всей бригадой, преодолев пятнадцатикилометровый маршрут, возвратился к своей палатке. Шурик уволился, работать больше не смог, с ним произошла какая-то метаморфоза.

Таинство Тунгусского метеорита

Топографы и геодезисты, создавая подробные топографические карты на Сибирский таежный регион, где 30 июня 1908 года упал метеорит, постоянно испытывали в процессе экспедиционных работ неудачи и бедствия.

За десять лет здесь много случилось разных страданий и ужасных, потрясающих событий. Все эти годы, в разных должностях проработал в этом регионе В.А. Лазаренко, вначале начальником партии, затем главным инженером отряда № 51, потом начальником экспедиции № 147, а впоследствии главным инженером предприятия.

Первый выезд главного инженера отряда на реку Подкаменная Тунгуска был омрачен трагическими событиями. На глазах у него утонул при переправе на лодке через эту реку опытный топограф И.Ф. Шкрёбко, который много лет на лодках работал на Ангаре, на Енисее, а здесь утонул. Коварная река Подкаменная Тунгуска за годы картографирования региона забрала в свои объятия многих экспедиционных специалистов.

Так, в разгар полевых работ, 11 июня 1963 года, утонуло сразу три оленевода, работа геодезической партии была парализована, целый табун оленей остался без единого специалиста. Главный среди них опытный эвенк, бывалый проводник Егор Эскоп решил проверить наличие ягельных кормов для оленей на противоположной стороне реки и забрал на лодку старшего оленевода К.И. Тарасова, молодого оленевода Д.Т. Прошина и его жену Меланью. На середине реки по непонятной причине лодка перевернулась, и трое оленеводов утонули, Меланья выплыла, объяснив, что лодку кто-то словно приподнял и перевернул вверх дном, она утверждала, что это сделал злой дух, уговаривала всем уйти с этого проклятого места, иначе смерть всех здесь наступит. Вначале В.А. Лазаренко не воспринимал доводы Меланьи, но потом вспомнил, что два года назад в этом месте погибли четыре человека, притом совсем из другого отряда. Тогда механик геодезист В.Д. Соколовский, рабочие А.Г. Фримштейн, В.Г. Баранов и шофер П.И. Коломиец ранней весной на вездеходе ГАЗ-47 ехали к своему месту работы и решили здесь, на берегу реки, заночевать. Мороз был сильный, поэтому спали в вездеходе с работающим двигателем, и все скончались в результате отравления выхлопными газами. Много загадочных явлений происходило в этих местах, часть из них объяснимы, а некоторые остались неразгаданными.

Однажды поехал Лазаренко на моторной лодке в бригаду, удалился от базы партии на 50 км, и вдруг мотор заглох. Он стал разбирать мотор и обнаружил, что закончился бензин, выбросил пустой бак на берег, сел на него и долго раздумывал, что делать. Вечерело, поэтому решил переночевать, а утром самосплавом спускаться обратно, на базу партии. Вечером разжег костер, установил палатку, раскатал спальный мешок и улегся спать. Утром все вещи уложил в лодку, взявшись за ручку бачка, вдруг остолбенел, почувствовав, что бак не пустой, открутил крышку, взболтнул, подозревая, что могла попасть вода, хотя дождя ночью не было. Геодезист, в конце концов, убедился, что в баке бензин. Что за наваждение произошло? Вечером бак был пустой, а утром оказался почти наполовину с бензином. Лазаренко ущипнул себя несколько раз, убедившись, что это не сон, затем подсоединил бак, завел мотор и уплыл в бригаду, загадка осталась неразгаданной.

Еще одна загадка случилась ранней весной. На базе партии утром тревожно начали лаять собаки. Все повыскакивали из палаток и из конторы и вдруг увидели у крыльца маленького розового поросенка. Откуда он мог взяться здесь в таежной глухомани, где нет ни единого поселка на сотни километров? Кладовщик быстренько соорудил из ящиков ограждение и стал придумывать кормежку маленькой хрюшке. Поросенок был умилением для всех работников, он любил, когда его почесывали, ложился и блаженствовал. Загадка осталась неразгаданной, хрюшка свалилась, словно с неба. Глубокой осенью, когда закончились полевые экспедиционные работы, кладовщик смастерил надежный ящик для вывоза вертолетом хрюшки, она стала уже большая, но в канун последнего рейса отлета хрюшка ночью исчезла. Долго искали вокруг, кладовщик не хотел вообще улетать, но Лазаренко в приказном порядке заставил улететь, законсервировав базу на зиму. Такие сверхъестественные события наводили на разные размышления, притом на других соседних объектах подобного ничего не происходило.

Много было различных мистических случаев на этой базе, вот еще один из них. Построили на берегу реки баню, сложили печь и соорудили каменку для камней, чтобы можно было париться с веником, но камней поблизости не было. В субботний день радист пошел затопить баню и обнаружил у дверей бани кучу камней, катыши величиной с небольшую дыню появились, словно из-под земли, даже вертолет не прилетал давным-давно.

Кругом дремучая тайга, деревень и сел поблизости нет. Километров за сто, в верховьях одного безымянного ручья, проживает семья, но о ее месте нахождения никто не знает. Лазаренко наткнулся на их жилье случайно. Год назад на весь объект сделали площадную аэрофотосъемку. На одном

фотоснимке начальник обнаружил поляну значительных размеров, которая расположена на солнечном склоне реки, поэтому решил побывать с целью создания новой базы партии для будущего года, так как продвигались ежегодно на восток все дальше и дальше. Пришел начальник экспедиции к заветной поляне и ахнул: под кронами деревьев скрывалась избушка значительных размеров, поляна — это просяное поле, на привязи паслись козы, среди стволов кедровых деревьев идеальная чистота. Геодезист вспомнил разговор с егерем, с которым пришлось повстречаться в Байките по экспедиционным делам. Он поведал тогда, что в тайге проживает семья Иконниковых. Пришли они сюда, скрываясь от раскулачивания, скитаются по тайге много десятков лет, но никто их не встречал, предполагая, что они давно повымерли.

Лазаренко громко кашлянул, разбудив таежную тишину, из-за землянки выскочили с напористым звонким лаем две собаки, набросившись на непрошеного пришельца. Вышел коренастый мужчина в холщовой домотканой одежде с седой окладистой бородой, шел медленно, затем показался молодой парень, он пронзительно свистнул, и собаки успокоились. Крестьясь, выглянули две женщины и исчезли. Бородач молча остановился метра за три-четыре. Лазаренко рассказал, что в этих местах работает его экспедиция, хотел бы расспросить и узнать, где имеются тропы, пороги и водопады на реках и все остальное для создания топографической карты. Разговор не получался, бородач сказал, что скоро придет зять и он расскажет. Геодезист попросил разрешения поставить палатку и развести костер, хозяин показал на обрыв и посоветовал разместиться там, так как в этом месте всегда дует ветерок и нет комаров. Почувствовав потепление в общении, Лазаренко сказал, что если нужны какие-то продукты, соль, спички и т.д., то экспедиция сможет привезти на лодке. Бородач объяснил, что все у них есть, а соль добывают сами, поблизости имеются солончаки. Таежник сосредоточил свой взгляд на заткнутой за пояс геодезиста топор. Лазаренко вытащил топор и подал бородачому, а он взглядом и рукой показал ствол дерева, к которому начальник поставил топор. Глава семьи крикнул сына, молодой парень пришел в вязаных варежках, забрал топор и ушел к реке. Теперь геодезист понял, что это староверы и их обряд не позволяет делать по-другому. Затем Лазаренко увидел, как вымытый в реке топор рассматривали сын и две женщины, передавая его из рук в руки, ласково поглаживая топорнице.

На краю обрыва геодезист установил свою одноместную палатку, раскатал в ней спальный мешок, разжег костер и подвесил котелок, наполненный консервированным борщом. Пришелец постоянно ощущал на себе какой-то взгляд, боясь его спугнуть, поэтому не оборачивался в сторону

избушки. Подбрасывая в костер обломки сухих сучьев, постоялец оглянулся и встретился взором с карими глазами, выглядывающими из-за дерева. Лицо, вздрогнув, исчезло и появилось вновь. Строгое иконообразное лицо, обрамленное слегка вьющимися темными волосами, с поволокой томных глаз с нежностью смотрели на пришельца. Длинная коса, свесившись на грудь, украшала светло-серую холщовую блузку незнакомки. Лазаренко жестом ладони пригласил таежную красавицу к костру, освободив место на валежине, но незнакомка отрицательно качнула головой. «Как тебя звать?» — тихо спросил геодезист. «Мария», — шепотом ответила она, доставляющая наслаждение взору, и тихо скрылась в лесных зарослях. Хотелось догнать, но Вячеслав остановился, уговаривая себя: «Этого делать нельзя». У Лазаренко от неземной красоты заискрились глаза, в экспедиции женщины говорили про Лазаренко: «Зачем природа подарила такие красивые глаза мужчине, лучше бы наделить ими женщину, а мужчина с любыми проживет».

Завечерело, с реки потянуло прохладой. Блестела в переливах вода, чуть-чуть булькая, переливаясь в отблесках серебра. К костру подошел рыжебородый мужчина. Разговор не получался. Хотя Прохор рассказал, что видел выстроенные на вершинах гор деревянные вышки, поинтересовался, для чего это делается, живет он со своей женой Варварой, это старшая дочь Емельяна Иконникова, в соседнем распадке. Начальник экспедиции пытался втянуть в разговор Прохора, узнать все подробности о данном регионе, но не получалось. В разговоре Лазаренко упомянул, что до этого работал в Ачинске, Прохор оживился и рассказал, что родился и вырос в поселке Белый Яр, на реке Чулым — это рядом с Ачинским, школу заканчивал в этом городе и в армию во время войны в 1943 году призывался в Ачинске. А потом у молодого парня вся жизнь пошла кувырком. Воевал, через полгода ранило, попал в плен, после окончания войны из плена попал в тюрьму, обвинили в измене и предательстве, отсидел 8 лет. Вернулся домой, в Белый Яр, отец и два брата погибли на войне, мать, никого не дождавшись, умерла. Целый год Прохор пытался устроиться на работу, нигде не принимали с документами врага народа. Все соседи и знакомые проходили мимо, отворачиваясь. Прохор доказывал везде, что он никого не предавал, не изменял, его раненым забрали в госпитале, но об этом никто не хотел слушать. Любимая девушка давно вышла замуж и уехала в Ачинск. Вот тогда Прохор принял решение — уйти от людей в тайгу. Забил окна и двери семейного дома, забрал отцовскую двустволку, необходимое снаряжение и ушел в темные леса, постарался скрыться в таежной, безлюдной глухомани. Долгие годы мытарства в плену и в тюрьме приучили Прохора выживать даже в самых жестких нечеловеческих условиях. Поэтому здесь, на Под

каменной Тунгуске, наедине с природой почувствовал себя человеком. Нежданно-негаданно в лесных дебрях повстречался с семьей, тоже неудачников Иконниковых. Женится на старшей дочери, и уже обзавелись двумя детьми.

Светало, становилось зябко, в костре потрескивали дрова, над рекой клубился легкий туман. Прохор подробно рассказал все этапы своей сложнейшей жизни, переплетенные трагическими событиями. Горькая судьбина выпала на долю Прохора, но он оказался сильнее всех этих передраг.

Рассвело. Лазаренко увидел, что около деревьев вдали друг от друга стояли всю ночь, слушая, Емельян, его жена, сын и Мария. Мария принесла туяс с козьим молоком, берестяные кружки, наполнила их молоком и присела, любуясь, как мужчины пьют молоко. Так закончился очередной маршрут начальника экспедиции по своему объекту. Мария, наперекор своим обрядам, проводила геодезиста за лесной поворот, поцеловала пришельца и стремглав убежала.

Через год Лазаренко на вертолете прилетел к Иконниковым. Еще из окна геодезист заметил, что просяное поле пусто, не засеяно. Вертолет, долго гнездясь, не мог приземлиться, сложность оказалась в том, что склон поляны имел большой уклон. На краю леса стояли люди. Начальник экспедиции вглядывался, пытаясь увидеть Марию. Винтокрылая машина замолкла, первым выскочил Лазаренко, Прохор узнал прошлогоднего собеседника и рассказал, что после отъезда геодезиста Мария сильно загрустила, старалась уединиться, однажды ушла в тайгу и не вернулась, на поиски направился брат Матвей и тоже с концами. Емельян до глубокой осени ходил по тайге с собаками и даже по выпавшему снегу продолжал искать детей. Однажды попал в снежную пургу, простудился и умер, а вскоре скончалась и его жена. Теперь Прохор со своей семьей живет в их избушке. Лазаренко загрустил и молча удалился в вертолет. Такой трагической истории он не ожидал.

Как-то раз отправился Лазаренко на пункт триангуляции, который от реки находился всего в пяти километрах. Знак бригада построила недавно, по проекту высота его должна быть всего 17 метров. Хотелось проверить знак, уж очень много нареканий было у геодезистов на качество выстроенных сигналов. Прибросил, что за два часа вполне можно добраться до плоской вершины горы, на которой должен быть выстроен знак. Тайга оказалась на редкость труднопроходимой. Упавшие когда-то давно огромные деревья были направлены в одну сторону, приходилось перелезать через замшелые, сгнившие стволы, иногда крупные завалы приходилось обходить,

далеко отклоняясь от маршрута. Стволы деревьев, лежавшие десятки лет, были словно специально уложены поперек маршрута движения.

Вдруг геодезиста осенило, что эти деревья были повалены метеоритом, тем самым, о котором много писали. Геодезисту показалось, что он сбивается с маршрута, решил проверить свою интуицию, открыл полевую сумку, в которой был закреплен компас. Стрелка компаса показала, что главный инженер идет совсем не туда. Согласно расчетному времени должен быть уже на вершине. От реки по карте нужно было идти строго на север. Взяв в руки компас, Лазаренко пошел строго по нужному азимуту, хотя не верил, что идет верно. Прошел много и понял, что заблудился, было стыдно самому себе. Сел на валежину и стал вспоминать, в каком месте отклонился. Сквозь густую поросль молодых деревьев геодезист увидел камень, приблизился: каменная замшелая глыба высотой метра три находилась в воронкообразном углублении, заросшем густым кустарником. Лазаренко удивился каменной находке, так как в этих местах вообще камней нет. Затем топором расчистил мох и понял, что это горнорудный камень, состоящий из металла. Достал компас, и стало ясно, что стрелка подчиняется этой глыбе. Вспомнил, что год назад должны были выстроить этот сигнал, тогда бригадир С.Ф. Поплаухин пошел на речку, которая находится в 5 км, и не вернулся. Долго искали, попал в вечный список трагических записей: «Пропал без вести, случай учету не подлежит». Теперь начальнику экспедиции стало ясно, что компас и эта глыба погубили геодезиста. И в этом году, в мае месяце, опытный рабочий В.М. Семенов в этих же местах ушел и не вернулся, числится в списках «Пропал без вести».

На душе стало очень тоскливо, и Лазаренко поспешил возвратиться к речке, моросил дождь, и наверняка бы по компасу никогда не вышел. Начальника экспедиции спасла старая привычка: если уходил в тайгу один, обязательно топориком делал затесы на деревьях, по ним и удалось выбраться из этого злополучного непролазного леса.

Саянский волшебник

Один из экспедиционных сезонов инженеру Валентине Федоровне Бутаковой пришлось работать в Саянах. Объект достался очень большой и сложный — это Тоджинская впадина с обилием многочисленных высокогорных озер, рек, ручьев и родников. Здесь зарождается река Большой Енисей, сливаясь с Малым Енисеем в столице Тувы, в г. Кызыле. Многоводная река Енисей, прорезаясь через Саяны, превращается в Сибирского пресноводного гиганта.

Закончились майские праздники, и Бутакова со студенткой Ириной появилась в затеряншемся в тайге поселке Тара-Хем. Устроившись с жильем в здании школы, инженер сразу же взялась за работу. За пять месяцев предстояло выполнить годовой объем — отдешифровать на аэрофотоснимках всю ситуацию Саянской глубинки. За короткий экспедиционный сезон Валентине предстояло исходить пешком и изъездить верхом на лошади многие сотни километров, обследуя местность, нанося на новую топографическую карту все, что имеется на местности. Регион этот особенный, дело в том, что был период, когда здесь, в горах и на реках, добывали золото, но вскоре золотоносные жилы иссякли, а золотоискатели в безнадежном порыве продолжали скитания. Многие из них остались здесь навечно, некоторым сооружены памятники, которые нужно нанести на карту, кроме того, в лесных зарослях сохранилось большое количество одиноких, заброшенных избышек и хорошо натоптанных таежных троп. Скалистые речные распадки изобилуют различными пещерами, в которых уживается царство ползучих, пернатых и четвероногих обитателей, а иногда и двуногих. Все эти пещеры предстояло измерить и нанести на карту, которая будет напечатана с грифом «СЕКРЕТНО».

В первые же дни появилась проблема с наймом рабочего. Бутакова встретила с некоторыми местными охотниками, расспрашивала об особенностях тайги и уговаривала поработать у нее до октября месяца, но никто не соглашался, хотя зарплата была в экспедиции в два раза больше из-за того, что потом с 1 октября работу здесь не найти. Весть о приезде экспедиции облетела всю деревню.

Однажды вечером к инженеру подошел мальчик и начал упрашивать взять его на работу. Макару было всего тринадцать лет, хотя на вид он был рослый и кряжистый. Макар — сын местного охотника Лукьянова, и он слышал весь разговор инженера с отцом и, соответственно, загорелось мальчугану уйти в тайгу с экспедицией. Мальчик рассказал, что каждый год

ходит в тайгу с отцом на охоту, дважды вскрывали медвежью берлогу, один раз в тайге застрелил медведя один без отца, заверил, что ни одна лошадь за лето не потеряется.

Шли дни, Макар приходил каждый день, потом пришел с отцом. Инженер объяснила, что нужен хороший работник, а не ребенок, работа сложная, тем более, она не имеет права принять на работу несовершеннолетнего. Но Макар оказался очень настойчивым, отцу не давал покоя, со слезами на глазах упрашивал. В конце концов, договорились: инженер оформляет на работу отца, который по возможности, будет выезжать в маршруты, а постоянно начнет работать Макар до тех пор, пока не появится постоянный рабочий.

В колхозе арендовали четыре лошади с седлами, обычно на трех ездят, а четвертую завьючивают снаряжением в дальние маршруты. Через месяц предстояло идти к озеру Кара-Балык — это за 250 км по таежным тропам и там объем работ более чем на два месяца. В первые дни обследование местности осуществляли в окрестностях с выездом без ночевки, тем более Лукьяновы подсказывали, куда проложены дороги и тропы, где располагаются одинокие избушки, они знали название рек, ручьев, озер, родников, броды через реки и т.д. На выходные дни Валентина спланировала выезд на озеро Тоджа, с учетом, что Лукьянов старший поможет обустроиться и переночует одну ночь, а они остаются на озере на целый месяц. Распределение обязанностей было простое — женщины занимаются дешифрированием, а все остальное делают мужчины, то есть готовить завтраки, ужины, а в обед находились в маршруте — брали с собой. Далее — установка палаток, костер, дрова, вода, а главное — забота о лошадях: их накормить, напоить, спутать, заседлать и прочее. Лукьяновы в тайге много времени проводили, поэтому для них это все было повседневным делом. В первый же день Архип Архипович с помощью своей собаки Дольки застрелил горного козла, а Макар наловил хариусов. Выездной ужин оказался великолепным. Чарующая природа завораживала всех своей красотой, вдали возвышались заснеженные вершины Саянских хребтов, вокруг озера — сочная свежая трава, а далее темно-зеленая стена кедровых деревьев.

Первый месяц заканчивался. Макар освоился со своей работой, на выходные дни приезжал на помощь отец. Готовились к трудному маршруту, предстояло перебазироваться в верховья Енисея, в неведанные удаленные места Саянских хребтов.

Через три дня бригада в полном составе, завьючив лошадей продуктами и экспедиционным снаряжением, отправилась в верховья Большого Енисея, к озеру Кара-Балык. На этот раз дешифровщикам повезло: на берегу озера

обнаружили заброшенный геологический поселок, в котором капитально обосновались, даже не пришлось устанавливать палатку. Более месяца потребовалось на обследование этой безлюдной горной местности, удаленной на сотни километров от сел и деревень. Много времени уходило на изучение пещер, некоторые оказались очень большими, в них проживали различные таежные обитатели. Стояла прекрасная погода, поэтому инженер планировала ежедневные маршруты по всем долинам, тем более, что заканчивалась производственная практика у студентки, нужно было успеть за оставшиеся дни закончить полевое обследование.

Однажды, подходя к поселку, Валентина решила отправить студентку к домам, а сама пошла разыскать на склоне горы родник: нужно было найти в зарослях, где он зарождается, и нанести на новую карту. Потребовалось значительно времени для поиска. Наконец нашла, среди небольших камушков из глубины земли, пульсируя, вытекал маленький источник прозрачной холодной воды. Валентина пригоршнями напилась чистой воды, умыла лицо и вдруг увидела совсем близко карабкавшегося по стволу дерева красивого котенка, совсем маленького и беспомощного. Схватила его и быстро направилась в свой стан. Раздумывая, где же взять молока, решила, что можно развести сгущенку. Макар, увидев на руках животинку, закричал: «Валентина Федоровна, бросьте — это же рысь, маленький рысенок, сейчас прибежит рысиха, она загрызет Вас». Макар показал маленькие кисточки на кончиках ушей рысенка. Рысенок спрыгнул с рук и умчался в лесные заросли.

Наконец, поездки закончились, Бутакова приступила к камеральной обработке, а Макара со студенткой на лошадях отправила в деревню, согласно договоренности, через несколько дней Макар должен возвратиться с отцом, а Ирина уедет продолжать учебу.

Валентина целыми днями, не выходя из дома, занималась вычерчиванием. Разводила тушь разных цветов и на аэроснимках рисовала всю ситуацию, которую заполучила в период маршрутных обследований. Какое-то шестое чувство подсказывало ей, что кто-то за ней следит. Интуитивное ощущение одолевало ею все сильнее и сильнее, охватила настороженность, стала усиленно вслушиваться.

Однажды вечером Валентина пошла за водой к озеру, возвращаясь, заметила, что к костру приближается человек, от неожиданности она вскрикнула и остановилась, опустив на землю ведро с водой, все тело покрылось мурашками. «Не бойтесь, ничего плохого я Вам не сделаю», — прозвучал мужской голос. Остолбеневшая женщина продолжала стоять, хотя в интонации голоса никакой угрозы она не уловила. Незнакомец подошел, взял ведро и понес к костру. Сидя у костра, Валентина рассматривала

пришельца, он был высокого роста, лицо заросло короткой темной бородой, трудно определить возраст, но не старше сорока лет, с головы на спину свесились длинные волосы, перехваченные широким стеблем зеленой травы. Лоб и щеку пересекли глубокие шрамы. Одет в экспедиционную геологическую одежду (которая валялась в каждом заброшенном доме), сверху наброшена накидка из белоснежного горного козла, через плечо переброшен лук, туго стянутый тетивой и набор стрел с металлическими самодельными наконечниками из-под консервных банок. «Этим грозным оружием кого-то можно убить?» — с насмешкой вымолвила Валентина. Незнакомец объяснил, что этим оружием он убивает оленей, коз, волков, зайцев, лис, а на медведя у него есть настоящее ружье, но в ограниченном количестве осталось пистонов и пороха. Но питается он в основном растительной пищей: ягодой, орехами, травами, кореньями. Основным рационом в питании является рыба, которой в реках и озерах очень много. По словам знакомого, рыбу он приспособился готовить и заготавливать на зиму в различных видах: вяленую, копченую, печеную, томленую, сушеную, используя в виде приправ травы, листья кустарников и различные корнеплоды. Пришелец рассказал, что много лет назад он попал в катастрофу, был отправлен на тот свет, несколько дней испытал загробное существование. Тяжкое, потрясающее событие отсекло память полностью. Этот человек испытал самое страшное в жизни — ушел на тот свет, в мир иной. В голове происходило что-то непонятное, головные боли не давали покоя, случайно встретил монаха и тот посоветовал уйти временно от мирской жизни. Ушел скиталец далеко-далеко от людей, в тайгу, набрел на брошенный геологический поселок. Здесь прекратились головные боли, первую зиму жил в этих домах, но потом нашел еще одно жилье: среди каменных скал обнаружил пещеру, в которой протекает горячий родник. Зимой в той пещере очень тепло.

Бутакова поняла, что этот пришелец поможет ей разгадать многие нужные для составления карты загадки. Отшельник с удовольствием рассказывал и пояснял обо всех неизведанных ею местах, он прекрасно ориентировался, потому что исходил всю окрестную тайгу. Особенно дешифровщицу интересовали имеющиеся тропы, сохранившиеся избушки, затаившиеся в лесных просторах родники, броды через реки. Оказывается, на перевале имеется строение, вокруг которого все деревья обвязаны разноцветными тряпочками — это святое место у монголов и тувинцев, а недалеко кладбище с архитектурными памятниками и каменными нагромождениями. Инженер решила завтра подняться на перевал, сразу же, как только приедет Макар. Пришелец словно прочел ее мысли и сказал, что мальчик приедет через три дня, так как в семье появились какие-то

проблемы, умер их родственник. Валентина, вытаращив черные глаза, стала допытывать, откуда ему известны эти сообщения. Отшельник разъяснил, что в туманном виде перед закрытыми глазами у него появляется видение, для подтверждения кудесник предложил проверить его способности.

Пальцами руки прищелец слегка сдавил запястье руки Валентины, закрыл свои грустные глаза и, чуть-чуть шевеля губами, тихо начал говорить: «Рано из жизни ушел твой отец, мать воспитывала тебя в одиночестве, ты достигла высоких спортивных достижений по настольному теннису, лыжным гонкам и стрельбе, сейчас тебя обуяли болезни: ежедневные головные боли, изжога, болит спина, гноится на ноге рана. Эти болячки излечимы, и на днях мы их осилим. Тебя ожидает радостное событие: скоро дадут хорошую квартиру, заберешь из деревни свою мать. Через три месяца у тебя родится сын» — Валентина вырвала руку из пальцев волшебника, с недоумением взглядываясь в ясновидца, задумалась, откуда он знает такие подробности. Женские сомнения постепенно улетучивались, так как он угадывал все, что происходило у Бутаковой в жизни, словно читал ее досье. Чародей продолжал: «Вырастишь сына, выучишь его, уедет он в далекие края, женится, появятся дети, но потом жизнь пойдет у него плохая, из-за него ты останешься без квартиры и в полном одиночестве». «Какую-то чушь несет», — подумала про себя Валентина. Чтобы изменить тему беседы, предложила волшебнику чай.

На следующий день отшельник принес лекарства и рекомендовал срочно заняться лечением, взглянув на оголенную красно-опухшую ногу с гнойниками, он объяснил, что это рожа, из-за этой болезни и голова болит. Волшебник долго водил руками вокруг багровой красноты и что-то шептал, затем смазал какой-то мазью желтого цвета с запахом йода, а от изжоги предложил пить жидкость иззелена-синего цвета, которая оказалась очень горькой. Для удаления боли в спине он оставил мазь, напоминающую крапивное месиво, которой Валентина намазала и сверху, по его совету, привязала тонкую широкую пластину осинового коры. В течение трех дней изжога прекратилась, притупились боли в спине, не стала болеть голова, на ноге побледнела рожа и засохли все гнойники. Исцелитель наведывался каждый день. О своей прошлой жизни он ничего не помнил, поэтому рассказывал о тайге, которую он освоил, о лечебных средствах, применяемых им. Оказалось, что отшельник располагает неординарной интуицией в распознавании и вылечивании различных болячек и болезней. Он рассказал, как встретил на тропе большую косулю, болезнь была очень запущенной, потребовалась желчь, которая, к счастью, у Айболита сохранилась от медведя, по его словам, медвежья желчь — самое лучшее лекарство от многих серьезных болезней, даже некоторые из них считаются

неизлечимыми. Приходилось лечить олененка и даже белку. Кудесник поведал занимательный случай, который произошел на горном перевале на границе с Монголией.

На перевале имеются два маленьких озера, которые по преданию считаются святыми, сюда изредка приезжают излечивать больных. Однажды кудесник в самый жаркий период лета увидел на берегу озера несколько оседланных монгольских лошадей и ревущих маленьких детей. Обуявшее любопытство заставило приблизиться к плачущим детям. Больных детишек монголы оставили на исцеление всевышнему, а сами удалились на перевал к месту главной святыни. Увидя бородатого незнакомца, младенцы затихли. Волшебник обнаружил у одного грыжу и быстренько сумел ее закусить, боли прекратились, и он замолк, у другого тоже оказалась грыжа, ее тоже удалось ликвидировать, но у второго на обеих руках было по шесть пальцев, чародей отрезал лишние пальцы, остались чуть заметные бородавочки, замазал их соком целебной травы. Появились монголы, исцелитель успел скрыться в зарослях кустарника. Нужно было видеть ликование родителей, чьи дети не кричали, а радостными глазенками поглядывали на кричащих и прыгающих от радостей взрослых людей.

Валентина вспомнила, что ее мать страдает астмой, решила воспользоваться и расспросить, каким образом можно избавиться с помощью народных средств. Пришелец объяснил, что излечить совсем эту коварную болезнь нельзя, но можно восстановить нормальное жизненное состояние, избавиться от приступов удушья. Для этого необходимо произвести заготовку цветов мать-и-мачехи, делать настойку из нее и пить регулярно, таким образом забудет она про удушье. Еще Валентина припомнила, что иногда на руках у нее появляется экзема. Исцелитель, сосредоточившись, пояснил, что эту кожную болезнь нельзя запускать, а лечить ее нужно методом купания в отваре цветов. Нужно нарвать букет разных лесных цветов, затем отварить и выкупаться в отваре. И еще он объяснил, что если имеется аллергия, то нужно купаться в отваре дубовой коры.

Через четыре дня приехали Лукьяновы. Оказывается, у Архипа Архиповича погиб брат на лесосплаве, поэтому задержались. Старший Лукьянов взял отпуск на месяц, чтобы помочь инженеру в обследовании и завершении самых последних и самых трудных предгорий Саянских хребтов. Через три недели, закончив работу, бригада возвратилась к озеру Кара-Балык. Валентине очень хотелось встретиться со своим загадочным исцелителем, ее постоянно донимали мысли о его каком-то таинственном присутствии. Она рассказала Лукьянову о магическом волшебнике. Он

удивился, что она смогла с ним встретиться, о нем целые легенды рассказывают в Тара-Хеме, но никто дикаря этого не видел.

Закончился полевой экспедиционный сезон. Бутакова целыми днями, сидя в камералке, вычерчивала последние обследованные трапеции, Лукьяновы готовили на вывоз экспедиционное оборудование. Валентина третий день после возвращения ждала незнакомца, но он не появлялся. Ей даже становилось тоскливо. В последний день, Лукьяновы рано улеглись спать, Бутакова при свечах укладывала свои бумажные упаковки. Неожиданно вошел исцелитель и подал огромную шкуру черно-бурой лисы. Чернобурка обвила шею, свесив длинный пушистый хвост, искрящийся серебристым оттенком. До утра проговорили Валентина и ясновидец, а на рассвете он ушел, боясь посторонних глаз.

Предсказания Саянского волшебника сбывались на каждом этапе жизни Валентины Федоровны, и каждый раз она с теплотой вспоминала о нем. Даже в самые тяжкие переживания, которые он предвидел, Валентина молила богу, чтобы он появился.

Бабай

Один экспедиционный сезон пришлось мне работать в таежных районах Восточной Сибири. Бригада состояла из пяти человек, передвигались по тайге пешком, иногда верхом на лошадях, в бригаде имелось пять лошадей. В конце каждого месяца выезжали в деревню Тымбыр, в эти же числа приезжал начальник партии из Тайшета, забирал у нас авансовый отчет. Мы закупали продукты на месяц, завьючивали их на лошадей и отправлялись в далекую таежную глухомань заниматься своими топографо-геодезическими работами. Деревня Тымбыр небольшая, вытянулась вдоль речки в одну улицу. Местные жители нам посоветовали обратиться к Бабаю, у него все приезжие останавливаются.

Усадьба Бабая находилась на отшибе, поодаль от всех домов. Добротный большой дом, просторный двор, пустующие конюшни, сарай и баня на самом берегу речки. Бабай оказался добрый по натуре человек, очень гостеприимный. Наш проводник Егорыч быстро разговорился с хозяином, у них когда-то пересекались жизненные пути, оба работали в одной экспедиции, но в разные годы, вспомнили общих знакомых, ночные костры, экспедиционные маршруты, таежные трагедии и даже повариху Семеновну, которая скиталась с этой экспедицией с пятнадцати лет и до самой глубокой старости.

В деревне о Бабае нам рассказывали легенды о его таинственных магических волшебствах. Бабай жил в этом доме со своим старшим братом Хусаином, дом был на две половины. Жили два брата большими татарскими семьями. В период, когда богатых раскулачивали, попали и эти две семьи в этот разряд. Приехали из Тайшета революционно настроенные представители власти на обозах. А лошади, запряженные в телеги, никак не пошли в открытые ворота Валеевых. Храпят, ржут, становятся на дыбы, своей разгневанностью готовы разломать тележные оглобли и убежать с этого места. Местные селяне тогда говорили, что Бабай заколдовал двор. Так и не смогли заехать во двор. Пришлось зерно, муку, крупу — все в мешках выносить и загружать за воротами. Со всеми амбарными запасами забрали и старшего брата, его больше и не видели, доходили слухи, что Хусаина отправили на стройку в Магнитогорск, и там он вскоре умер от желтухи. Во дворе плакали дети обеих семей, их рев слышно было по всей деревне. На плечах Бабая осталось две семьи с малолетними детьми. Стали садить много картофеля — это был главный продукт питания. Бабай промышлял в тайге, в то время в лесу еще много было дичи.

Однажды Бабай привел из тайги медведя-пестуна, обучил его в упряжке и возил из леса дрова, заготовил дров на много лет.

Раскулачивание подходило к концу. Как-то раз приехали те же самые представители власти в Тымбыр, ехали на обозе в дальнее соседнее село, прихватила ночь, заехали к Бабаю заночевать. У всех остальных в деревне дома маленькие, а команда большая, просторный двор и свободные конюшни. Лошадей и скот в тот раз угнали полностью. Переночевали, утром стали запрягать лошадей, а они все в пене, мокрые, потные, горячие, раздраженные, как будто они всю ночь в скачках участвовали. Старший предложил воздержаться запрягать, дать хотя бы высохнуть лошадям, но остальные настаивали уезжать из этой проклятой ограды. В это время пришел председатель недавно созданного сельсовета и пояснил, что Бабай — колдун, он может сделать так, что ваши лошади при выезде перевернут телеги и убегут, оставив всех вас калеками. Председатель рассказал, как недавно Бабай двух бандитов уму-разуму научил. Заехали два верховых мужика к нему ночевать, а утром решили его обокрасть внаглую. Забрали швейную машинку, два ружья, шубы, даже топор с пилой прихватили, приглядели телегу, оставшуюся после раскулачивания, загрузили все забранное добро, пригрозив хозяину, уехали. Разъяренные, очумелые лошади галопом выскочили из ворот и помчались вдоль улицы с сумасшедшей скоростью. На краю деревни чубатого, который был в седле, лошадь сбросила, он лежал у изгороди одного из домов с поломанной ключицей и открытым переломом ноги.

Переезжая через речку за деревней, вторая лошадь с громким ржанием бросилась в сторону, перевернула телегу, вывернув курок, и умчалась с передком от опрокинутой повозки. Подоспевший Бабай с сыновьями вытащили из воды окровавленного бандита, придавленного телегой к каменистому дну реки, но откачать его не удалось. Семья Валеевых забрала из речки свои вещи, а в сельсовете появились проблемы: что делать с искалеченным бандитом и его напарником — трупом. В дальнейшем выяснилось, что налетчики оказались отъявленными разбойниками, за которыми уже давно охотилась милиция.

Полевой экспедиционный сезон подходил к концу. Мы выехали из тайги, поселились, как обычно, у Бабая. Двух рабочих отправили в Минусинск, на расчет, а оформлять полевые измерения мне помогал студент. Егорыч готовил все оборудование для отправки, потом он должен сдать в колхоз лошадей, но это недели через две, так как нужно было осуществить некоторые обследования, они рассчитаны без ночевки. Бабай попросил увезти его на одну ночь на солонцы для ночной охоты, которые располагались в 15 км от деревни, в тайге. Поездка на охоту каждый день

откладывалась, Бабай выжидал, когда подует восточный ветер, уповая, что у изюбря очень развито обоняние и слух, а скрадок сооружен в западной части солонцов. Зрение у этого животного слабоватое, он даже может не обнаружить глазами стоящего, затаившего человека. Бабай прекрасно владел всеми таежными приемами и знал все звериные тонкости, он даже отказался взять на охоту Егорыча, хотя Егорыч слыл знатоком в числе местных охотников. Бабай объяснил, что там лишние люди не нужны, а утром просил приехать всех помочь вывозить из тайги мясо. В конце концов, Егорыч поехал с Бабаем на лошадях. Перед отъездом Бабай смазал каким-то зеленым раствором ружье, сапоги, сменил даже нижнее белье, чтобы не было запаха пота. Забрал какие-то узелки с собой, и они уехали.

Вернувшись, Егорыч рассказал, что на солонцах они проделали большую подготовку. Перед наступлением темноты Бабай приспособил гнилушки на деревьях, которые находились за тропой на высоте полтора метра. Гнилье, которое привез ночной охотник, он заготовил специально летом, оно светится ночью, словно светлячки. Если по тропе проходила самка изюбря, она меньше ростом, или другие животные ниже светлячков, их Бабай из скрадка не замечал, а если пойдет изюбрь, то он своим огромным туловищем будет перекрывать светлячки один за другим, пересекая их. А здесь уже Бабай успеет рассчитать движение богатыря и вовремя нажать на спусковой крючок своей двустволки. Последние годы Бабаю не приходилось бывать на этих солонцах, кроме него никто не знает про этот солончаковый уголок. Раньше, когда росли дети, Бабай каждую осень приходил сюда на охоту, убивал изюбря, утром приходили сыновья и помогали выносить мясо, которого хватало на целый год. По заключению Бабая мясо изюбря гораздо лучше, чем конское, тем более он умел его хорошо коптить, вялить, солить и даже консервировать. Потом разъехались дети на учебу и в деревню больше не вернулись, вскоре умерла жена, у самого стали болеть ноги, поэтому давно Бабай не бывал на солонцах. А в этот раз, когда представилась возможность поехать на охоту, Бабай взбодрился, суетливо стал готовиться и, кажется, даже помолодел. Хотя мы сомневались, что в такую темную осеннюю ночь можно кого-то застрелить, тем более Бабаю летом исполнилось восемьдесят лет.

Чуть свет мы все трое на пяти лошадях отправились на солонцы. Студент иронизировал, что сегодня отведаем свежего мяса, я в душе тоже сомневался, но старался не подавать виду, а Егорыч относился вполне серьезно к этой затее, он взял с собой даже топор рубить тушу и вьючные сумины, которые у нас имелись для перевозки на седлах различных грузов в тайге. Половина пути шла по хорошей тропе, а остальную часть маршрута осуществляли по старым затесам.

У кромки небольшого обрыва горел большой костер. Бабай, стоя на коленях, срезал с костей мясо и складывал в кучу, высотой со стол. Мы удивленно смотрели на Бабая, на его умелые бывалые руки, которые без суеты, большими пластами резали мясо, отшвыривая оголенные кости. Он все уже сделал, осталось упаковать мясо во вьючные мешки и загрузить на седла. Так мне и не удалось посмотреть ночную охоту, а увидел только результат ночного дозора и снайперских глаз Бабая.

Стояли ясные, теплые дни ранней осени — это было настоящее бабье лето. Мы все находились во дворе. Не хотелось заходить в дом, хотя нужно было заканчивать камеральную обработку материалов. Вдруг калитка открылась и во двор по-хозяйски вошла светло-русая девушка в удлиненном платье, облегающем тонкую талию, она приветливо кивнула головой, со всеми поздоровавшись, из ее рук вырвался черноволосый мальчик лет 5—6 и бросился к Бабаю, тот забрал малыша и пошел с ним в сарай. Оттуда они вышли с рогаткой. Бабай поднял с земли маленький камушек, защебил его в основании резинки, прицелился, натянул и камушек звякнул о ведро, стоящее у забора. Мальчишка схватил подарок и начал увлеченно атаковать ведро. Светлана, как она представилась, с Бабаем уединились в доме. Иногда из дома доносился мягкий голос девушки, читающей письмо. Вскоре девушка вышла, забрала Салавата, мы здесь уже успели познакомиться с ним, даже сажали его верхом на лошадь. Малыш упирался, не хотел уходить, слезно уговаривал разрешить покататься ему на лошади. Светлана объяснила, что ей должны сейчас привезти с лесоповала тяжелобольного человека, поэтому она никак не может остаться и возможно, его придется сопровождать в районную больницу. Девушка работала в деревне фельдшером.

Бабай рассказал нам увлекательную историю знакомства со Светланой. Как-то раз Бабай нашел в тайге, на берегу речки, лосенка с переломанной передней ногой. Связал его, так как он пытался скакать, опираясь на окровавленную сломанную ножку, и сразу падал. Сделал Бабай из березы волокушу, погрузил сосунка и притащил во двор. В то время дома был старший сын Салават. Он окончил лесотехнический техникум и работал в местных лесах, занимаясь сбором смолы. Сын увидел маленького беспомощного лосенка, отправился к фельдшеру, которая совсем недавно приехала работать в деревню. Через несколько минут они пришли вдвоем, фельдшер обработала открытый перелом, уложила кости, отец с сыном удерживали лосенка, чтобы он не дрыгался, затем загипсовали ногу и связали лосенка так, чтобы он даже не помышлял вставать. Лосенок у Светланы стал первым на деревне пациентом. Так Салават познакомился со Светланой. Целый месяц выхаживали лосенка. Кормили корой молодой

осины, различными кустиками, травой, хлебом с солью, но и, конечно, молоком. Через 40 дней гипс сняли, развязали ноги, лосенок начал ходить по двору, затем Салават со Светланой увели теленочка в тайгу, а он за ними пришел обратно в деревню. Было ясно, что отправлять его в тайгу опасно, он стал очень доверчивый к людям. Салават связался с областным зоопарком, через неделю приехали представители и с великой благодарностью лосенка забрали.

Салават со Светланой стали дружить, на Покров день, это 14 октября, наметили свадьбу, а за неделю до свадьбы Салават трагически погиб в тайге. Бабай не стал рассказывать ситуацию гибели, и мы не стали беречь, вызывать тяжелые воспоминания. Потом у Светланы родился сын, она назвала его Салаватом. Теперь, как появляются письма от детей Бабая, Светлана приходит и читает их Бабаю, он сам читать не умеет. Вечером Бабай наложил в ведро мяса и унес Светлане.

Накануне отъезда хозяин приготовил прекрасное национальное блюдо из свежего мяса, и в этот прощальный вечер чаепитие с ароматными таежными травками, чагой и медом затянулось до полуночи. Студент поинтересовался, как же сумел Бабай заколдовать лошадей, когда ночевали бандиты у него. Бабай усмехнулся, проводя жилистой обветренной рукой по своей редкой бороде, и рассказал.

Душевная борьба за справедливость у Бабая проявлялась еще в детстве, он не мог мириться с различными аморальными поступками. Постепенно в душе накапливался потенциал самозащитных свойств. В сознании происходило незримое воссоздание элементов борьбы за справедливость. Бабаю запомнились в школе слова учителя, который процитировал строчки А.С. Пушкина: *"Нет правды на земле. Но правды нет и выше"*. Эти слова запали в душу навсегда. Когда началось раскулачивание, в то время молодому Бабаю было непонятно, почему все забирали? Они работали всей своей семьей, с темной и до темной, никого никогда не нанимали. Бедными оставались сельчане, которые работали через пень-колоду, больше сидели на лавочке, созерцая работающих. Такая несправедливость вырабатывала в сознании меры самозащиты.

В день раскулачивания приехали верхом на лошадях трое вооруженных, заставили открыть ворота. Бабай открыл ворота и незаметно измазал их медвежьим салом, через несколько минут подъехал обоз, лошади во двор, почуяв медвежий запах, не пошли, их и уговаривали и били, они храпели, ржали, но во двор их завести не удалось. Бабай незаметно смазал медвежьим салом седла, которые были на лошадях, привязанных к забору, и взбесившиеся лошади оборвали поводья и, храпя, убежали. Вся деревня собралась, глаза, как раскулачивают Валеевых, мальчишки взобрались на

заборы, самые любопытные залезли даже на конюшню. Бабай мимоходом бросил в конюшню кусочек медвежьего сала, растоптал его и приоткрыл дверь. Разъяренная лошадь, выскочила из конюшни, сбила мужиков, таскающих мешки, рассыпалось зерно по всему двору, это зерно после отъезда обоза семья подмела и использовала для посева нового урожая. Лошадь кое-как поймали. Забрали все: двух лошадей, корову с телкой, а свиней татары никогда не держали. Так остался тогда Бабай без старшего брата с огромной семьей, а когда обоз приехал переночевать к Валеевым, Бабай был на пределе срыва. Сдерживало одно, если его убьют или арестуют, то семья не выживет. Бабай вечером бросил в конюшню рыбки потроха, он знал, что на их запах сбегутся со всей округи ласки — это маленький хищный зверек, длиной всего 20—25 см, туловище очень тонкое, зимой белого цвета, а летом сероватого. Любимое занятие ласки — заплетать косички на гривах лошадей. Деревенские лошади воспринимают это спокойно, а городские лошади испытывают неприязнь и начинают отбиваться, прыгать, бегать, и так всю ночь, а ласки уцепятся за гриву и занимаются своим плетением, но в таком случае красота плетения нарушается. Тогда и оказалось, что лошади утром были все взмыленными.

С приехавшими бандитами вначале все было нормально. Вечером угостили их. Они потребовали самогона, Бабай объяснил, что он не выпивает вообще, и самогон никогда не варил. Они пошли в деревню, принесли выпивку и всю ночь пили. Под утро Бабай прокрался на кухню и услышал, что они собираются забрать швейную зингеровскую машинку, мясорубку и все остальное. Затем загрузить на телегу, которую они приглядели во дворе, и уехать. Постояльцы спорили или убить хозяина или поджечь дом. Услышав такое, хозяин вылез в окно, обильно смазал оглобли телеги и седло медвежьим салом и возвратился в дом. Вступать в сражение с разбойниками было бесполезно, так как они были обвешаны ножами, ружьями и оба ружья хозяина были уже у них. Чуть рассветало, разбойники загрузили все награбленное на телегу, предварительно хозяина связали и заперли в сарай. Как только запрягли лошадь, а другую оседлали, они, словно сговорились, начали храпеть, дергаться в разные стороны, испуганно ржать и с места запрыгали галопом. Разбойники не успели зажечь дом, и даже кое-что не загрузили на телегу.

Бабай признался нам, что никогда и никому не рассказывал о магических действиях некоторых таежных приемов, которые пришлось использовать в жизни в качестве самозащиты.

В дальнейшем, работая начальником экспедиции, мне довелось заскочить на несколько минут в Тымбыр к Бабаю. Он встретил меня как самого большого друга и с радостью рассказал, что его племянника

назначили директором школы, он приехал с женой и двумя детьми, поэтому с ними Бабаю живетя хорошо. За воротами меня ждала машина, я взял из машины радиоприемник «Спидола» и подарил Бабаю. Прощаясь, мы обнялись, и я увидел на смуглом лице Бабая слезы — это слезы радости и расставания. Я сел в машину, вытер свои мокрые глаза, помахал Бабаю, и мы уехали.

Дорога могильных крестов

Геодезист Иван Дмитриевич Вицан полтора десятка лет проработал в Заполярье Тюменского региона. За эти годы исходил с рюкзаком на спине все северные просторы, где в настоящее время добывается газ и нефть. За заслуги перед Отечеством в 1981 году награжден орденом «Знак Почета».

Из всех пройденных маршрутов запомнился один, длиной в тысячу километров от Енисея до Оби, от Салехарда до Ермакова. Это недостроенная железнодорожная магистраль, которая строилась во времена жизни Сталина, местные жители именуют эту дорогу по-разному: «Сталинская дорога», «Дорога могильных крестов», «Дорога человеческих костей». Дорогу возводили заключенные, притом строили ее сразу всю, разбив по секторам. На сооружении дороги были сосредоточены тысячи заключенных. Трасса была очень сложной: вечная мерзлота, болота, озера, пересечение многочисленных ручьев и рек. Лето короткое с холодными ночами, основная строительная техника — это носилки и тачки.

Насыпь дорожной полосы сохранилась почти по всей трассе. По обе стороны дороги появилось огромное количество озер больших и маленьких, иногда соединяющихся между собой на значительные расстояния, в некоторых развелось много рыбы. Эти озера возникли на месте карьеров, из которых брали песок для сооружения насыпи. Рядом с дорогой, на возвышенностях, сохранились кресты, памятные столбы, многие из них покосились, их вдоль трассы несметное количество. Полоса строительства проходила в основном по заболоченной местности с наличием редкого леса. Порода леса в этих местах только лиственница, из нее делались могильные кресты, это дерево в Заполярье почти не гниет. Из лиственниц строили бараки, в которых зимовали заключенные в зимнюю полярную стужу. Вдоль рек лесные массивы были густые и здесь в основном сосредотачивались бараки, здесь же велась заготовка дров на зиму, и в этих местах готовили шпалы для дороги.

Часто Вицану приходилось ночевать в этих заброшенных бараках, на бревенчатых стенах сохранились выцарапанные фамилии. В каждом бараке один длинный проход и по обеим сторонам в два этажа сплошные нары, на которых умещались сотни арестантов. Для удержания тепла потолки делались низкими. Около таких бараков сохранились кладбища, на которых установлены кресты, одиночных захоронений мало, в основном по несколько человек. На многих основаниях крестов остались прибитые жестяные полоски из-под консервных банок, на этих кусочках жести с

помощью острого кончика гвоздя выбиты фамилии умерших. Таких кладбищ на восток от Уренгоя сохранилось большое количество. Много могильных крестов по трассе имеется одиночных, на которых прикреплены кусочки жести с точечными фамилиями усопших. На одной секции работали, очевидно, заключенные немцы, у них на могилках установлены столбы из шпал и фамилии выжжены раскаленным гвоздем.

Дело в том, что согласно действующей инструкции, и до сих пор этот пункт не отменен, при дешифрировании местности наносятся все кладбища и одиночные памятники, и могилки, находящиеся в необжитой местности, поэтому Вицан как законопослушный специалист наносил все кладбища и могилки, а их здесь оказалось по всей трассе огромное количество. Притом бараки на аэроснимках хорошо изобразились, поэтому проблем в опознавании их не было, а одиночные памятники и могилки приходилось наносить методом промеров от четких контуров, таких как озера, отдельных деревьев, берегов рек и т.д. Густая сосредоточенность могилки наблюдалась в местах сооружения мостов через ручьи и реки, чем место заболоченнее, тем больше могилки. На берегу реки Таз Вицан обнаружил большое кладбище, но оно превратилось в мелководное озеро, дно которого было уложено человеческими черепами и костями. Вицан затруднялся, такого условного знака нет, как показать на карте кладбище в озере? На краю кладбища стоял перекосившийся балок, на стенах которого выжжены фамилии умерших, а большинство выколоты на кусочках жести. Здесь Вицан нашел даже своего однофамильца.

Проблемы у Вицана начались при сдаче материалов в камеральную обработку. Дело в том, что условный значок обозначения могилки и кладбищ на топографических картах показывается в виде оконтуренного крестика. Дорога на топокарте не будет показываться, так как она оказалась заброшенной и недостроенной. Бараки все временные, поэтому при создании карты исключаются, следовательно, на топографической карте будет напечатана вереница могильных крестов, вытянувшихся цепочкой в два ряда на расстоянии тысячи километров от Оби до Енисея, вдоль пунктирного условного знака «Северный полярный круг», который совпадает на карте с дорогой могильных крестов.

Для решения этой проблемы на местность выехал главный редактор топографических карт предприятия Владимир Васильевич Киселев, который на этой должности проработал почти четверть века и с такой проблемой столкнулся впервые. Редактор осмотрел на местности могилки массовых захоронений, некоторые сфотографировал, затем ему удалось повстречаться с человеком, который принимал участие в прокладывании «дороги могильных крестов». Иван Петрович Дерлеменко рассказал, что люди

умирали каждый день, поэтому хоронили многих по одиночке, к ногам привязывали бирку с номером умершего, но соседи и товарищи по нарам обычно на консервной банке выбивали фамилию или кличку умершего и прибавляли на кресте могилки. Основная часть заключенных, строивших дорогу, не имела права переписки с родственниками, поэтому они умирали и никого об этом в известность не ставили. Женщин на сооружении дороги не было. Многие мужчин, в конце войны и после войны освобожденных из немецких лагерей, обвиняли в измене Родины и всех их отправляли в Заполярье, много было заключенных из разных западных стран, в том числе значительное количество немцев, все они здесь занимались строительством дороги. Каждый день поступало пополнение. Охрана была слабая, да и убежать было некуда. Тундра, болота, бескрайние озера на сотни километров, никаких населенных пунктов. Хотя попыток убежать делали многие.

Однажды несколько заключенных соорудили плот и решили по темноте уплыть по реке Пур вниз по течению. Через несколько дней охранник сообщил, что уплыли на плоту шесть арестантов. Местные жители в деревне Самбург остановили плот, все шесть человек были замерзшими. Но фамилии их вписаны на крестах обязательно.

Как-то раз Дерлеменко намекнул соседу по нарам о побеге, дело в том, что сосед учился когда-то в институте на геофизика и представлял по памяти эти места, он уверовал, что на юг по реке Таз должна быть деревня. Стали готовиться к побегу. Каждый понемногу откладывал, пряча сухари. Кормили очень скудно, в основном каша, суп с макаронами с признаками свиной тушенки, сухари, а работа физически очень трудная, поэтому умирали, в основном болея от истощения. Поступало заключенных больше, чем умирало, поэтому руководство заставляло быстрее и быстрее работать, очевидно, нужно было завершить дорогу в сжатые сроки, возможно, стройка была вписана в задание очередной пятилетки. На умирающих не обращали внимания.

В условленный день, с наступлением темноты, собрались все пять беглецов и отправились во мраке сентябрьской ночи по берегу реки Таз. Берег реки оказался заросший густым лесом и кустарником. Шли молча, вплотную один за другим, прикрывая руками глаза от прутьев. Перед рассветом путь перегородил ручей, решили передохнуть. Сбежавшие знали, что за ними никто не погонится, теперь главное — дойти до деревни. Ноги мокрые, все обуты в кирзовые ботинки, в сапогах ходило только начальство.

Утром начали осматривать ручей, он оказался очень большим. Пошли вброд, глубина была более чем полтора метра. Одежда вся промокла. Идти становилось все труднее и труднее. У всех стертые ноги. Холод пронизывал

насквозь. Дали клятву — никого не оставлять в лесу. В последующие дни в день проходили всего по 5—6 километров.

Однажды, поздно вечером, услышали лай собак — это оказалась деревня Красноселькуп. Жители селькупы обогрели заключенных, накормили, хотя боялись, что местная власть за это их не помилует. Селькупы — это малочисленная народность Крайнего Севера. Люди очень доверчивые, добрые, гостеприимные. Три недели беглецы скрывались в большой многодетной семье. В это время в Красноселькуп завезли большую группу людей на поселение для заготовки леса на сплав. В этой группе и нашли свое пристанище беженцы. Иван поведал, что судьба четверых ему неизвестна, но фамилии всех пятерых, конечно, занесены в вечные списки «Дороги могильных крестов».

Дерлеменко стянул с рук варежки: «Это результат того побега и на ногах то же самое. Спасибо селькупам, они нас всех выходили и даже сами втихаря сумели нам ампутировать пальцы» — так закончил свой рассказ Иван, натягивая варежки на руки с короткими пальцами.

Вицан с Киселевым решили оставить все отдешифрованные могилы и кладбища на аэрофотоснимках, но при издании топографических карт на картографической фабрике, в силу политизированности того периода, все могилы и кладбища были убраны.

В краю медвежьих троп

Один полевой сезон довелось мне работать в Тофаларии. Это суровый и богатый край, в котором живут меткие и отважные охотники. Тофалария расположена на северных склонах Восточного Саяна. Тофы — это редкая народность, их численный состав не превышает 500 человек. Сравнивая с Таймыром и Ямалом, где приходилось мне работать, в Тофаларию еще не проникла цивилизация, как в те регионы, в которых строятся ГЭС и активно извлекаются полезные ископаемые. Сюда не проложены дороги, этот регион еще не охватила индустриализация. В Тофаларии сохранились некоторые элементы национальных обрядов. В этот загадочный край в летний период приходят неутомимые туристы, знакомясь с укладом жизни гостеприимных тофов, некоторые обычаи следует отнести и в разряд странных, прежде всего свободное поведение женского персонала тофаларок, хотя в последнее время в России такое поведение становится нормой.

Местное население в Тофаларии в основном занимается оленеводством и охотой. Тофаларский олень самый крупный и сильный, который может идти с вьюком 50 кг, а северный олень везет только 30 кг. В стадах Тофаларии насчитывается несколько тысяч оленей. Охотой здесь занимаются мужчины и женщины, охотятся в основном на белок, соболей, лисиц. Закон предков запрещал убивать медведей, «хозяев тайги». Поэтому одно время в Тофаларии развилось очень много медведей, регион стали называть «Краем медвежьих троп».

Мне пришлось арендовать оленей для экспедиционных работ в поселке Верхние Гутары. У председателя колхоза Александра Ивановича Щекина я попросил выделить опытного каюра, чтобы у нас не было в маршрутах проблем с оленями, но и желательно, чтобы он имел навыки охотника. Председатель усмехнулся и сказал: «У меня Болхоевы, Тулаевы, Тутаевы — все прекрасные охотники, выбирай».

Председатель рассказал мне про Ивана Болхоева. Возвращался мальчуган весной в деревню с зимнего стойбища, тогда Ваньке было лет девять. Неожиданно впереди показались два медвежонка, увидев человека, они залезли на дерево. Детский азарт не смог остановить мальчугана, хотя он знал, где-то рядом медведица, Иван забрался до первого мощного сука и уселся на него. В это время появилась медведица, бросилась к дереву, пытаясь настигнуть пришельца, а вверху, ближе к вершине, притаились медвежата. Медведица с открытой пастью, заполняя всю тайгу громыхающим ревом, поднималась по дереву, приближаясь вплотную к

Ивану. У Ивана была мелкокалиберная винтовка, пригодная только для охоты на белку, на соболя и рябчика. Пацан прицелился и выстрелил в глаз, раздался тихий щелчок, бурая громадина скатилась вниз и с новой яростью стала подниматься по дереву вверх, разбрызгивая кровью из глаза. Иван прицелился в другой глаз. Послышался щелк затвора. Медведица с раздирающим ревом упала на землю. В это время медвежата спрыгнули с дерева и помчались в лесные заросли. Ослепшая медведица бросилась за медвежатами, натываясь на стволы деревьев, извещая на всю тайгу гортанным ревом о причиненной ей боли. Иван, оглядываясь по сторонам, сполз с дерева и потихоньку удалился в деревню. На второй день охотники с собаками настигли и застрелили медведицу, ее нельзя было оставлять. Через несколько дней у медведей начинался гон, их свадьба, поэтому могло бы закончиться трагедией для людей, которые попались бы медведям на пути, а, прежде всего, туристы или экспедиции.

Во время войны с немцами Ивана взяли в армию. Он попал в снайперский батальон. Снайпером Болхоев был признан номер один, уничтожал он офицеров противника выстрелом в глаза — это у него врожденное. С детства стрелял в белок, соболей в глаз, тогда шкурка сдавалась по высшему сорту, без дырок.

Однажды Болхоеву было дано очень ответственное задание — снайперским выстрелом убрать немецкого генерала. Генерал подъехал на машине к берегу реки, на котором заканчивалось сооружение моста. Сослуживцы снайпера нервничали, глядя в бинокли, почему Иван, который находился в замаскированной засаде, не стреляет. Затем к генералу подошел еще один генерал, докладывая, держа руку под козырек. В это время повалился один и второй генерал. Как выяснилось после проведенной операции, Болхоев ждал, когда генерал развернет голову, чтобы выстрелить ему в глаза.

Щекин предложил нам взять в экспедицию сына Ивана, зовут тоже Иваном, сказал, что этот не подведет. Иван быстро вошел в курс нашей работы. В его обязанности входило завьючивать оленей и следить, чтобы они не разбежались. Обычно организовывали работу так: подбирали на несколько дней на перевале открытую горную тундру с наличием ягельных кормов для оленей, оставляли одного рабочего с Иваном, а сами втроем уходили на вершины гор производить измерительные работы, иногда приходилось ночевать в горах. В бригаде редко использовали тушенку, Иван днем часто уходил на промысел и обычно возвращался с добычей. За летний период Иван приносил уток, гусей, рябчиков, глухаря, куропаток, убивал кабана, козерога и дикого оленя.

В первые дни работы, однажды вечером, Иван сообщил мне, что где-то совсем близко находится опасный медведь, пояснив, что обнаружил в лощине, на остатках снега, свежие следы медведя, у которого отрублена часть одной лапы. Иван рассказал, что осенью в этом месте пасла стадо оленей семья Тулаевых, стали их одолевать волки. Тогда пастухи поставили на волков специальные волчьи капканы. В один капкан влез лапой медведь. Капкан был замкнут цепью за ствол дерева, очевидно, долго дергал железное устройство таежный богатырь, оставив в капкане часть своей когтистой лапы. Волхоев пояснил, что медведь — очень умное животное, он не оставит в покое людей, которые вновь расположились в его владениях. Поэтому Иван попросил поручить присмотреть за оленями на завтрашний день, а он рано уйдет с собакой за медведем. Я предложил каюру уйти нам на другой перевал, тем более работу на этих вершинах закончили, но Иван пояснил, что от культапого теперь не уйти, он будет пасти все лето, пока не отомстит за причиненную ему инвалидность.

Солнце огненным пламенем выползало из-за горных хребтов, похожих на гигантскую пилу с отломленными зубьями. Где-то внизу, в лесной чащобе, прогремел выстрел, затем второй. Через полчаса появился Иван и рассказал, что выследил косолапого с помощью собаки, если бы не собака, не удалось бы справиться с хозяином тайги. Иван попросил ему помощников для разделывания медведя. Я отправил всех, а сам остался камеральничать: перед заходом на другой перевал, необходимо было завершить вычисления и отдешифровать оставшиеся горные перевалы. Вечером ели медвежью свеженину, мяса оказалось очень много, хватило до конца полевого сезона. Большую часть мяса Иван закоптил, он умел обращаться с мясом и хорошо готовил национальные блюда. Он умел хранить мясо в свежем виде все лето, закапывая его под мох, в зоне вечной мерзлоты.

Полевой сезон перевалил на вторую половину. Как-то раз в длительном маршруте через горные хребты с караваном оленей упал, споткнувшись, головной олень и сломал ногу. Ивану пришлось заколоть своего любимца, другого выхода не было. Мы оставили каюру с оленями, ему предстояло разделать мясо, а сами ушли в горы заниматься своими делами. На другой день продолжили маршрут. Через неделю, возвращаясь обратно, проходили от места Упавшего оленя в двух километрах. Иван привязал караван оленей к дереву и попросил нас передохнуть, а он отправился к тому месту забрать свой топор, который воткнул в ствол дерева и забыл. Все изрядно устали, поэтому уселись около стволов деревьев, прислонившись к ним, начали дремать.

Вдруг раздался выстрел, второй, затем прогремел дублетный выстрел. Все повскакали и помчались в сторону выстрелов. Первой, опередив всех, убежала собака. Что-то случилось серьезное, теряясь в догадках, спешили мы к Ивану. Обычно много раз он не стреляет. Он анализирует даже каждую застреленную дичь, рассматривая в какое место угодила пуля. В следующий раз в процессе прицеливания вносил коррективы. Мне приходилось наблюдать, когда он стрелял в рябчика, создавалось такое впечатление, что он не целится, стреляет, словно по интуиции, но промахов никогда не бывает, очевидно, на прицеливание у него уходит какое-то минимальное мгновение.

На земле сидел с окровавленным плечом Иван, а рядом, распластавшись, лежал медведь. Иван рассказал, что забытый топор был воткнут в ствол дерева на высоте метра два. Вытащив топор, Иван заткнул его по привычке за ремень, в это время на него сзади набросился медведь. Каюр успел увернуться за это дерево, лапа медведя пробороздила плечо. Иван выхватил свою двустволку и в упор выстрелил, но охотник знал, что в стволах были патроны, заряженные дробью, поэтому мгновенно сумел воткнуть в стволы патроны с пулями, и только после этих выстрелов удалось спастись от смерти. Медведь, взревев, рухнул на землю.

Иван объяснил этот редчайший случай нападения медведя на человека. Неделю назад здесь был разделан олень, остались кишки, кости, голова, ноги — это все в течение недели стало разлагаться, появился запах, на этот запах и пришел косолапый. Полакомился остатками день, второй. Его никто не тревожил, поэтому по своему звериному инстинкту медведь признал все остатки своей собственностью, и вдруг появился здесь человек. Хозяин тайги решил расправиться с пришельцем, отстаивая свои мясные запасы. Я пытался оспорить эту гипотезу, но Иван мне доказал. Охотник взял мясную кость и бросил своей собаке. Собака у таежника была очень умная, теперь Иван пытался забрать у собаки кость, она оскалила зуб, и никакие уговоры не помогли. Эта кость уже ее, и она не отдаст ее даже хозяину. То же самое случилось с медведем. А я вспомнил, что Тофалария правильно именуется «Краем медвежьих троп».

Три месяца считался погибшим

Топограф Борис Георгиевич Серкин более сорока лет проработал в Якутском предприятии, создавая карты на территорию этого сложнейшего региона страны. За высокие производственные показатели, за заслуги перед Отечеством Серкин награжден медалями: «За трудовое отличие», «За доблестный труд», он «Отличник геодезии и картографии», ему присвоено Почетное звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации».

В первые годы экспедиционных работ с топографом Серкиным случилась страшная история, три месяца он находился в списках погибших. Три месяца он брел в одиночку по тайге без продуктов и без оружия. Почти каждый профессионал в первые годы работы, особенно в таежных регионах, испытывал неприятные чувства одиночества, попадая в ситуацию заблудившегося. Но Борис не заблудился, его засыпало снегом, он попал в горный снежный обвал. Это редчайший случай, когда человек попал в снежную лавину и остался жив. В соседней экспедиции № 261 рабочий Геннадий Николаевич Клищенков трагически погиб под снежной лавиной во время восхождения на гору. Начальнику экспедиции Ю.М. Иванову удалось впоследствии обнаружить труп Клищенкова с раздробленной головой. Такие случаи в экспедициях происходили почти каждый год, особенно в тех, которые занимались топографо-геодезическими работами в горных и высокогорных районах. Никому еще не удавалось выбраться живым и преодолеть расстояние в 500 км, пробираясь по тайге и болотам с апреля по август.

В начале апреля топограф Серкин на оленях отправился на участок своей работы за 500 км от базы экспедиции. Олени, запряженные в нарты, быстро мчались по снежному насту, в день проезжали иногда по 100 км и более. Места для ночлега подбирали оленевод, главное условие, чтобы был корм для оленей, а таких мест в густом лесу было достаточно много, то есть там снег оставался рыхлым, и олени с помощью своих острых копыт добывали ягельный мох — это главный вид питания северных оленей. В бригаде было всего три человека, помощник, который закончил курсы топографов, и опытный оленевод — якут, хорошо знающий здешнюю местность. Часть продуктов в дороге оставили, рассчитывая на обратный путь в летний период. Продукты подвесили на деревьях, сделав своеобразные лабазы.

Приехав на объект, сразу принялись за работу. Работали от темна до темна, успевали использовать снежный наст, по которому на оленях передвигались, словно по асфальту. Установили самые Дальние вешки, произвели измерения с пунктов триангуляции. Заканчивался апрель, стояла прекрасная погода, выполнили двухмесячное задание. Борис недавно женился, строил в голове планы заработать за лето, чтобы зимой обзавестись мебелью и другой Домашней утварью.

На очередной стоянке прожили более недели. Объездили все опознаки, морозы стояли умеренные — 10—15°, оставалось сходить на самую высокую вершину, проделать измерения, а затем перемещаться на оленьих нартах на 15 км ближе к базе экспедиции, то есть самые отдаленные места за апрель сделаны. На рассвете Борис отправился с теодолитом на гору. Подъем начинался от самой стоянки. Гора оказалась очень крутой, нужно было засветло успеть подняться, проделать измерения и спуститься к стоянке. Накануне топограф вместе с помощником ходили на соседнюю гору, при спуске с вершины помощник оборвался со снежного уступа и вывихнул ногу, поэтому Борису пришлось идти одному. Измерения на точке удалось проделать быстро, видимость отличная, поэтому бригадир, взяв в руки теодолит, стал спускаться. Решил сэкономить во времени и направился по краю отвесного снежного карниза. Солнце приближалось к горизонту, времени для спуска оставалось совсем мало. Валенки скользили по крутому склону, в некоторых местах приходилось делать вмятину в твердом слежавшемся снегу, путем удара пяткой ноги, чтобы удержаться и не упасть в бездну.

В какой-то миг снег под ногами устремился вниз, снежная лавина подхватила Бориса и вихрем закрутила, словно песчинку, в снежной массе, вырвав из рук теодолит, унося все в пропасть. Раскатистый гул с грохотом разбудил таежную тишину. Горное эхо словно пыталось своим отзвуком сообщить о случившейся трагедии. Огромнейшая масса снежного потока замуровала первопроходца в снежные толщи высотой во многие десятки метров.

Первыми на стоянке почувствовали грохот снежного обвала олени, они повскакали, устремив свои огромные глаза в сторону горы, откуда разразилась метель, засыпая стоянку сверкающим в лучах заходящего за вершины гор солнца снегом. Оленевод выскочил из палатки, встал на коленки, обращаясь в сторону горы, стал просить у всевышнего пощады. Вглядываясь в снежную мглу, оленевод понял, что случилась большая беда: там, где была пурга, находился их бригадир. Вскоре метель успокоилась, и якут с помощником направились к горе, у которой образовалась еще одна гора из снежной лавины с остатками вершин деревьев вперемешку с землей,

камнями, корой деревьев и другим лесным мусором. Помощник с оленеводом кричали, стреляли из ружья, но никаких ответов не последовало. Наступила темнота, возвратились на стоянку. Просидели у костра до самого рассвета, оленевод всю ночь проплакал, причитал, сожалея, что не пошел на вершину горы с бригадиром. Сумел бы отвести его от этой беды.

Несколько дней помощник и оленевод искали бригадира, с темна и до темна ходили по горе, рылись в снежной лавине, которая была гигантских размеров. Никаких признаков своего бригадира не обнаружили. Решили возвращаться в экспедицию, нужно было сообщить начальству о гибели Бориса.

Топограф очнулся, долго соображал, понял, что находится в снежно ледовом месиве, руки, ноги замерзали, в кармане был складной нож. Этим ножом бригадир начал действовать, утрамбовывая снег ногами, которые были обуты в валенки. Неизвестно сколько дней и ночей скребся Борис, продвигаясь в снежной лавине. Однажды топограф оказался на снежной поверхности. Уставший, голодный, он пробирался к своей палаточной стоянке, но, к великому сожалению, помощник с оленеводом уехали. На опустевшей стоянке его никто не ждал. Долго лежал на снегу у остатков давно потухшего костра раздосадованный бригадир. Детские и юношеские годы у Бориса прошли в таежной деревне, поэтому эти невзгоды не могли сломать закаленного парня, приспособленного к таежным условиям жизни.

Согревала душу топографа одна радостная мысль, что в кармане сохранились спички, хотя и не полный коробок. На старом пепелище горемыка развел костер и вскипятил воду в баночках из под консервов, валявшихся на стоянке. Первопроходец знал, что он похоронен, и ждать было нечего, начиналась скитальческая жизнь, нужно выбираться без продуктов. По тайге предстояло преодолеть 500 километров. Оставалась одна мечта — скорее добраться до лабаза с продуктами, два лабаза заложены были месяц назад. В первые дни удавалось осиливать по десять километров, голод действовал беспощадно, передвигаться с каждым днем становилось все труднее и труднее. Питался орехами шишек стланика, которые сохранились на ветках стелющегося северного кедра и кипятком, который пил в день по многу раз.

С каждым днем солнце припекало все сильнее и сильнее. На проталинах южных склонов появилась возможность собирать бруснику, сохранившуюся с осени под снегом. Борис горстями набирал и съедал крупную темно-бордовую ягоду и еще варил бруснику — это варево служило ему супом и чаем. В конце мая стала исчезать брусника, появилась

черемша — этот лесной лук долгое время был основным продуктом питания.

Голодный, исхудавший Борис, изнемогая, торопился к лабазу, оставалось несколько десятков метров, наступала вечерняя темнота, и вот оно заветное дерево, на котором сооружен лабаз. Целый Месяц скиталец мечтал о лабазе — это единственная надежда и спасение выйти из тайги, не умерев с голоду. Увидев ошкуренное дерево и разграбленный медведями лабаз, топограф сник, ноги подкосились, и неудачник упал, даже сознание отключилось. Дважды в течение месяца бригадир пришлось встречаться с хозяевами тайги. Первый раз на берегу речки он наткнулся на медвежат, которые резвились, не обращая внимания на человека, из кустов выбежала медведица и направилась в сторону Бориса. Он выхватил из кармана спички и зажег, бурая громадина развернулась и направилась к своим малышам, увлекая их в густые кустарники. Второй раз горемыка, идя по звериной тропе, оглянулся и увидел медведя, идущего за ним, хотел ускорить шаг, но не было сил. Долго шли один за другим. Топограф остановился и хотел развести костер, топтыгин обошел стороной и пошел дальше в том же направлении. Борис пошел по следам медведя, не теряя с глаз хозяина тайги, но долго не смог идти, бригадир устал, и исчез медведь в зеленых зарослях густого леса.

Второй лабаз с маленьким запасом продуктов тоже оказался разграбленным, но там в лабаз проникли разные мелкие грызуны и все уничтожили, остались банки с консервами. Оставшиеся банки со сгущенным молоком, тушеным мясом дали возможность выжить топографу и выбраться из тайги. Первого августа Серкин появился в экспедиции, ободранный, обросший, исхудавший. В списках экспедиции он уже три месяца не числился. Многие в экспедиции, увидев таежного скитальца, плакали.

После трехмесячной скитальческой жизни Борису пришлось продолжительное время провести на больничной кровати, но к весне топограф выздоровел и вновь направился в маршрут.

Пророчество гадалки

На этот раз Александру выполнять топографические работы довелось в иркутской тайге. Александр после окончания техникума пять лет возглавлял бригаду. На базе партии, в Тайшете, начальник партии предложил топографу двух рабочих, которые были приняты на работу уже несколько дней назад. Одного постарше, в возрасте, звали Андреем, его впоследствии в бригаде прозвали «писателем», хотя он увлекался не прозой, а поэзией и мечтал издать книгу собственных стихов. Когда выдавалось свободное время в маршруте, Андрей вытаскивал свой потрепанный блокнот и что-то писал и писал.

Второй рабочий небольшого роста, по имени Григорий, только что возвратился из заключения, но никогда не рассказывал, за какие проделки отсидел пять лет. Еще двух рабочих Александр принял сам, они появились с железнодорожного вокзала, пришли по объявлению. Владимир и Виктор приехали из Астрахани, сбежали от родителей. В Тайшете закончились деньги, поэтому изъявили желание поработать в таежной экспедиции. Особенно их устраивали условия: спецодежда бесплатная, спать в спальнях мешках, в палатках, питание в счет будущей зарплаты. Хотя Виктор, который младше по возрасту, но много выше ростом своего друга, в дальнейшем часто будет плакать от чрезмерных физических нагрузок и таежного насекомого гнуса.

Начали работать на лошадях, но в первые же дни три лошади убежали, а две сбили седлами спины до мяса. Решили работать пешком, без лошадей, тем более, что по положению каждому полагалась доплата по окладу в месяц ставки рабочего первого разряда, называлось «за переноску груза». Работу спланировал бригадир так, что бригада набирает продуктов на два месяца, а через два месяца, то есть 1 июля начальник партии привезет на выюченных лошадях продукты в условное место.

Работу предстояло выполнять далеко от населенных пунктов. Сплошная тайга и большое количество рек. Первые дни Александр рассказывал и показывал, как правильно и быстро можно осуществить тот или иной процесс работ, а также называл расценки subprocessов.

Парни быстро освоили все тонкости, и каждый знал, сколько он за день заработал. Вначале появлялись проблемы в питании, астраханцы хотели постоянно макароны, Андрей требовал консервированный борщ, а Григорий — щи. Готовили все по очереди, бригадир имел большой опыт, поэтому быстро мог разъяснить и успокоить. Хотя очень трудно уживаются и

притираются в работе разные люди, находясь постоянно днем и ночью вместе. Не зря космонавтов, готовя запускать в космос, тестируют на совместимость характеров, в те времена первое место по совместимости занимал космонавт В.А. Джанибеков, поэтому он больше всех слетал в космос — пять раз.

Закончился первый месяц экспедиционных работ, бригада выполнила план на 250% — это значит, каждый получит два с половиной оклада, плюс за переноску груза, плюс 30% за районный коэффициент, плюс 60% полевое довольствие. Работали с темна до темна и притом с большим желанием, каждый прибрассывал, как потратит свой летний заработок.

Предстояло углубиться в тайгу на 20 км. Там будет вновь разбит лагерь, от которого придется осуществлять маршруты километров по 10—20 налегке каждый день. Такой лагерь обычно организовывался на одну неделю. В комплекс топографических работ входило: прокладывание высотных теодолитных ходов с прорубкой визирных просек, маркировка опознаков методом вырубки леса на вершинах гор размерами 40х40 метров, в центре квадрата должно быть высокое дерево, на которое поднималась жердь с цветным флажком, этот вырубленный квадрат хорошо просматривался на аэрофотоснимках. Аэрофотосъемку производили всего объекта по окончанию маркировочных работ. После установки флажка на опознаке бригадир уходил на пункты триангуляции и с геодезических знаков наблюдал, то есть выполнял измерения с помощью теодолита. Кроме этих работ бригадир занимался дешифрированием местности на аэроснимках.

Как то вечером бригадир почувствовал недомогание. Проснувшись ночью, Александр понял, что он заболел. Болела голова, сильно потел, ломило кости, хотелось пить. Топограф вылез из спального мешка, разыскал походную аптечку, разжег костер, вскипятил чай, измерил температуру, оказалось — почти сорок. Водило из стороны в сторону. Ноги не слушались, становились ватными. Чувствовал себя бригадир очень плохо. Сразу вспомнились пророческие слова гадалки в Тайшете. При отъезде на железнодорожном вокзале привязалась надоедливая цыганка, предлагала погадать, она приставала и к рабочим, но потом сосредоточилась только на Александре, очевидно, по наличию полевой сумки поняла, что это начальник, поэтому стала преследовать Сашу, донимая его магической речью. Затем гадалка вцепилась за полевую сумку, в которой находилась огромная сумма денег и секретные карты. Александр ударил цыганку по руке, выдернув сумку, гадалка закричала: «Послушай, скажу правду, ты скоро заболеешь, скованный будешь болью, никто тебя не сможет вылечить,

ноги твои отнимутся». «Язык у тебя отнимется за твою болтовню», — огрызнулся Александр и постарался скрыться от заклинательницы.

Теперь топограф вспомнил пророчество гадалки, анализируя все ее произнесенные заклинания. Александр всегда сторонился суеверных людей и не верил в предрассудки. Бригадир напился горячего чая с медом, улегся спать. Перед утром рабочие проснулись от стона, издаваемого больным топографом. Бригадир бредил, издавал какие то нечленораздельные звуки, пытался вскочить, падал, издавая стоны. Рабочие поняли, что их бригадир находится в бессознательном состоянии. Виктор напомнил всем, что накануне он помогал вытащить у Александра клеща, впившегося ему в пупок. Напившегося членистоногого топограф оторвал, а его малюсенькая голова с зубринами осталась в теле, долго возились, в конце концов, выдрали клещевые остатки. Григорий сразу высказал версию, что, возможно, это был клещ энцефалитный. В тот год в Сибири свирепствовало заболевание от укусов энцефалитных клещей.

Рабочие решили срочно готовить носилки и выносить больного из тайги. И здесь возник спор. Астраханцы предлагали унести бригадира до берега реки, затем сделать плот и вниз по течению сплавиться, а Андрей с Григорием настаивали на маршруте, по которому пришли по тайге, кое-где имеются тропы, за два дня расстояние в сорок километров можно одолеть. По реке гораздо легче, но времени потребуется намного больше, хотя может на реке появится какой-нибудь рыбак на моторной лодке и тогда можно выиграть во времени. Долго спорили, доказывали каждый свой вариант. Бывший заключенный сумел отстоять таежный вариант, как наиболее надежный. Идти с носилками по тайге оказалось очень сложно. Больной, обливавшийся потом, часто просил пить, иногда его состояние становилось критическим, остолбеневшие глаза вызывали испуг и тревогу. В теоретический расчет передвижения по тайге за два дня не укладывались.

Во второй день похода весь день шел дождь, Владимир стер ноги. Идти становилось все труднее и труднее. Насквозь промокшие рабочие брели молча, появилась лесная тележная дорога. Вдруг послышался мужской крик понукания на лошадь. Показалась лошадь, впряженная в телегу, бородатый мужик сидел на бочке, лежавшей во всю длину телеги. Оказалось, что этот деревенский бородач доставлял в поселок живицу — это смолистое вещество, добываемое из стволов хвойных деревьев, он вез из бригады подсочников.

Увидев мертвецкое состояние лежащего на носилках человека, ездок быстро соскочил с повозки, попросил помочь ему скатить тяжеленную бочку со смолой на землю, затем все погрузились на телегу и отправились в деревню, оставалось около десяти километров. В больнице быстро приняли

меры по спасению здоровья больного. Установили диагноз — болезнь от укуса энцефалитного клеща. В те годы в экспедициях были случаи даже со смертельным исходом. В последующие годы стали делать противоэнцефалитные уколы, которые переносили работники очень трудно, некоторые после уколов падали в обморок.

В деревню приехал обеспокоенный сообщением о болезни своего бригадира начальник партии А.А. Широков. Накануне Широков получил тревожную радиограмму от своего руководства, в которой предлагалось чаще проводить взаимосмотры в полевых бригадах, в связи с появлением в отрядах случаев со смертельным исходом от укусов энцефалитных клещей. Сообщалось, что в Дальневосточном предприятии, возглавляемом Д.Н. Журилиным, в отряде № 218, где начальник отряда Л.В. Головченко и главный инженер В.П. Уваров, они оба хорошо были знакомы Широкову, скончался работник Н.А. Алехин от клещевого энцефалита.

Главный врач высказал сомнение начальнику партии о выздоровлении Александра, укус для медицинских работников оказался очень редкостным. Тогда Широков настоял увезти бригадира в областную больницу. В дальнейшем по многим больницам и санаториям возили Александра, но ноги остались бездействующими, атрофировались навечно.

Александр постоянно вспоминает и всем рассказывает о пророчестве цыганской гадалки.

Лунный мираж

Нравилось Николаю Денисовичу работать в должности бригадира, о такой работе они мечтали с женой еще в институте. Бригада состоит из трех человек, по инструкции должно быть два рабочих на наблюдениях триангуляции, но Николай был убежден, что лишний человек расхолаживает дисциплину. Самая большая нагрузка на этом процесса работ — это переходы с одной залесенной горы на другую. Основной увесистый груз бригадир взваливал на свои плечи, Николай был высокий, крепкого телосложения. За ним всегда шла жена Галина, тоже высокая, а последним плелся Иван, небольшого роста, но выносливый, постоянный кадровый экспедиционный рабочий. Таким составом они работали три сезона. Заработки были большие, работу сдавали с высоким качеством. Потом Галина ушла в декретный отпуск, Николая назначили на должность начальника партии — это самая неблагодарная работа. Через два года Галина оставила сына своей матери и на летний сезон приехала в партию к мужу.

Галина работала бригадиром на наблюдениях триангуляции, помощником поставили молодого специалиста, а рабочим был Иван. Николай уговорил его, хотя Иван знал, что у Галины такой большой зарплаты не заработать, но Николай был ас своего дела, таких в экспедиции больше не было. В партии у Николая работало семь наблюдательных бригад. Через каждые 10—15 км на вершинах гор находились геодезические бригады. Первая половина летнего сезона складывалась удачно, погода стояла прекрасная, бригады успевали за два дня отнаблюдать пункт и переходить на следующий. Для больших переходов использовали вертолет, а также вертолетом постоянно подвозили в бригады продукты.

Август заканчивался дождливыми днями. Николай каждый день по радиации обещал жене прилететь, но погода не позволяла. Ежедневно дождливые тучи медленно ползли по небу, цепляясь за кроны таежных деревьев, обдавая лесные массивы морозящим дождем. Уже неделю бригады не работали, притаились в палатках, дожидаясь прояснения.

Экипаж запросил в аэропорту разрешение вылететь по фактической погоде. К концу дня долина реки очистилась от мрачных туч, и вертолет приготовился к вылету домой. Начальник партии тоже решил лететь, попросил, чтобы его высадили на реке, у подножия горы, на вершине которой находится его жена. Прибросил, что за 2—3 часа засветло он успеет добраться до ее палатки. Тем более она сейчас одна, днем сообщила по

рации, что отправила помощника с рабочим в деревню за продуктами на три дня.

Вертолет, зависая над речной косой, высадил Николая, командир кричал, показывая рукой начальнику партии в сторону горы, поросшей густым лесом, но Николай ничего не расслышал из-за грохота вертолета и раскатистого шума горной реки. Темнело быстро, поэтому геодезист быстрым шагом стал подниматься в гору, обходя кусты и ветки, если их заденешь, шквал воды обрушивается, заливая с головы до ног. Дождь, вода с деревьев, пот — все это заливало лицо, одежда вся промокла. Николай шел и шел, мечтая прилечь под бочок к спящей жене. Наконец добрался. В костре тлели горящие угли. По углям в костре Николай понял, что жена легла спать совсем недавно. Николай раздул огонь, снял одежду и выжал из нее воду, затем стал высушивать. Рядом с костром натянул брезент от дождя, на стволе дерева набиты гвозди, на которых висели кружки, сухари. На тагане большая сковорода, Николай открыл крышку и увидел там аппетитно нажаренные хариусы, вспомнил кухню Ивана, он делал это с большим старанием и умением. Николай подогрел рыбу, вскипятил чай и спокойно за весь день сел за таежный стол. Ужин на редкость оказался вкусным. Всю верхнюю одежду геодезист оставил на вешалках под брезентом на просушивание, а в трусах и майке побежал к силуэту палатки. Вначале Галина сквозь сон недовольно бурчала, а потом постепенно успокоилась.

Перед утром Николаю захотелось закурить, он ушел к костру, разжег огонь, согрел чай, позавтракал. Начало светать. На горизонте появились проблески луны. Высветилось изображение триангуляционного знака. Николай привстал в недоумении, вглядываясь в силуэт геодезического пункта. Перебирая в голове, вспомнил, что Жена находилась на небольшом знаке всего 10—12 метров, а этот более 20 метров. Голова шла кругом. Какой-то мираж происходил вне сознания. Лунный мираж озадачил Николая. На этом знаке производила измерения не жена, а Лариса со своим мужем Петром. Вчера по радиосвязи Лариса сообщила, что Петр с рабочим уходили в деревню за продуктами и вот-вот должны вернуться. Очевидно, Петр поздно вернулся и чтобы не тревожить жену, лег спать в палатке у рабочего. В полумраке Николай увидел три силуэта палаток, две стояли поодаль. У жены в бригаде всего две палатки. Лунный мираж перепутал все в голове. Ночью Николай чувствовал, что жена ведет себя как-то по-другому, но убеждал себя ее сонным состоянием. У начальника партии появились порывы пойти разбудить Ларису и извиниться за ночное вторжение и объяснить, что он думал это жена. Николай не знал, как искупить свой беспутный поступок.

Вдруг его осенило, нужно срочно уходить. Через три-четыре часа он будет на противоположной горе, у Галины. В маршруте Николай пытался восстановить весь вчерашний путь, вспомнив, что командир вертолета кричал, показывая рукой на соседнюю гору, очевидно, у подножья нужной горы не нашлось площадки для приземления вертолета, а геодезист пошел сразу в гору и попал к Ларисе. Теперь много встало на свои места и не только ночные интимные дела. Началось все от костра, Николай хотел пожурить Ивана за то, что он обленился, не окопал костер. Кастрюля и чайник покрылись толстым нагаром, а кружки и ложки давно окрасились в коричневый цвет. Все было как-то не так. Даже хариус был пожарен по-другому, Иван обычно жарил в муке, возможно, мука закончилась, подумал гость. Чай Иван заваривал всегда с чагой, а этот был магазинный.

Больше всего начальника партии мучила мысль, если Лариса заведет разговор с Петром о его каком-то необычном ночном поведении. Петра с Ларисой Николай хорошо знал еще в институте. Эта пара подружилась с первого курса, женились на последнем курсе. Лариса была очень красивой, даже прошла по конкурсу телеведущих и победила. Прошло три года совместной жизни, но детей у них не было. Петр завидовал своим друзьям, у всех уже появилось потомство, а у них не было.

Поднявшись на гору, Николай увидел Галину, которая, укутавшись в теплую одежду, сидела у костра, под брезентом, занимаясь вычислительными работами. Начальник партии по радиостанции связался сразу с Петром, интересовался его делами, бригадир ответил, что поздно вечером с рабочим вернулся с деревни, теперь продуктов достаточно, идет сильный дождь, поэтому все продолжают спать. Николай залез в палатку и сразу крепко уснул. Галине было совсем непонятно, муж целый месяц ее не видел, появился чуть свет и сразу улегся спать.

Закончился полевой сезон, зимой у полевиков обычно происходит расслабление после летней тяжелой нагрузки, вначале сдают полевые материалы, а с нового года приступают к изучению новых объектов. С нового года Николая Денисовича назначили главным инженером экспедиции, он несколько раз делал попытки улучшить момент поговорить с Ларисой, намекнуть ей, что ему однажды ночью случайно пришлось побывать в их лагере. Хотелось увидеть выражение ее лица и прочитать в них мысли, но такой возможности не представлялось. Вскоре Петра назначили главным инженером экспедиции, которая базировалась в другом городе. Петр перед отъездом зашел к Николаю с бутылкой коньяка, до полуночи говорили о производственных делах, Николай уже окунулся в эту работу, а Петру предстояло вникать, тем более в чужой экспедиции.

На другой день в кабинет главного инженера вошла Лариса, она была в глубоком предродовом положении. Состояние беременности сделало ее еще красивее. Черты лица слегка округлились, придавая ей больше мягкости и благородства, на розовых щеках углубились ямочки. Лариса спокойно прошла к столу, положила на полированный стол истрепанную записную книжку и молча удалилась. Главный инженер дотронулся до книжки и вспомнил, что он ее потерял еще летом, очевидно, она тогда выскользнула из его кармана в ту ночь, когда лунный мираж вскрыл его проделки.

Николай выскочил из кабинета, побежал по коридору, потом увидел в окне далеко уходящую Ларису в сторону жилых домов экспедиции.

Благополучный исход

Начальник центральной экспедиционной радиостанции В.Г. Бархатов доложил мне, что не вышел на радиосвязь радист, который работает в партии В.И. Петренко.

Я попросил задействовать все соседние партии и бригады, установить причину невыхода на радиосвязь. Партия Петренко выполняла топографические работы в центральной части Саян. Василий Ильич — очень опытный специалист, его партия всегда находилась в передовых, фотография Петренко украшала Доску почета экспедиции и предприятия. Высокий, стройный, всегда свежевыбритый, с копной густых темных, слегка волнистых волос, женщины в экспедиции называли его эталоном мужской красоты, он умел своим спокойствием, требовательностью к себе и к подчиненным поддерживать в коллективе своей партии здоровую моральную обстановку. За его заботу о людях, порядочность и высокую нравственность очень его уважали подчиненные и все, кто его знал. В партии работало около тридцати человек, в том числе три студенческие бригады, которые занимались дешифрированием. Радистом в партию отправили молодого парня, который окончил курсы, хорошо владеет азбукой Морзе, очевидно, что-то случилось с радиостанцией. Мне пришлось срочно выехать в эту партию. Прихватив новую радиостанцию, я отправился в Саяны. Путь предстояло проделать большой.

Из Минусинска я выехал на машине ГАЗ-69 в г. Кызыл, расстояние более 400 км, тракт сложный, узкая дорога через Саяны, до обеда на машине по зигзагообразной дороге поднимались на вершину хребтов, а затем спускались. Шофер — очень опытный профессионал, Завьялов Вениамин. Мне с ним приходилось по этому Усинскому тракту ездить много раз. Новичков этот тракт не воспринимал, по обочинам дороги можно увидеть памятники различных времен, которые напоминают о сложности тракта. Мне недавно пришлось побывать на этой трассе с директором Верхне-Енисейского предприятия С.С. Титовым. Добавился на перевале еще один памятник — здесь трагически погиб на вертолете бывший губернатор Красноярского края А.И. Лебедь.

В Кызыл добрались мы благополучно, в аэропорту удалось убедить руководство о срочности вылета. На маленьком вертолете Ми-1 я прилетел утром рано, вертолет сделал круг над базой партии, которая расположилась высоко в горах, среди альпийских лугов и маленьких островков леса, заполняющих красоту местного пейзажа многочисленными высокогорными

озерами и совсем близко скалистыми утесами, уходящими к небу белоснежных вершин Саянских хребтов. Среди десятка палаток и трех деревянных домов мне удалось заметить живых людей, поэтому я успокоился. Винтокрылая малютка приземлилась на вертолетной площадке, я выскочил с рюкзаком со свежими овощами, держа в руках упакованную радиостанцию и почту с письмами и газетами. Вертолет улетел, командир торопился в Иркутск, он прилетал в Кызыл по вызову.

Встретивший меня начальник партии рассказал, что в партии все живы и здоровы. Радиостанция вышла из строя, но со всеми бригадами поддерживается регулярная радиосвязь с помощью походных радиостанций «Недра». Проблема в партии появилась с мясными продуктами. Несколько ящиков тушенки оказались испорченными. Кладовщик Анна Волкова показала мне открытые банки с зеленой ядовитой плесенью. В двух бригадах медведи разорили лабазы, поэтому нужно заказывать вертолет с продуктами. Всех остальных продуктов хватит еще на месяц, а мясных нет уже сейчас. Под руководством Анны перегородили речушку, и каждый день она солил и вялит рыбу по 3—4 ведра в день, в какой-то степени пока бригады питаются рыбой. Анна — опытная таежная работница, более десяти лет скиталась с мужем в экспедиционных маршрутах, а в этом году его назначили редактором карт в экспедиции, поэтому она упростила Василия Ильича взять ее кладовщиком на базу партии. Здесь Петренко понял, что правильное решение принял, что принял на работу бывалую таежницу. Некоторые инженеры и техники даже не знали, как оседлать лошадь, а работать всем бригадам пришлось на лошадях. Вот Анна всех и обучала верховой езде и всем приемам обращения с этим конным видом транспорта.

Вечером слышались телеграфные сигналы азбуки Морзе. Заработала привезенная радиостанция. Мы отправили радиограмму с запросом мясных консервных продуктов. Появилась проблема с вертолетами в Кызыле: один вертолет разбился в горах, второй находится на капитальном ремонте, а третий улетел в Красноярск на замену двигателя. Обстановка осложнялась. Работать бригадам в тяжелых горных районах без мясных продуктов очень трудно.

У меня это был первый выезд в полевую партию в должности начальника экспедиции, я даже не представлял, как можно выйти из этого положения, мне было всего 30 лет, а Петренко на 20 лет был старше меня, он исходил многие сибирские просторы и очень часто попадал в различные сложные ситуации. На второй день, вечером, начальник партии попросил меня утром провести радиосеанс с бригадами, а сам решил на лошади верхом съездить в тайгу, объяснив, что на берегу одной безымянной

речушки он видел солонцы, поэтому решил съездить и проверить, если имеются свежие следы копыт оленей, то на ночь можно поехать на ночную охоту. Я закончил радиосеанс с бригадами, затем вышел к речке и увидел скачущего на лошади Василия Ильича. Я направился навстречу и увидел привязанную к седлу заднюю часть оленя. Оказывается, Петренко, подъезжая к солонцам, увидел там оленя, одним выстрелом из карабина застрелил. С собой не было топора, поэтому сумел только отделить заднюю часть. Теперь нужно ехать за остальным мясом. Петренко радовался, что две недели бригады мясом обеспечены. Мы заседлали с ним лошадей, взяли третью оседланную лошадь для вывоза мяса и оправились. Анна нам строго наказывала: забрать все кишки, она наготовит колбасы, не выбрасывать ноги и голову — это всё пойдет для холодца, надавала нам много брезентовых со склада мешков, чтобы все мы разложили и привезли. Ехали мы быстро, торопились, Петренко говорил, что день очень жаркий, могут налететь мухи, да и разные грызуны могут попробовать свежее мясо.

Подъезжая к солончаковой бровке, мы увидели около оленьей туши что-то темное и очень огромное. Остановились, Василий Ильич вытащил бинокль, взглянул и ахнул: медведь жрет наше мясо. Петренко оставил меня с лошадьми в укрытии лиственничной поросли, а сам с карабином в руках на четвереньках стал быстро передвигаться в сторону медведя. Я привязал лошадей к дереву крепко-накрепко, зная, что если лошади почувствуют медведя, то удержать их будет очень трудно. А сам в бинокль стал наблюдать за развивающимся событием. Медведь увлеченно занимался свежим мясом, иногда наступал ногой, раздирая тушу оленя, впивался зубами, наслаждаясь вкусной пищей. Начальник партии был совсем близко у цели, очевидно, выбирал удобную позицию, чтобы выстрелить с упора, а главное — не промахнуться и попасть в грудь, в область сердца. Наконец-то грянул выстрел, лошади вздрогнули, насторожили свои уши, но быстро успокоились. Топтыгин вскочил на задние ноги, взревел, в это время раздался еще один выстрел, и бурая громадина рухнула. В момент рева медведя лошади встrepенулись, вздрагивая, начали дергаться, но вскоре затихли. Петренко быстрыми шагами направился к солончаковой бровке. Я остановил лошадей и бросился за ним.

Огромнейший коричневый медведь лежал, распластавшись на белесой солончаковой почве, истоптанной многочисленными копытами разных размеров. Василий Ильич вытер со лба пот, несколько волосинок прильнули к его вспотевшему высокому лбу, и только сейчас я заметил седые волоски в его темной густой шевелюре. Василий Ильич предложил умыться в ручье, затем приступить к разделыванию, заметив, что мяса бригадам теперь хватит на целый месяц. Перехватив мой сомнительный взгляд, он сказал,

что зимой, когда будет свободное время, расскажет, как однажды он с голоду чуть собаку не съел. Разделявание топтыгина затянулось до позднего вечера. На базу партии мы привели лошадей, навьюченных мясом, с появлением на небе первых звезд. Теперь предстояла большая, кропотливая работа у Анны, но она отнеслась к этой работе очень приветливо, объяснив, что теперь бригады будут работать, а мясо завтра же начнет консервировать. Мы предложили свои услуги в качестве помощи, но Анна категорически отказалась. Я увидел, что на столе стояли десятки стеклянных литровых банок, подготовленных к дезинфицированию. Я удивился, где же она их взяла, оказывается, в этих банках были завезены различные консервированные борщи, щи и т.д.

Прошла неделя моего пребывания в этой партии, нужно было срочно попасть в экспедицию: съедутся все восемь начальников партии с месячным отчетом, Петренко тоже должен выехать со своим месячным отчетом. Вертолет будет только через две недели. Петренко предложил выбираться наземным транспортом. Мне это было совсем непонятно. Он, оказывается, хорошо изучил маршрут по карте и предложил такой вариант. Сообщаем в Кызыл, по радиостанции шоферу Завьялову и диктуем маршрут движения на автомашине по имеющимся конным дорогам до предела. А мы выезжаем на трех лошадях, третий едет с нами студент. Продвигаемся на лошадях по компасу, напрямик до реки, по берегу которой должна приехать машина. Встретившись с машиной, студента с тремя лошадьми отпускаем обратно. Сам студент не сможет найти путь в партию, ему нужно положиться на лошадей, они в партию дорогу найдут. Для уверенности Петренко предложил, что поедет впереди на своей лошади, а обратно студент переседет на его лошадь, эта старая экспедиционная лошадь за много лет ни разу не подводила. Для подстраховки студент будет следить обратное движение по компасу. Других у нас вариантов не было, поэтому отработали этот вариант, и все получилось удачно. Встретились с Завьяловым и сразу студента отправили обратно.

Возвращение на машине оказалось очень сложным. Дорога была узкой, петляющей по ущелью. Справа отвесная скала, слева обрыв высотой 30—40 м, там внизу грохочущая горная река. По этой дороге тувинцы ездят на телеге, на альпийские пастбища на машине никто не пробовал проехать. К нам ехать шоферу было легче: он снял дверку в машине и продвигался на первой скорости, всматриваясь в стену скалы, которая была слева перед глазами. Обратное возвращение оказалось сложнее. Шофер не видел скалу, колеса должны находиться в 5—10 см от скалы, а если переднее колесо заденет скалу, машина может от удара скатиться в обрыв, со стороны которой находится Завьялов, потому что дорога имеет большой уклон в

сторону обрыва. С правой стороны мы с Петренко стояли на подножках машины, держась за брезент, передвигая центр тяжести машины к скале, от уклона в пропасть, так продвигались несколько километров. И как только выехали на нормальную грунтовую дорогу, шофер сбросил с себя одежду, был мокрый от пота, глаза заливал пот, и бросился в горную реку. Искупавшись, мы двинулись дальше.

Вечером у костра Василий Ильич предложил Вениамину кусок медвежьего мяса, шофер недоверчиво взял мясо и стал расспрашивать, а разве медвежатину едят? Он ведь мясо ест? Петренко объяснил, что мясо они едят редко, и вспомнил, как однажды, работая на реке Вах, поймали молодого медведя-пестуна и держали его все лето на привязи. Как-то раз решили проделать эксперимент. Поставили медведю четыре миски: в одну положили мясо, в другую меда, в следующую кедровые шишки, в последнюю ягоду брусники. Топтыгин вначале обнюхал все миски с содержимым, затем съел мед, тщательно вылизав посудину, потом сжевал кедровые шишки, после этого приступил к ягоде, а мясо схватил зубами и унес, спрятав его у забора в мусор. Значит, у медведя мясо не считается деликатесом.

В зимний период я все-таки упросил написать Василия Ильича обещанное воспоминание, тем более экспедиция готовилась к юбилею, и мы собирали интересные материалы о прошлом. У меня сохранились эти воспоминания, написанные им на листках ученической тетради. Василий Ильич назвал их «Благополучный исход», привожу их полностью.

С 1950 года прошло 18 лет, а в памяти, как будто это случилось совсем недавно, встает перед глазами отчетливо во всех подробностях вот такая картина.

Пятый день мы идем в обратный путь, после безуспешных розысков заблудившихся в тайге. Каждый шаг дается с трудом. Болота покрылись еще не окрепшей коркой льда, он не выдерживает тяжести человека и с треском проламывается, когда ставишь на него вконец натруженные ноги.

Податливый и мягкий летом, как подушка, слой мха, сейчас, словно клещами, стискивает ноги. А снег все идет и идет. Он начался пять дней тому назад, когда у нас не осталось ни грамма продуктов, чтобы продолжать поиски. Рискуя остаться навсегда в этом болотистом и таежном крае, мы решили двигаться в обратный путь.

Нет сил идти все время одному впереди, и мы через каждые полчаса, чередуясь, сменяем друг друга. На нас промокшие от снега телогрейки, а на ногах резиновые сапоги. Мучительно хочется есть, и мы уже бросаем невольно свои взгляды на единственную нашу собаку. Решаем, что сделаем это только в самый последний момент, а пока на привалах растапливаем

снег в котелке и пьем горячий кипятки, чтобы как-то согреться и обмануть свой пустой желудок. Каждая ночевка отнимает, казалось бы, последние силы, нужно много, очень много дров, чтобы их хватило на всю долгую ночь.

Спать уже почти не приходится, и мы сидим, прикорнув друг к другу. Чуть свет мы покидаем свое временное пристанище, и все начинается снова: и снег, и лед, и мох. К концу четвертого дня поздно ночью, натываясь во тьме на кусты и деревья, останавливаемся на последнюю ночевку. Рано утром, преодолев ставшие особенно трудными последние километры, выходим на высокий, обрывистый берег реки Вах.

Неожиданная радость охватывает всех нас, и мы даем подряд три выстрела в честь Ваха и сразу же слышим близкие ответные выстрелы. Вглядываясь вверх по реке, замечаем лодку, каких-то людей, торопливо сающихся в лодку. К своей великой радости, в подплывающих узнаем П.В. Хромова, Н.А. Ступина и других.

Оказывается, опоздай мы со своим салютом всего на 10—15 минут, мы могли бы разминуться с группой, вышедшей к нам на помощь. Трудно передать радость встречи, когда вопросы, восклицания, ответы — всё слилось в какой-то разноголосый шум.

Еще большее удовольствие вызвало сообщение о том, что разыскиваемые нами люди вышли на базу партии через два дня после нашего выхода на поиски.

Гора Тутончана

Наша экспедиция многие годы, занималась картографированием в масштабе 1:25 000 в Иркутской области и на юге Красноярского края. И вдруг выделили новый объект для выполнения топографо-геодезических работ на несколько лет на севере Красноярского края, который расположен в 400 км на восток от Енисея. На объекте ни единого населенного пункта, ближайший город Игарка, в котором пришлось создавать крупную перевалочную базу. Мне в этот период довелось работать начальником экспедиции, заместителем по хозяйственной части был С.И. Земляницын, который, узнав о северном объекте, сразу начал проситься уехать туда. Вечером, когда закончилась дневная суэта, зашел ко мне в кабинет Земляницын и рассказал любопытную историю, связанную с этим северным объектом.

Во время войны Земляницын воевал летчиком, летал на самолетах Ил-14. В конце войны американцы поставили партию самолетов Боинг. Земляницыну пришлось принимать участие в перегоне этих самолетов с востока страны на фронт. Звено, состоящее из трех самолетов, пересекало север Красноярского края по маршруту, намеченному по параллели Северного полярного круга. Впереди летел на самолете командир звена, а замыкали тройку Земляницын и его друг Николай. В какой-то момент Земляницын увидел, что Боинг пошел вниз, пропеллеры не вращались. Доложил командиру звена, развернулись на самолетах, сделали несколько кругов, самолет Николая исчез в снежной белизне, взрыва не последовало, низкие обрывистые облака не давали возможности рассмотреть детали местности, огромные озера Виви, Тембенчи, вокруг которых лес, а вершины гор чистые, без деревьев, покрыты толстым слоем снега. Случилось это морозным февральским утром 1945 года.

Для обследования нового объекта мы отправили самого опытного топографа экспедиции Аркадия Медведева и с ним Земляницына. Два летних месяца они занимались рекогносцировочными работами, изучая особенности местности этого далекого северного края. Много раз вылетали они на гидросамолетах, с посадкой на многочисленных озерах, и на вертолетах в подборе мест для создания баз партий. Каждый раз при облете местности в районе озера Виви Земляницын всматривался в каждый уголок берегов и склонов, с надеждой отыскать место крушения самолета двадцатилетней давности. Все экипажи вертолетов и гидросамолетов уже знали эту историю и хотели помочь бывалому летчику в поисках останков

его друга. Однажды командир вертолета заметил на склоне горы Тутончана, в лесу, медведицу с медвежатами, которые лазят по каким-то нагромождениям в виде огромных камней. Вертолет завис, медвежата исчезли. Командир понял, что беспорядочная груда — это хвостовая часть самолета. На другой день Земляницын с Медведевым прилетели на гидросамолете, высадились на берегу озера Виви, в южной его части, и отправились к месту крушения, которое находилось в 2 км от озера. Пешеходы с рюкзаками по крутому склону устремились на гору Тутончана. Деревья лиственниц заполнили весь склон, но здесь, на севере, они высокими не растут. Продвижение сдерживала кустарниковая заросль и мягкий пружинистый мох. Впереди шел Земляницын, высокий, стройный, с головы, покрытой серебристым ежиком густых волос, скатывались крупные капли пота, заливая глаза. В одной руке он держал ружье, в другой сдержанный с головы накомарник. Медведев едва успевал за своим долговязым напарником, который редко выезжал из экспедиции в поле, а Медведев два десятка лет провел в экспедиционных маршрутах.

Наконец, уткнулись в обомшелый остов хвостовой части самолета. Вспотевший Земляницын опустил на колени. Несколько минут он стоял в этой позе, склонив на грудь голову. Всплыли в памяти фронтовые годы, Николай вначале летал вторым пилотом на бомбардировщике у Земляницына. Однажды возвращались после бомбежки, попали под обстрел, кое-как дотянули до своих за линию фронта, и самолет рухнул. Тогда Николай вытащил Земляницына в бессознательном состоянии, самолет взорвался. Оба очнулись с тяжелой контузией в госпитале. В тот раз оба поседели. После выздоровления Николай тоже стал командиром самолета, летали с ним на самолетах в паре. Здесь, над горой Тутанчана, летели в паре.

Двадцать лет назад самолет по каким-то причинам упал и развалился. Хвостовая часть была втиснута между стволами деревьев. Носовой отсек протаранил склон горы, забурившись в недра вечной мерзлоты. Земляницын пытался разворотить сплюснутую переднюю часть корпуса, с надеждой отыскать хоть какие-то останки экипажа и своего друга. За два десятка лет в этой безлюдной чащобе мелкие и крупные хищники поработали капитально, даже все кожаные ремешки изгрызли. Но не только грызуны были обитателями разбитого корпуса. По всем признакам в фюзеляже медведица выпестовала не одно поколение медвежьих потомков. Корпус служил берлогой для медведей долгие годы, он оказался в удачном для них месте, на склоне горы, в густых зарослях. При падении самолет сломил пару лиственниц, которые, упав на фюзеляж, перекрыли кронами вход в корпус, оставив небольшой лаз. Пол берлоги был устлан толстым слоем сухого мха,

который медведи натаскивали годами. Вокруг места катастрофы валялось много различных деталей, которые оказались вросшими и втоптанними бурыми хозяевами тайги. По испражненным кучам в окрестностях падения самолета можно было сделать вывод, что горы Тутанчана служили роддомом многих поколений буреньких медвежат. Земляницын ходил вокруг, вытаскивал из-под земли куски обшивки, обтирал рукавом мох, всматривался в детали. Нашел покрытую мохом сплюснутую фляжку, положил ее в рюкзак.

Вечерело. Нужно было возвращаться к озеру, но Земляницын уходить не хотел. Медведев стал уговаривать своего напарника идти обратно, чувствуя, что у него появляются какие-то отклонения. В это время прилетел гидросамолет, прогрохотал прямо над головами. Это подтолкнуло их возвратиться к озеру. Закончилось обследование объекта, и рекогносцировщики возвратились в экспедицию.

После поездки на гору Тутанчана Земляницын стал часто болеть, врачи не могли определить диагноз. Потом положили его на обследование в больницу, и там он остался надолго.

Хозяйка метеостанции

Володя Базаев работал у меня в партии два года. Володя окончил топографический техникум и был распределен в должности топографа в нашу экспедицию. Мне с ним работать было легко. По натуре Володя был очень скромный, сдержанный, умеренный, простой и нехвастливый. Не предъявлял высоких требований к спецодежде и лагерному экспедиционному оборудованию. Его душевная мягкость позволяла уживаться в любом коллективе. Он никогда не рвался в передовики, но не был и среди отстающих. Таких обычно называли «среднячками».

Несколько лет наша партия занималась картографированием Саян. Володя выполнял комплекс топографических работ, на последние дни полевого сезона у топографа оставался небольшой участок, на котором предстояло отдешифрировать удаленную часть объекта. На эту удаленную окраину Саянских хребтов можно было добраться только на вертолете. Объем работ для обследования был рассчитан на три четыре дня. В центре участка находилась действующая метеостанция. Володя сдал мне все полевые работы, уволил рабочих и находился в ожидании вертолета, приготовив в полет спальный мешок и рюкзак с продуктами.

Наконец, вертолет прилетел, и мы с Базаевым полетели на метеостанцию. От рабочих топограф отказался, просил прилететь за ним через неделю. Вертолет сделал круг, метеостанция, далеко затерявшаяся в альпийской зоне Саянских гор, состояла из двух больших деревянных домов барачного типа с различными хозяйственными пристройками. Обозначенная вертолетная площадка располагалась рядом с домами. Из дома к вертолету направлялся обросший мужчина, тяжело удерживая на руках женщину с бледно желтым лицом, за ним торопливо шла девушка с узлом и одеялом в руках. Обросший тувинец, начальник метеостанции, объяснил, что это его жена очень разболелась, и просил увезти его с женой в больницу. Дочь, метеоролог Аннушка, с годовалой дочкой остается на станции. Высокая, стройная девушка с косым разрезом глаз шоколадного цвета, наполненных слезами, укладывала светловолосую мать на одеяло в вертолете, целуя и успокаивая голубоглазую матушку.

Вертолет улетел, на площадке одиноко стояли рыдающая метиска и топограф с рюкзаком и спальным мешком. Базаев объяснил, что прилетел на одну неделю для обследования местности, чтобы создать топографическую карту. Анна проводила незнакомца в дом, показала комнату, в которой предстояло проживать топографу. Володю она вполне устраивала, имелась

кровать, стол, печь, у которой лежали наколотые дрова, в углу пристроенный умывальник. Девушка объяснила, что когда то в этой комнате жил радист. Анна поспешно удалилась, так как за стенкой раздавался детский плач. При появлении матери малыш умолк.

Три дня Базаев уходил утром рано в маршруты, обследуя окружающую местность. На четвертый день оставил самый сложный последний маршрут. Вечером топограф расспросил у Анны о предстоящем маршруте. Метеоролог не советовала спускаться к реке по скалистым утесам, объяснив, что туда имеется тропа, хотя по тропе до речки на три километра путь длиннее. На этой реке они часто бывают, ловят там рыбу, даже разработали на берегу небольшой участок и выращивают там картошку.

Вечером топограф из маршрута не вернулся. Анна поняла, что случилась беда. Погода стояла мерзкая, шел дождь со снегом. Девушка с собакой рано утром отправилась вниз к реке, обледеневшие камни становились скользкими, одежда быстро промокла. Анна торопилась, скоро должна проснуться маленькая Катюшка, нужно успеть вернуться. Убежавшая по тропе собака звонка залаяла, давая знать, что она кого то обнаружила. На берегу речки, среди каменных нагромождений, свернувшись, лежал топограф. Анна, дотронувшись до плеча, спросила: «Вова, ты живой?» Окровавленное лицо повернулось к девушке, губы зашевелились, тихо вымолвили: «Упал со скалы». И глаза вновь закрылись. Аннушка поняла, что Володя замерзал, произошло переохлаждение, но его болезненное состояние и потеря сознания оставались загадкой. Ощупав и осмотрев топографа, Анна установила, что он сломал ногу, она оказалась толстой, опухшей, величиной в виде ведра от колена до ступни. На поясе первопроходца был зачехлен маленький топор. Анна этим топором срубила пару тонких листовенниц, соорудила волокушу, уложила на нее Владимира, впряглась и потащила бедолагу по тропе, засыпанной свежес выпавшим снегом. Снег белыми хлопьями валил и валил. Снежные пушинки падали на разгоряченное, смуглое лицо девушки, таяли, заливая снежной водой и соленым потом глаза мученицы. Она знала, что в доме, надрываясь, ревет дочурка, это ее подталкивало, но волокуша становилась все тяжелее и тяжелее. Нужно было спасать Владимира, он всю ночь пролежал на мокрых, холодных камнях, вначале под проливным дождем, а затем засыпанный мокрым снегом. Больной иногда стонал, просил пить. Анна приговаривала: «Вова, потерпи, осталось совсем немного, буду тебя отпаивать горячим таежным чаем с малиной, медом и барсучьим жиром, сейчас нужно спасать твои легкие, а все остальное потом». Тащить волокушу становилось все труднее и труднее, хотя по снегу хорошо скользили ветви волокуши, но ноги постоянно сползали в разные стороны. По этой тропе Аннушке приходилось

осенью перетаскивать много картошки, и это для нее не представляло больших физических трудностей. Последние метры давались очень трудно. Втащив в дом больного, Анна услышала раздирающий плач дочери.

Оголив упругую грудь, Анна взяла на руки малышку, она примолкла и начала громко причмокивать, хотя на глазах оставались, словно застыли, крупные капли слез. В это время раздался стон, больной просил пить. Держа одной рукой ребенка, Анна начала растапливать печь, нужна была срочно горячая вода. Накормив Катюшку, Анна сняла с Владимира всю промокшую одежду, протерла мокрое тело полотенцем, затем скипидаром намазала спину, грудь, замотала его в простыню, напоила горячим чаем с барсучьим жиром, козьим молоком и уложила спать. Перед этим обработала глубокую рассеченную рану на лбу, над глазом, наложив марлевую повязку, замотав голову бинтом. Всю ночь Владимир бредил. Иногда кашлял. Анна разломала один пчелиный улей, приготовила дощечки, чтобы наложить шину на место перелома ноги, разыскала цементную смесь вместо гипса, всему этому она научилась в детстве, у матери, которая в молодости работала в деревне лекарихой.

Утром рано в комнате Базаева застрекотала походная радиостанция. Анна пошла в его комнату, разобралась и ответила. Мне было очень странно услышать женский голос на нашей частоте, тем более, что почти все бригады закончили полевые работы. Мне удалось переговорить с обаятельной Анютой и узнать о делах Базаева. Она рассказала, что обследование он закончил, но вчера поскользнулся и повредил ногу. Мне пришлось сообщить Анюте, что вертолет улетел и прилетит дней через десять.

Владимир пришел в сознание, открыл глаза, удивленно стал озираться по сторонам. Некоторое время он находился в замешательстве. Потом Володя увидел, что он лежит совершенно голый под простыней и медвежьим одеялом, а вся его одежда висит около печки. Топограф сделал попытку привстать, но обнаружил, что у него связаны ноги крепко накрепко. "Я что, буянил что ли, кто это меня так зашнуровал?" — заговорил Володя. Анна подробно все рассказала бедолаге. Он помнил момент, когда оборвался со скалы и упал на камни, затем вскочил, очевидно, сломанная кость зашла одна на другую, и он потерял сознание, свалившись на камни. Топограф попросил развязать его, очень захотел на улицу, в туалет, Анна поставила около больного тазик, объяснив, что пока гипс на ногу не наложен, вставать нельзя. Володя стал растолковывать, что он в жизни не сможет этого сделать. Метеоролог раскрыла ему секрет, что вчера вечером он испражнялся в этот тазик, но тогда она ему помогала, а теперь он в сознании и может сделать это сам, и удалилась на улицу.

Вечером Аннушка сделала костную растяжку и загипсовала ногу, объяснив, что за месяц кость срастется, но если в дневной рацион питания включить холодец, то этот процесс пойдет быстрее. Володя, услышав про холодец, усмехнулся. Анна пояснила, что завтра пойдет в горы, застрелит и притащит оленя или лося и из их ног наварит холодец. Топограф восхищался ее умением все делать и большими познаниями таежной жизни, хотя она была старше его всего на один год. Владимир теперь мог ходить на костылях, опираясь на здоровую ногу, поэтому сразу приступил к изготовлению костылей. Анна удалилась в свою радиорубку и передавала данные метеосводок на главный пост. Закончились эфирные пискливые звуки. Наступила тишина. Метеоролог долго не выходила из комнаты, уставленной радиостанциями. Вдруг дверь распахнулась, Анна выскочила, заплаканная, рыдая, убежала на улицу.

Через полчаса заплакала Катюха, Анна возвратилась в дом и рассказала, что получила печальное сообщение: в больнице скончалась мать, а отец после этого запил и тоже угодил в больницу, находится в тяжелом состоянии. Была большая семья, все дети разъехались, Анна самая последняя, училась в техникуме. Подружилась с однокурсником, забеременела, он предложил сделать аборт, но она решила уехать к родителям. Теперь пришлось стать хозяйкой метеостанции с маленькой помощницей Катюшкой.

Как то раз Володя Базаев вышел на радиосвязь и рассказал мне, что сломал ногу, сейчас дело идет на поправку, объяснив, что Аннушка его спасла, практически вытащила с того света. Топограф решил остаться здесь навсегда, связав свою судьбу с Аннушкой, поэтому просил его уволить, рассчитать полностью, все материалы для передачи у него готовы. Мы договорились с Володей, что он пришлет заявку по радиосвязи, чтобы загрузить для него вертолет необходимыми продуктами, тем более ему причиталась за лето большая сумма заработанных денег.

В Саянах установилась устойчивая морозная погода, поэтому мы загрузили вертолет, и я отправился к Володе. Вертолет заполнили до предела. Володя заказал спортивные костюмы: себе, Аннушке и Кате, много обуви, отрезы разной ткани, швейную ножную машинку, фотоаппарат, много боеприпасов и т.д. Разгрузив вертолет, мы с Володей уединились, мне нужно было принять секретные материалы и произвести расчет. Аннушка готовила обед. За большой стол Уселись вместе с экипажем. Анна сказала: «Пусть этот день будет Днем нашей свадьбы и началом нашей совместной с Вовой жизни». Мы сразу закричали: «Горько!». Наполнив стаканы шампанским, выпили за молодых. Члены экипажа восхищались приготовленными блюдами — это холодец с приправой горного чеснока, заливная рыба и рыба

под маринадом, колбаса из лосиного мяса, оленина с салатом папоротника, маринованное мясо с корнеплодами солодки, грибы с таежным луком, копченая рыба, рябчики, тушеные в клюкве и т.д.

В дальнейшем я постоянно интересовался судьбой Владимира и Анны, они продолжали жить и работать на метеостанции, у них родилось четверо детей.

«Мойгу»

Сергей Сергеевич Титов много лет проработал в Иркутском аэрогеодезическом предприятии, в экспедиции, которая базируется в г. Усолье-Сибирское. Работая на полевых работах, Сергей добился высоких показателей, был назначен на должность начальника партии. В 1979 году за высокие производственные показатели ему было присвоено звание «Отличник геодезии и картографии». В 1997 году С.С. Титову Указом Президента Российской Федерации присвоено звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации».

С Сергеем Сергеевичем мне удалось познакомиться в 1990 году в г. Минусинске. Я приезжал тогда, работая начальником ГУГК СССР (Главного Управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР), а Титов находился в то время в должности главного инженера Минусинской экспедиции. С тех пор мы поддерживаем наши дружеские отношения. Я при первой возможности стараюсь приехать в этот прекрасный сибирский город Минусинск, в гостеприимную семью Титовых. Теперь и сын у Титовых, тоже Сергей Сергеевич, закончил Новосибирскую государственную геодезическую академию и работает геодезистом у отца.

В Минусинске прошло мое детство, становление после института как геодезиста-профессионала. Здесь, в газете, начали публиковаться мои первые таежные рассказы. Здесь похоронены мои родители. Отсюда с должности начальника Минусинской экспедиции началось мое продвижение по службе на государственном геодезическом поприще.

Несколько лет назад на базе Минусинской экспедиции создано Федеральное государственное унитарное Верхнеенсейское аэрогеодезическое предприятие, директором которого работает С.С. Титов. В один из приездов в Минусинск мы уехали далеко в Саяны, на Ойский перевал. Мне хотелось побывать и сфотографировать останцы под названием «Каменный город», в которых я не был тридцать лет. Остановились недалеко от горного ручья. С нами был мой давний друг, бывалый геодезист, поэт Владимир Алексеевич Быченок, член Союза писателей России, с ним в молодости мы исходили много сибирских таежных троп. Сергей мне стал доказывать, что в этом ручье он поймает рыбу, я не верил, но он может очень уверенно, аргументированно убедить, и сказал, что вечером будет уха.

Я с братьями Фоменко, которые прокладывали нивелирную трассу I класса от Саян до Алтая, пошел на вершины Саянских хребтов в «Каменный

город», шли долго, раньше мне казалось, что подъемы здесь некрутые и тропы хорошо натоптанные и скалистые уступы скользкие. На самом деле идти было очень тяжело, солнце быстро скатилось и спряталось за ледниковые вершины гор, и стало пасмурно и зябко. Мы все-таки успели сделать несколько фотоснимков в краю каменных нагромождений и постарались засветло спуститься со скалистых утесов. К биваку мы пришли темно. Уха была готова. Титов доказывал, что рыбу поймал в этой речушке. Я знал, что он отменный рыбак, и попросил его написать что-нибудь про рыбалку. Сергей Сергеевич сдержал слово и прислал мне рассказ под названием «Мойгу».

На заре своей молодости работал я в таежной Эвенкии на рекогносцировке пунктов триангуляции. Транспорт в бригаде — 10 оленей, ходящих только под вьюком. Транспортный работник — каюрша, по имени Прасковья, эвенкийка по национальности.

Однажды после двухнедельной непрерывной работы вышли мы на реку Илимпея — приток Нижней Тунгуски. Решили отдохнуть парк дней. Бригада стала разбивать лагерь, а я пошел на речку. Подошел к воде и увидел, что от берега при моем появлении отошло несколько довольно крупных рыбин. У меня с собой были кусок лески диаметром 1,0 мм и простая белая блесна. Я тут же размотал леску, привязал блесну и с руки забросил эту «снасть» в реку. При первой же проводке что-то схватило блесну. Вытаскиваю — крупная рыбина, примерно на 3 кг, бордовой, пятнистой (очень красивой) раскраски. Надо заметить, что я родом из-под Новосибирска, и у нас такой рыбы в Оби не водилось. Я усыпил пойманную рыбину, положил рядом в траву и забрасываю свою снасть вторично. Снова поклевка. И снова тащу крупную рыбину. Сердце рвется из груди — рыбацкий азарт, гордость за себя, мгновенная удача так и распирали меня. Вытаскиваю точно такую же рыбину. Снимаю ее с блесны и поворачиваюсь, чтобы положить в траву. И тут мое рыбацкое сердце на миг остановилось, в глазах померкло: первая рыбина как-то полиняла, поблекла. В траве лежала светло-зеленая с неприятными серыми пятнами очень некрасивая рыбина. Первая мысль мелькнула — рыба несъедобная, возможно, даже ядовитая. Я забираю обе рыбины и иду в лагерь. Показываю их Прасковье и спрашиваю: «Что это за рыба?», — она отвечает коротко: «Мойгу» (надо заметить, что эвенки — малоразговорчивая нация). Я уточняю: «А съедобная она?», — в ответ положительный кивок головы. На вопрос, что из нее готовят, получаю ответ — ичиги. Тогда я решаю проверить и отдаю ей обе рыбины и говорю, что я ее угощаю. А сам исподволь наблюдаю. Она одну рыбину засолила, а другую зажарила. В общем, на ужин она ела рыбу (мы питались отдельно), а бригада довольствовалась традиционными макаронами и тушенкой.

Наутро мы встали пораньше и все с нетерпением ждали, когда проснется Прасковья. Она встала как обычно, вскипятила чай и позавтракала соленой рыбиной с сухарями, запивая чаем. Мы переглянулись — жива. Я стремглав кинулся на речку, а рабочие стали разводить костер. В общем, на завтрак у нас было в изобилии жареной рыбы под названием «мойгу», а в ведре засолено было пять крупных «мойгу» на ужин.

За два дня отдыха мы вдоволь наелись этой рыбы в разных видах (уха, жареная, соленая, копченая) и сделали приличный запас на будущее. Заодно и узнали от Прасковьи, что из кожи «мойгу» варят клей и изготавливают на клею ичиги (сапоги).

За два дня и до самой осени мы все пытались вспомнить что-нибудь о рыбе со странным названием «мойгу», но наш малый жизненный опыт ничего нам не подсказал. И в дальнейшем, невзирая на странное название, мы ее ловили, где только могли, и с удовольствием ели. Осенью, по выходе на базу партии повар угостил нас жареной рыбой. Я только посмотрел в сковороду и сразу говорю: «О, мойгу!». Повар обиделся и говорит: «Какая эта «мойгу?», это обыкновенный ленок, ешьте, что дают, не нравится, заберу». Мы его кое-как успокоили, сказав, что ленок очень вкусная рыба, и мы съедем ее с удовольствием, тем более что про ленков мы слышали, хоть и ни разу не видели.

Вот так эвенкийское название ленка — «мойгу» мне запомнилось на всю жизнь.

Александровский Шлюз

Геодезист Виктор Борисович Звонак более двадцати лет занимался нивелирными измерениями по железнодорожным магистралям, шоссейным дорогам, по берегам сибирских рек, а иногда нивелирную трассу приходилось прокладывать по таежным тропам. Особенность в организационном плане этого вида работ заключалась в том, что, измеряя высоту местности с помощью нивелира и двух реек, бригада ежедневно преодолевает значительные расстояния, и ночевку каждый раз приходится устраивать на новом месте. На этот раз нивелирную трассу запроектировали проложить между Обью и Енисеем от города Колпашево до Ярцево.

Звонак со своим помощником Аркадием приехали в Колпашево ранней весной. Аркадий в этом году окончил Томский топографический техникум, заменил Н.Г. Калабина, который самостоятельно стал возглавлять нивелирную бригаду на юге Красноярского края. Подбирая себе в помощники, бригадир обратил внимание, что Аркадий родился в этих местах, и все родственники его проживают здесь, на Оби. В Колпашево предстояло сформировать бригаду в течение двух недель, предстояло принять на работу на летний сезон лодочника с лодкой и пять рабочих. Обычно в экспедициях от транспорта зависит успех работы, в данном маршруте нужен был опытный лодочник с большой моторной лодкой. Аркадий сообщил бригадиру, что знает в Каргаске такого коренного жителя, имеющего моторную лодку, в которой он доставляет на рыбзавод рыбу по две тонны. На второй день появился высокий, широкоплечий, с обросшим лицом человек. Трофимовичу было пятьдесят лет, он выслушал все условия и согласился. Лодочник попросил принять на работу его дочь Машу. Бригадир объяснил, что в тайге ей будет очень трудно. Аркадий объяснил Звонаку, что Трофимыч — самый лучший специалист по стационарным моторам и большим лодкам по тоннажу нет у местных жителей. Лодочник недавно похоронил свою жену, дети все взрослые, разъехались, Маша — последняя дочь. Она училась в одном классе с Аркадием, окончила медицинское училище, но все фельдшерские места в больнице заняты, а отпускать отец Машу от себя в дальние деревни не хотел. Маша знала, что после смерти матери нужно быть рядом с отцом. Трофимыч с Аркадием уговорили геодезиста зачислить девушку в бригаду поваром.

В процессе работы Звонак убедился, что Трофимыч с Машей стали незаменимыми работниками. Отец с дочерью утром вставали в пять часов, в шесть — готов был завтрак. После утренней еды бригада уходила на работу.

Трофимыч с Машей снимали все три палатки, укладывали их вместе со спальными мешками, посудой, продуктами в лодку и уплывали вверх по течению реки Кеть километров за пять, останавливаясь в заранее условленном месте. Устанавливали палатки, готовили обед. Слаженный, отработанный ритм способствовал быстрому продвижению работ. Вечерами бригадир с Помощником у костра занимались обработкой материалов, Иван с Максимом, занимающиеся прорубкой визирок, сильно уставали и после ужина укладывались спать, речник Володя с удочкой уходил рыбачить, иногда вылавливал рыбы полное ведро. Мария уносила грязную посуду на берег реки для мытья. Белобрысый речник Илья следовал за Марией, уделяя внимание стройной черноглазой девушке, стараясь изловить момент одиночества строгой брюнетки. В такой момент вовремя оказывался отец, и Илья исчезал. У Трофимыча с первых дней выработалась к белоголовому речнику скрытая неприязнь, когда загружали лодку, все хватали подряд коробки, несли к лодке, в том числе и Маша, а Илья выбирал самые легкие предметы — это рейки, штатив, спальные мешки, мешки с сухарями. Еще был случай, когда на тропе обнаружили вросшую в дерево икону, величиной с ладонь. Лиственница была огромная, в полтора обхвата. Илья попытался спилить дерево и изъять себе реликвию. Трофимыч запретил богохульствовать над святыней и рассказал, что на перевале, вдоль тропы, много таких реликвий, а на вершине горы сохранилось дерево, на котором разместился целый иконостас. Тропу проложили в Петровские времена. По ней первооткрыватели пробирались на восток от Тобольска водным путем на баркасах по реке Кеть, затем волоком перетаскивали баркасы в реку Касс и спускались к Енисею. Некоторые землепроходцы по Енисею уплывали вниз, обследовать Таймыр, побережье Ледовитого океана до Якутских берегов, а другие по Ангаре поднимались до озера Байкал.

Лодочник поведал, что по этой тропе проходил великий картограф Земли Русской Ремезов со своими сыновьями и в те времена заснял всю эту местность. С тех пор, со времен великих открытий, иконы, врубленные первопроходцами в деревья, благословляют прохожих, напутствуя добрыми пожеланиями людей, отправляющихся в далекий путь. Звонак восхищался познаниями лодочника и его умением преподнести эти познания молодежи о таежных историях, оберегая тайгу для будущих поколений.

Как-то раз во время обеда на поляну выскочил олень, все бросились в палатки за ружьями, лодочник пронзительно свистнул, и животное исчезло. Илья непристойно заорал на Трофимыча, абориген объяснил, что это была олениха — самка, где-то в кустах за ней следует олененок. На перевале через пару дней будут олени-самцы, их можно убивать.

Проработали два месяца, прошли последнюю деревню Усть-Озерная, далее направились по правому притоку реки Кеть до перевала. Однажды вечером, после ужина, Мария ушла на речку мыть посуду, поскользнулась, и кастрюля с ложками выскользнула из рук и упала в воду. Все ложки и нож оказались на дне реки. Марии пришлось много раз нырять, выискивая ложки. Илья бегал по берегу, собирая выброшенные ложки. Отец в это время уехал на лодке в деревню за соляжкой для моторной лодки. Аркадий, увидев Марию, бултыхающуюся в холодной воде, бросился в речку, выпроводил Машу на берег и, ныряя, достал со дна последние ложки. Мария после барахтанья в воде сильно разболелась, поднялась температура, бредила. Трофимыч долго прикладывал кусочки марли, намоченные слабым раствором уксуса на лоб, и давал в руки. Таким методом они с женой часто пользовались, когда растили детей, а их было шестеро.

Наконец Мария уснула, Трофимыч ушел к костру, дожидаясь рассвета, чтобы увезти дочь на лодке в больницу. Светало. Сквозь дремотное состояние лодочник услышал тревожный голос Маши, бросился к ней в палатку. Рядом лежал полуголый Илья, запустив свои руки в места женской неприкосновенности. Дочь находилась в бессознательном состоянии, ее темные длинные волосы вуалью прикрывали белоснежную грудь. Оторопевший отец схватил своими огромными ручищами нерадивого подонка, вынес из палатки, высоко поднял и с силой бросил его на землю. Белобрысый сильно взревел, все выскочили из палаток, глядели на корчившегося речника. Трофимыч рассказал все подробно, вся бригада набросилась избивать свернувшегося в клубок Илью. Лодочник остановил и объяснил, что он его уже наказал, ему долго теперь придется лежать в больнице, может он поймет человеческую доброту. Бригадир припомнил, как месяц назад, Илья поранил ногу, началась гангрена, и Мария спасла его тогда от смерти. За летний сезон в бригаде очень пригодилась медицинская специальность Марии. Ей пришлось лечить все: появлялись фурункулы, порезы, вывихи, нарывы, стертости, порубы топором, — она стала общей любимицей бригады.

В лодку уложили Марию и беспутного речника. Вниз по течению лодочник гнал лодку с крейсерской скоростью. Илью Трофимыч передал врачам в г. Колпашево, а Марию увез в Каргасок к знакомой знахарке. В бригаду лодочник привез нового речника. Роман отслужил армию и с удовольствием пошел работать в экспедицию.

Через две недели старший сын Трофимыча, Артем, на своей быстроходной моторной лодке доставил в бригаду вылеченную Марию. Девушка привезла свежие огурцы, помидоры, зелень. В бригаде был

большой праздник. Маша умела очень вкусно готовить. За две недели все соскучились по Машиной кухне.

После перевала нивелирная трасса пролегла по берегу реки Касс, которая впадала в Енисей. Работа пошла быстрее ввиду редкого леса, то есть меньше затрачивалось времени на прорубку визирных просек. До деревни Александровский Шлюз оставалось несколько километров, но закончилось горючее для моторной лодки, поэтому лодочник отправился на лодке в деревню. Проплыв пару километров, увидел на берегу группу людей, причалил, оказалось, это туристы поднимаются на лодках по маршруту от Енисея до Оби, этот маршрут по туристическому каталогу называется Александровским Шлюзом. Когда туристы узнали, что нивелировщики идут от Оби, появилось много вопросов, главное, как на лодке преодолеть перевал. Трофимыч подробно отвечал на все интересующие вопросы, туристы рассказали, что здесь они ждут еще одну группу, которая прибудет сюда через три дня. В палатке, на цепочке, лодочник увидел привязанного медвежонка. Туристы рассказали, что сегодня обнаружили бурого детеныша на дереве, кое-как изловили его и посадили на цепь, предвкушая, какие появятся эмоции у их товарищей, которых они ждут из Красноярска, при виде медвежонка. Трофимыч стал уговаривать туристов отпустить медвежонка, что медведица не оставит их в покое, может наделать много горя, но парни хором закричали, что они прекрасно стреляют и расправятся с медведицей, если она появится. Лодочник уплыл заниматься своими делами.

На второй день, утром, бригада геодезистов с нивелирным ходом вплотную приблизилась к группе туристов. Звонак надеялся встретиться с веселой компанией туристов, по словам Трофимыча, а увидел печальные лица, а одна девушка даже судорожно рыдала. Оказывается, туристы всю ночь сидели у костра, пели песни, не ощущая никакой опасности. Перед рассветом все уснули. Медведица сгрэбла палатку, одному туристу разодрала плечо и щеку, другому изранила когтями грудь. В суматохе начали стрелять, медведица исчезла. Туристы объяснили, что в деревне Александровский Шлюз фельдшер недавно уволился и уехал, оставшиеся туристы были в панике. Звонак объяснил, что в бригаде имеется фельдшер, сейчас она приплывет на лодке.

Мария вытащила из лодки потрепанный саквояж, доставшийся ей по наследству от своей бабушки, деревенской знахарки, открыла его и в первую очередь сделала Потерпевшим уколы, затем начала обрабатывать раны, тщательно промывая раствором кровяные разрывы. Сравнительно долго Мария занималась сшиванием нанесенных ран и глубоких царапин, повторяя, что главное, не допустить попадания инфекции пострадавшим.

Мария сделала повязки потерпевшим и пообещала завтра приплыть и сделать перевязку и сказала, что в больницу обращаться не обязательно, она сделала все возможное, завтра еще раз посмотрит и научит делать ежедневные перевязки с нанесением соответствующих мазей.

Трофимыч увидел, что медвежонок на привязи до сих пор находится в палатке. В чащобе, совсем близко, раздался рев медведицы. Лодочник развязал ошейник, и медвежонок, игриво подпрыгивая, умчался в сторону тревожного материнского рева. Туристы молча смотрели на убегающего пушистого медвежонка. Путешественники в знак благодарности подарили Марии яркую, теплую куртку с надписью на спине «Александровский Шлюз» и устроили праздничный ужин.

Судьба так распорядилась, что в дальнейшем Мария переехала в деревню Александровский Шлюз и осталась работать здесь фельдшером.

Сержик из волчьего логова

Начальнику топографической партии Петру Федоровичу Верхулевскому каждый год доставались новые объекты, вначале Тофалария, затем Заполярье, Таймыр, в этом году появились срочные работы в Туве. База партии разместилась на берегу Енисея, в городе Шагонар. В связи с завершением строительства самой мощной в мире Саяно-Шушенской ГЭС, перекрыли Енисей плотиной высотой более двухсот метров. Водохранилище от плотины до Шагонара на расстоянии 250 км медленно начало заполняться водой. Большинство деревень, расположенных на берегах Енисея, сносили, жители, прожившие в этом месте долгие годы, уезжали, старики плакали, оставляя насиженные места.

Топографической партии предстояло выполнить контурно-комбинированную съемку, используя аэроснимки свежих залетов, нанести на фотопланы все, что скроется под водой огромного водохранилища. По обоим берегам широченного Енисея были расставлены бригады. От Шагонара вниз по течению до поселка Чаа-Холя имелось очень много островов. Сам поселок Чаа-Холь полностью попадал под зону затопления. В поселке базировались три бригады, две студенческие, курировал их опытный топограф Николай Пшеничников. В этой пойме сосредоточен огромный объем работ, вода медленно наступала, многие острова остались под водой, съемка выполнялась по этапам, то есть первоочередные участки были уже засняты. Топографы оказались здесь свидетелями многих событий. Так, однажды увидели, как затопило деревенское кладбище, а на второй день всплыли гробы. Жители разбирали последние свои избушки, перевозя их на возвышенную часть берега. Тувинцы снимали свои юрты, уезжали с табунами лошадей и баранов в горы, в пойменной части они всю жизнь пасли скот, здесь были прекрасные корма и вода рядом, веками кочевали они и их предки, а теперь завьючивали верблюдов и уходили за сотни километров с табунами в поисках кормов для скота. Испокон веков тувинцы ведут кочевой образ жизни, но такого грандиозного переселения они не испытывали. И не только люди уходили с этой поймы, но и звери, чувствуя приближение громадного притока воды, поочередно двинулись в горы. Первыми устремились змеи и ящерицы, переползали широкую грунтовую дорогу, оставляя на песчаной дороге следы веревочных отпечатков. Затем ринулись суслики целыми семьями, на глазах у людей бежали и бежали, оставляя свои долголетние норы. Хотя в тайге сусликам нет совсем кормов, у них начиналась жизнь трагических мытарств.

Страшное зрелище было при бегстве крыс и мышей. Дело в том, что грунтовая дорога проходила по краю песчаного обрыва, хотя высота обрыва была всего метра полтора. Бесчисленное множество крыс и мышей, карабкаясь по песчаному обрыву, устремлялось вверх. Даже не верилось, что в пойме проживало такое огромное количество этих грызунов. Позже выяснилась причина такого срочного массового бегства, притом в течение нескольких часов все зверьки, живущие в земляных угодьях, сбежали одним разом. Оказывается, что через несколько часов после этого бегства произошло землетрясение, которое ускорило освобождение затопляемой зоны. Как передали сейсмологи, землетрясение произошло с силой 5 баллов по шкале Рихтера. Такое землетрясение очень ощутимо, все местные жители испытали испуг от этого природного сотрясения.

Заканчивался полевой сезон, студенческие бригады расформировались, практиканты уехали на занятия. Постоянные работники продолжали доделывать последние трапеции. Однажды, в завершающий период, топограф Пшеничников по радиостанции «Недра» попросил срочно приехать Верхулевского, объяснив, что поймали у волчьего логова какое-то чудо и что с ним делать, не знает. Начальник партии на автомашине быстренько примчался в бригаду Николая. Пшеничников — опытный профессионал, работает в экспедиции более 10 лет, характер спокойный, несловоохотливый. В партии надежный как человек и как специалист, в передовики не рвется, работает в ровном, спокойном ритме.

Верхулевский подъехал к дому, который арендовал Пшеничников и увидел: во дворе много народу, кроме рабочих бригады Николая было несколько местных жителей, среди них и тувинцы. В середине, поодаль ото всех, сидел на задних ногах, на привязи, маленький, исхудавший, голый мальчик с длинными волосами. Топограф рассказал, что увидел волчицу с большими волчатами, вылазившими из логова у обрыва, последним выполз вот этот чудик на четвереньках. Ружья не было. С рабочим Сидельцевым стали преследовать волчью стаю, это чудовище тащилось последним. Преследуя, собирали в карманы камни. На краю деревни паслась на привязи коза, волчица, свернув из кустов, направилась в сторону светленькой козочки. Очевидно, волчица решила показать своим отпрыскам, как нужно добывать пищу. Волчица бросилась из-за кустов на козу. В это время Пшеничников и Сидельцев засвистели и заорали, бросая камни в волчицу, из деревни прибежала свора лающих собак. Волчья стая убежала, а этого чудака собаки догнали, облаяли и остановили. Местные жители вспомнили, что весной у пастухов из юрты исчез маленький ребенок. Малыша тогда так и не нашли, а пастухи разобрали свои юрты и с гуртами скота ушли на новые пастбища, в горы. Жители вспомнили, что малыша звали Сержик,

больше ничего о родителях никто не знал. Очевидно, малютку утащила волчица в свое логово и вскармливала, и растила все лето по своим волчьим законам. Выпустить на улицу его нельзя, сразу набрасываются собаки, а он на четвереньках пытается убежать в лес. Давали ему еду, ест колбасу, съел кусок курицы вместе с костями, всю пищу хватает губами, зубами с земли, в руки не берет, иногда кусок еды поправляет рукой. Все тело в синяках, исцарапано, искусано, один глаз, похоже, поврежден. Часто испражняется и садится на свое испражнение. Пытались надеть майку, рубашку, он срывает все с себя. Повели Сержика в сельсовет, а там предложили отвезти его в Кызыл. Верхулевский повез это чудовище в Кызыл. Натянули на него длинную водолазку. В милиции отказались наотрез. Начальник партии доказывал, что они должны его забрать и разыскать родителей. В милиции почувствовали дурной запах и сразу же замахали руками, разъясняя, что они занимаются бандитами, убийцами, а этот ничего не сделал. Верхулевский попытался сдать Сержика в интернат, те сразу отвергли это предложение, доказывая, что он искушает у них всех детей, у него же никаких человеческих навыков нет. Директор интерната предложил сдать его в зоопарк.

Топограф заехал в стационарную детскую больницу, рассказал, но некоторых моментах умолчал. Главврач согласился забрать и выделил одноместную палату. Но, увидев приведенного на привязи четвероногого пациента, категорически отказался.

Верхулевский поехал в обком комсомола, надеясь на их помощь. Период учебы в Новосибирском топографическом техникуме Петр занимал пост секретаря комитета комсомола техникума, в Минусинской экспедиции его сразу же избрали руководителем комсомольской организации экспедиции, и он является членом бюро горкома комсомола города. В обкоме комсомола начальника партии приняли очень хорошо, он рассказал о своей причастности к комсомолу и о том, какие важные работы его партия осуществляет по заполнению водохранилища и переселению затопляемых деревень. Руководство внимательно выслушало сообщение комсомольского вожака экспедиции, и тогда Верхулевский сообщил, что в поселке Чаа-Холь его попросили тувинцы увезти в Кызыл очень больного мальчика, сына тувинского пастуха, но ребенок еще не говорит и не ходит, куда его теперь деть, он не знает. Первый секретарь мигом дозвонился до детского санатория, который располагался за городом, в зеленой зоне. Верхулевский обрадовался и отправился в санаторий. Город Кызыл расположен в степной зоне, а санаторий находился в благоухающей озелененной местности. Главный врач подошел к машине вместе с медсестрами, которые стали забирать ребенка, но он их стал кусать, визжать, дурной запах заполнил

благоухающий оазис. Главврач, увидев привезенное чудовище, решительно отказался принимать малыша. Выехав за ворота санатория, Верхулевский решил оставить Сержика на привязи у ворот детской здравницы с надеждой, что они все равно его заберут. Верхулевский вместе с шофером Володей Комаровым привязали малыша на фале к столбу, но вдруг откуда-то появились собаки и с яростью набросились на привязанное чудо. Верхулевский забрал Сержика, боясь, что собаки его разорвут.

Верхулевский — по натуре человек очень решительный и целеустремленный, любое дело доводит до конца, а здесь встал в тупик. Шофер начал подтрунивать над начальником, предложил забрать Сержика себе в Минусинск, домой, усыновить, воспитать, а потом по всем газетам это рассказать. Петр Федорович зацепился за газетный вариант, и они поехали в редакцию «Тувинская правда». Главному редактору Верхулевский сказал, что имеет сенсационную новость, и рассказал, воспроизведя все, начиная от волчьего логова, и в конце сообщения сказал, что может этого Сержика с волчьими повадками доставить в редакцию прямо сейчас, он здесь, в машине. Главный редактор отдал ключи от Красного уголка и попросил туда завести малыша и дать интервью, пообещав, что через десять минут там будут фотокорреспонденты и все работники их редакции и молодежной газеты, так как они в этом же здании. Верхулевский, забрав ключи, попросил главного редактора самому обо всем рассказать, так как добавить нечего, и все он уже рассказал. Главный редактор, согласившись, кивнул головой, хватаясь за телефонную трубку. Верхулевский быстренько затащил Сержика в Красный уголок, привязал фал к отопительной батарее, чтобы он что-нибудь не разломал здесь, затем замкнул помещение, оставив ключ в дверях.

В дальнейшем Верхулевский звонил и интересовался судьбой Сержика. Оказывается, партийные органы по каким-то соображениям запретили публикацию в газетах о мальчике из волчьей стаи, хотя кто-то из журналистов передал короткое сенсационное сообщение в Красноярск, и там, в газете «Красноярский рабочий», была опубликована заметка про малыша из волчьего логова. Сержика увезли в Москву, в какой-то научно-исследовательский медицинский институт, но прожил он совсем мало, скончался, очевидно, от простудных болезней, так как уже тогда он сильно кашлял.

Много лет спустя, Верхулевскому пришлось работать начальником топографо-геодезической экспедиции в Африке, в Мозамбике, и здесь однажды он увидел обезьян, бегающих у самой дороги. Остановился. И одна из них ему напомнила Сержика из волчьего логова, стало грустно,

сильно защемило сердце. А обезьяны неугомонно продолжали прыгать, кривляясь и гримасничая, не обращая внимания на присутствующих.

Учительница

Один полевой сезон Алексей Герасимчук проработал в топографической партии, в Саянах, рабочим, а осенью его призвали в армию. Отслужив, Алексей поступил на курсы младших техников топографов. Зимой учился, а летом работал в экспедиции. Окончив курсы, сразу поступил на заочное отделение в Новосибирский геодезический институт. После успешного завершения первого курса ему была присвоена квалификация техника топографа. За четыре года Алексей освоил все виды топографических работ, сдавая продукцию с отличным качеством.

Закончился полевой сезон, все бригады возвращались, сдавая в обработку свои материалы. В этот период начальник партии обнаружил, что студенческая бригада не отнаблюдала один опознан, находящийся на краю объекта. Большинство опытных специалистов были женаты, и все они настроились на отпуска, а Алексей — холостяк, поэтому выбор пал на него. По предварительным расчетам, на выполнение этой работы требовалось 12—15 дней.

Алексей вместе со своим помощником Леонидом собрали необходимое снаряжение и отправились в предгорья Саянских хребтов. Добирались попутным транспортом: от Минусинска до Каратузского рейсовым автобусом, а далее на лесовозах до реки Амыл. От реки в горы, маршрут пролегал по густым зарослям таежных просторов. Снег запорошил осеннюю тайгу, тоскливо в этот период в лесу, не слышны перезвоны птичьих голосов, только доносились натужные скрипы старых деревьев, которые словно стонали от пронзительных порывов холодных ветров. Топографы шли молча, под ногами хлюпала вода со снегом, с деревьев срывались хлопья снега, засыпая двух движущихся молчунов. Оба мечтали скорее добраться до опознака, пока солнечная погода. Закончилась лесная зона, начались горные перевалы, хребты. Снежные заносы порою приходилось обходить, проделывая зигзагообразные маршруты.

В конце концов достигли заветной точки, которая выделялась на горном хребте каменным утесом с острым скалистым выступом. Погода выдалась удачная, поэтому измерения произвели быстро. Ветер на перевале становился пронизывающим, хотя температура стояла всего -12° . Засветло нужно было успеть спуститься с гор к лесу. Каждый день на ночевку уходило много времени. Готовили много дров, затем разжигали большой костер, долго прогревали землю, на место прогретого костра укладывали хвойные лапки и устанавливали над этим местом свою двухместную

палатку, в которой долгое время сохранялось тепло. И так каждый день, учитывая, что дни были короткие, то продвигались очень медленно. До ближайшей деревни оставался один день маршрутного передвижения.

Внезапно на снегу топографы обнаружили человеческие следы, притом размеры сапог были небольшие, приблизительно 36 размера. Это заинтересовало первопроходцев. Если это юноша пошел на охоту, то без собаки он бы не решился уйти так далеко. Тем более местные охотятся только с собаками, особенно на белку и на соболя. Следов собаки не было. Топографы устремились по следам, которые уводили топографов по берегу реки, по звериной тропе, в глубь леса. Человек шел неуверенной походкой, часто останавливался. Скиталец значительное время отдыхал, сидя на валежине, но окурков не обнаружено.

На излучине реки, на краю обрывистого берега, свернувшись клубком, на снегу лежал человек, в темно-зеленой солдатской ватной куртке, в спортивных штанах, на ногах резиновые сапожки. Алексей осторожно дотронулся, перешагнув через щуплое тело скитальца, убедившись, что безумец, лежащий на снегу, живой. Стянув с головы серую солдатскую шапку, топографы обомлели — это оказалась девушка, светло-русая, бледнолицая, совсем еще молодая, на вид ей было 23—25 лет, глаза закрытые. У топографов возник первый вопрос: как она сюда попала? Девушка находилась в глубоком бессознательном состоянии. По всем признакам она лежала здесь давно, по крайней мере, ночевала в таком состоянии. Вся одежда мокрая. Пальцы рук в онемевшем состоянии, возможно, отмерзли. Парни были в состоянии растерянности, охватила беспомощность, нужно срочно спасать. Оторопевшие топографы разожгли костер, накипятили чай, но не могли даже разжать зубы девушки. Прежде всего решили снять с нее мокрую одежду, оказалось, на ней мокрым было даже нижнее белье. Кое что сняли с себя. Горячим полотенцем протерли ее мокрое тело, одели в сухую одежду, завернули ее в спальные вкладыши и уложили девушку в спальный мешок, приложив к ногам фляжки с горячей водой. Затем сделали носилки, положили светло-русую отшельницу и быстрыми шагами направились в деревню.

Нужно успеть до темноты. Парни оба были физически крепкими, отслужили в армии и постоянно находились в экспедиционных маршрутах. Шли без отдыха, заливаясь потом. Напали на тропу, которая оказалась хорошо натоптанной. Начинались сумерки, показались крайние дома деревни Андреевки. Дружный собачий лай известил жителей деревни, что появились чужаки. Первыми подбежали ребяташки и, увидев нашу незнакомку, закричали: «Учительница, учительница», указав дом, в котором размещалась школа и отдельная комната, где жила учительница. Деревня

совсем маленькая, состоящая из трех десятков домов. Школа в деревне была для начального образования. Через несколько минут у школы собралась вся деревня. Увидев учительницу, Наталью Ивановну, многие плакали. Появилась седенькая, немощная бабка — повитуха. Она жестом руки всех выпроводила из школы, взяв Алексея в помощники, а Леонида отправила растопить печь и нагреть воды.

Бабка заставила Алексея растирать все тело учительницы спиртом, требовала усиленно массажировать пальцы рук и ног. Бабка объяснила, что происходит омертвление пальцев рук и ног, они обморожены, а сама делала какие-то примочки облепихой, травами, смазывала гусиным жиром. Бабка распорядилась: запрячь пару лошадей и срочно везти учительницу в Кужебар, пояснила, что там работает ссыльный врач, он многих спас. В комнату зашел Агафон, местный житель крепкого телосложения, его двое детей учатся у Натальи Ивановны. Бабка объяснила, что Агафон хорошо знает дорогу, поэтому будет сопровождать учительницу. Погрузив учительницу в повозку, Алексей, Леонид и Агафон отправились в ночной путь.

Дорогой Агафон рассказал, что год назад в деревню направили молодую учительницу, Наталью Ивановну, она приехала с мужем, который отслужил армию. Жили они в комнате при школе. Дети всей деревни и взрослые полюбили голубоглазую, заботливую учительницу. А ранней весной мужчины всей деревни увлеклись сбором кедровых шишек, которые пролежали под снегом зиму, а весной их собирали по несколько мешков в день. Было это все близко, нужно перебрести речку, а там под кедрами лежал сплошной слой шишек. Муж Натальи Ивановны, звали его Николай, тоже занялся этим промыслом. В деревню каждый день приезжали целые обозы из Райпотребсоюза, которые скупали эти орехи. С темной и до темной вся деревня занималась этой работой. Нужно было успеть, пока орехи не начали прорасти, да и река была очень коварная, из-за активного таяния снегов в Саянах она становилась опасной. Вода в реке с каждым днем прибывала сильнее и сильнее, некоторые жители уже не отчаивались переходить реку, а Николай приспособился, он был очень высокий, продолжал этот промысел.

Однажды Николай не возвратился, Наталья бросилась к реке и нашла его на берегу с разбитой головой, а рядом лежал мешок с орехами. Очевидно, горный поток стремительной воды сбил Николая с ног и головой ударил о каменистый валун. После смерти мужа Наталья похудела, деревенские стали замечать, что у нее помрачился рассудок. В летние каникулы она уезжала к матери, в Ачинск, возвращалась и работала, все было нормально. В школе ее любят и уважают. Три дня назад собиралась

съездить в Каратузское, получить учебники и школьные пособия, все считали ее уехавшей в Районо, поэтому не искали. Очевидно, у нее произошло в голове какое то помутнение, и она отправилась в лес. В заключение Агафон сказал: «Жалко Наталью Ивановну, она очень хороший человек, но ей надо отсюда уезжать, эта река постоянно ей будет напоминать о трагической смерти мужа».

Еще не светало, подъехали к деревянному дому, в котором жил врач. Агафон пошел и рассказал о беде, которая случилась с их учительницей. Наталью занесли в комнату доктора, он здесь жил и здесь принимал больных. Увидев учительницу, врач сказал, что однажды, на каком-то районном совещании, он сидел рядом с этой обаятельной девушкой, и тогда она рассказала, что работает учительницей в Андреевке. Осмотрев и прослушав больную, доктор сказал: «Нужно сейчас же делать операцию, некоторые фаланги пальцев нужно ампутировать, иначе лишится рук и ног». Очевидно, врач принял Алексея за мужа учительницы, поэтому скомандовал: «Вы, молодой человек, мне будете помогать делать операцию, она будет длиться долго, а вы ожидайте в соседней комнате и подбрасывайте в печку дрова». Агафон с Леонидом тихонько удалились. Доктор еще раз прослушал больную, затем поставил несколько уколов и приступил к операции. Алексей старался не смотреть, только слышал, как хрустят кости фалангов пальцев под действием хирургических инструментов умелого седовласого доктора. Помощь Алексея заключалась в правильном освещении, то есть топограф, держа в руках настольную лампу, направлял луч света на скальпель и пальцы рук доктора, которые спокойно и четко выполняли свою работу.

Операционные дела закончились, в комнате было нежарко, а с лица врача скатывались крупные капли пота. Доктор объяснил, что на левой руке пришлось ампутировать мизинец, на следующем пальце отрезана только одна фаланга. Правая рука осталась целехонькой. На ногах часть пальцев пришлось укоротить. Забинтовав руки, ноги, врач сказал: «Теперь уезжайте и везите свою очаровалку домой, бабка Устинья пусть делает перевязки каждый день, а главная ее задача: спасти сейчас легкие, они у нее не в порядке, а повитуха умеет это вылечивать. Через неделю я приеду и, надеюсь, угостите меня рябчиками».

На улице было светло. Снег валил огромными хлопьями. Алексей отправил Леонида с материалами в экспедицию, объяснив, что за два дня он доберется, то есть они укладываются в заданные сроки. Начальнику партии Алексей передал письмо, просил предоставить ему очередной отпуск на месяц. По возвращению в деревню Алексей поинтересовался у Агафона, где можно раздобыть рябчиков и рассказал про пожелание доктора. Агафон

заверил Алексея, что рябчики будут. Оказывается, год назад доктор спас младшего сына Агафона. Ночью прихватил острый приступ малыша, Агафон галопом помчался к доктору, успел. Сделали операцию. Еще бы несколько часов и скончался бы сын от аппендицита.

Подъезжая к деревне, учительница открыла глаза, большие, голубые, словно озера. Алексей, стесняясь, отвел в сторону свой взгляд. «Ты кто?» — спросила учительница. «Я — Алексей». «Ты сильно похож на моего Николая», — проговорила Наталья и отключилась.

Впоследствии Наталья с Алексеем уехали жить к ее матери, в Ачинск. У них родилось двое детей, Алексей работал в экспедиции, а Наталья учительницей.

Поддельные документы

Более 40 лет геодезист Владимир Сергеевич Плохотников проработал на Урале и в Тюмени. Мудрый и достойный организатор, смелый и талантливый руководитель за четыре десятка лет много раз испытывал подъемы и падения по служебной лестнице. Четыре раза его назначали начальником экспедиции, притом разных экспедиций в Тюмени и на Урале, два раза ему пришлось работать по несколько лет в должности заместителя начальника предприятия. Два года Плохотникову удалось поработать заместителем начальника экспедиции даже в Африке, в Эфиопии.

Обычно Владимира Сергеевича направляли возглавить отстающую экспедицию, через несколько лет он превращал экспедицию в передовую. Только один раз ему досталась крепкая экспедиция, в которой произошел групповой несчастный случай, замерзли в бригаде четыре человека, работавшие в Заполярье, погиб и сам бригадир. Об этом трагическом случае уже было подробно написано. Руководил этой Уральской экспедицией И.Н. Скрынников, матерый руководитель, которого освободили от занимаемой должности, хотя его вины не было. Бригада ехала на вездеходе через речку, и вездеход затонул, тогда все шесть человек отправились пешком на базу партии, дул холодный северный ветер — это было в конце августа. Четверо в пути замерзли, а двоим, оставшимся в живых, ампутировали пальцы на руках и на ногах.

Начальником этой экспедиции назначили Плохотникова, забрав его с руководства Тюменской экспедиции. Плохотников сразу полетел на вертолете к месту гибели бригады, нужно было обследовать речку, предстояло вытащить затонувший вездеход и забрать оставленные на берегу высокоточный дорогостоящий нивелир, теодолит и все остальное оборудование и снаряжение. Пролетели по всей реке, но вездехода не обнаружили, и оставленных вещей тоже не было. Пролетели несколько раз, но так и не нашли потерю. После этого заявили в милицию. Через полгода из милиции пришло приглашение на опознание импортного нивелира и вездехода. Начальник экспедиции забрал технические паспорта на вездеход, на инструменты и отправился в управление милиции.

Милиционеры задержали двух человек, у которых находилось это оборудование. Задержанные рассказали, что все это они нашли брошенным в тундре. Плохотникову дали почитать их объяснение. «Я, маркшейдер Жоротков А.И. и шофер Карлов Ю.Н., работали у нефтяников на буровой, поссорились с начальством и ушли. В тундре нашли брошенные вещи и

затонувший вездеход. В это время мимо проезжали геологи на вездеходах, помогли нам вытащить вездеход и дали кое-какие запчасти. Карлов, опытный шофер, просушил двигатель, прочистил, и мы завели вездеход, сложили все снаряжение и уехали. Приехали на один из нефтепромыслов, предложили свои услуги по маркшейдерскому обслуживанию, инструменты у нас были. Работали хорошо, платили нам приличную зарплату».

Маркшейдер и шофер встали на колени перед Плохотниковым и стали уговаривать, чтобы он не отдавал их под суд. Просили забрать их в экспедицию, и они оправдают его доверие. Убедительность и искренность высказываний сразили геодезиста, и он поддался на их уговоры. Начальник милиции тоже обрадовался, что не нужно заниматься судебными делами. Отдал паспорта, водительское удостоверение начальнику экспедиции. Плохотников, забрав документы, приехал в экспедицию и положил в свой сейф, а маркшейдера направил помощником в бригаду вместе с шофером и вездеходом на полевые работы.

С тех пор прошло много лет. В.С. Плохотникову за высокие производственные показатели и за заслуги перед Отечеством присвоили почетное звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации». Для вручения этой награды Плохотникова пригласили в Москву. В это время я работал начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. После награждения Плохотников пришел ко мне в кабинет, вид у него был очень угрюмый, и он начал говорить: «Романыч, выслушай меня, пожалуйста, получил я награду, а душа беспокойная, рассуди, правильно ли я сделал, скрыл один случай, взял грех на душу, и всю жизнь теперь мучаюсь». И стал он рассказывать подробно про тот случай, про маркшейдера с шофером. Я его остановил, напомнив, что я все это знаю, так как в то время работал там генеральным директором.

«Романыч, ты не знаешь главного, это знаю только я один. История оказалась очень сложная». Плохотников вытер от волнения выступивший пот на лбу, сосредоточившись, продолжил: «Как только назначили меня начальником другой экспедиции, с переездом в Свердловск, я начал освобождать кабинет и обнаружил в сейфе паспорта маркшейдера и шофера. Удивился, что они три года работают без паспортов. Я забыл про них, и они, очевидно, тоже. Спросил в кадрах, как они их оформляли без паспортов, а кадровики ответили, что они оба сказали, что у них есть копии, заверенные, а про паспорта вразумительно ничего не могли ответить. Работали все три года оба хорошо, занесены на доску Почета». Далее Плохотников стал рассказывать, что, листая их паспорта, вспомнил, как три года назад оба клялись, будут хорошо работать и, действительно, не

подвели. Оба оказались прекрасными семьянинами. Маркшейдер женился на Нине, которая в экспедицию пришла из детдома, работала вначале разнорабочей, затем окончила курсы и стала заниматься вычислительными работами, очень трудолюбивая, скромная девочка. В экспедиции все радовались за Нину, что ей повезло, родился у них ребенок, ждут еще одного. Шофер женился на вдове Анне, у нее два года назад погиб трагически муж, работая в экспедиции техником-строителем на строительстве геодезических знаков. При подъеме тридцатиметрового пункта триангуляции оборвался трос, и жизнь техника оборвалась. Анна осталась с маленьким ребенком. Теперь у них появился еще и совместный малыш.

Листая затрепанные паспорта, вдруг Плохотников замечает, что фотография в паспорте маркшейдера поддельная, то есть, наклеена другая фотография. Взяв лупу, начальник экспедиции стал тщательно изучать и обнаружил, что и фамилия поддельная. Первоначальная фамилия была Коротков, из первой буквы «К» сделана — «Ж» и соответственно фамилия стала Жоротков. Среди четырех замерзших в тундре был курсант Коротков А.И., чьи вещи оказались потом у маркшейдера. Паспорт шофера был тоже подделан, в бригаде среди погибших был шофер Карпов Ю.Н., его фамилия теперь значится Карлов.

Начальник экспедиции пришел в ярость. Бросился звонить в милицию, знакомого начальника милиции на месте не оказалось. Тогда вызвал маркшейдера. Не любил маркшейдер ходить по начальству, очевидно, червоточина оказывала на него воздействие. Идя к начальнику экспедиции, на душе у маркшейдера было гадко.

Среди кабинета стоял массивный, чуть сутуловатый, разгневанный начальник экспедиции. Рядом стоял стул. Плохотников кивком головы показал сесть на стул. Маркшейдер молча подошел к стулу и увидел на столе паспорта и лежащую на них лупу, страх одолел всем телом. Плохотников положил свои руки на плечи маркшейдера и вдавил его на стул. Маркшейдер, торопясь, начал приподниматься, но крепкие руки так даванули, что стул развалился, и пришедший оказался на полу.

В экспедиции говорили, что руки у начальника, словно кувалды, при рукопожатии многие вскрикивали от боли, а другие извивались. Среди рабочих укоренилась такая фраза: «За эти проделки Вовик по головке не погладит». В экспедиции работало много бывших заключенных, и все они с большим уважением относились к Плохотникову за его справедливость и за жесткость к поступкам подонков.

«Теперь рассказывай всю правду», — изрек гневно начальник экспедиции. Оказывается, маркшейдер с шофером находились в тюремном

заклучении на Севере. Сбежали, в тундре нашли продукты и вездеход, в спальных мешках обнаружили паспорта, и тогда пришла идея маркшейдера: подделать документы. Все это сделали на нефтепромысле и оформили копии нотариально, на копиях никаких подделок не видно.

Маркшейдер был осужден на три года. После окончания института работал всего один год в Кузбассе на шахте помощником у главного маркшейдера, который был приговорен к шести годам тюремного заключения. На шахте произошел сильный обвал, погибло много шахтеров. После расследования нашли виновных, в том числе оказались и маркшейдеры, что не поставили в известность руководство шахты об интенсивном проседании земной поверхности над выработками. Через полтора года маркшейдеров реабилитировали полностью, об этом узнал маркшейдер от старенькой матери, которая жила в Кузбассе, дожидаясь сына из заключения.

Шофер, у которого совпало имя, его и раньше звали Юрием, осужден на семь лет за аварию. Юрий, шофер-профессионал, жил и работал в Ижевске, в выходной день на своей личной старенькой машине «Москвич» возвращался из леса с грибами. Неожиданно на встречную полосу выехала грузовая машина, сбила «Москвич» и скрылась. Юрий остался жив, но с переломами, а жена и маленькая дочь погибли. Впоследствии из телефонного разговора с друзьями Юрий узнал, что того водителя с грузовой машины арестовали совсем по другой аварии, и он признался, что тогда он был пьян, сделав наезд. С Юрия обвинение сняли, но работал в то время в Тюмени в экспедиции под другой фамилией.

Выслушав маркшейдера, начальник экспедиции не знал, как ему поступить. По закону нужно передать маркшейдера с шофером в милицию и осудить за подделку документов. Сдерживает чувство жалости. Их жены обе работают в экспедиции, Нина детдомовская, только сейчас увидела настоящую жизнь, двоих детей она одна не сможет вырастить, значит, тоже в детдом или растить в нищете. Анна, жена шофера, перенесла столько горя, когда геодезическим знаком раздавило ее первого мужа, он полгода еще существовал дома. Тогда все говорили: «Не дай бог такого мученья никому». У них тоже двое детей. Шоферу большой срок не дадут, так прибрассывал про себя Плохотников, но травма в семье останется навечно.

Маркшейдер давно собирался уехать с женой и детьми в Кузбасс, там у одинокой матери прекрасная квартира, но начальник экспедиции уговаривал каждый год поработать еще годик. Маркшейдер за лето выполнял половину объема всей партии, все эти годы с ним работал и его шофер Юрий, который тоже мечтал уехать с семьей в Ижевск.

Несколько дней Плохотников находился в раздумье. В конце концов принял решение: пусть уезжают они к себе на родину вместе со своими семьями, не предавая огласке сведения об их поддельных документах.

С тех пор прошло много лет, к каждому Новому году поступают на имя Плохотникова поздравления из Кузбасса и Ижевска со словами огромнейшей благодарности за сохранение их семей.

Нападение комаров

Однажды, в начале лета, в разгар полевых работ приехал в экспедицию студент Женя Кондрашук на производственную практику, все практиканты уже находились в бригадах, а этот по каким-то причинам задержался. Я забрал Женю, и мы отправились с ним на самолете в Заполярье. На Таймыре работало много бригад, а инженер Василий Мокрушин уже месяц работал вдвоем, постоянно просил хотя бы одного еще работника (тем более работу осуществляли пешком), почти каждый день приходилось переходить с одного пункта триангуляции на другой по 15—20 км.

Загрузив вертолет в Игарке продуктами для бригад, мы отправились со студентом на винтокрылой машине к Мокрушину. Инженера в палатке, которая была установлена на берегу озера Виви, не оказалось, он находился на наблюдениях, на геодезическом знаке. Утром мы с Василием по радиосвязи договорились, что студента и продукты, которые ему полагались по заявке, я оставляю, а сам улетаю в другие бригады, а вечером, возвратясь из бригад, залечу и заберу месячный отчет, а затем отправлюсь на вертолете в Игарку. Женя весь этот разговор слышал и был в курсе этих моих передвижений.

Я торопился: нужно было облететь все бригады, а затем до Игарки еще четыреста километров, поэтому быстро выгрузили продукты со студентом с помощью борtmеханика, и я улетел.

Пролетая над пунктом триангуляции, я убедился, что инженер находится на знаке, а он помахал нам своим белым накомарником. Комаров этот период было видимо-невидимо, спасались только всякими антикомариными мазями. Находясь на знаке, в палатке, у костра с комарами легко расправляться: намазался мазью, и они не подлетают, но их обилие чувствуешь в маршруте, когда обливаешься потом, в таком случае мазь не помогает. Комары не так сильно донимают людей, как мошка, которая появляется в конце лета, с той бороться трудно, она лезет в глаза, в нос, в уши, проникает во все места, изъедая в кровь все тело.

В течение дня мне удалось посетить бригады, которые планировал, и к концу дня я прилетел к Мокрушину, согласно договоренности. Ко мне бросился студент с заплаканными глазами со своим рюкзаком, в котором находились личные вещи, держа в руках спальный мешок, умоляя увезти его обратно в Игарку, объяснив, что не ожидал таких трудностей, комары заели, лицо от их укусов распухло, даже перекошило — это хорошо, что он не

видел опухоли. Кондрашук вцепился в вертолет, поясняя, что никогда здесь не останется, забросив в вертолет свои вещи и спальный мешок.

Мокрушин еще не спустился с гор, поэтому студент весь день находился у палатки один. Мне удалось Евгения немного успокоить, насильно я не мог его оставлять, объяснив, что нужно дожидаться и забрать месячную отчетность и тогда мы полетим с ним в Игарку. Я разжег костер, достал из кармана палатки «репудин» от комаров, смазался и показал студенту, он повторил такие же движения на себе. Вскипятили чай, обнаружили в ведре свежую рыбу — сиг, сварили уху, и в это время появился Василий с теодолитом за спиной, залитый потом и облепленный плотным слоем комаров, которые впились в его куртку, пропитанную соленым потом. Увидев такое обилие комаров, студент даже потрогал рукав куртки, который выглядел словно серый бархат. У Жени вновь навернулись на глазах слезы от увиденного.

Из леса вышла веселая, с огромным рюкзаком Настя, жена Василия, тоже инженер, работала помощником. Она сбросила рюкзак, подошла к каждому, поздоровалась, а здесь уже и экипаж присел к ухе. Настя стала рассказывать о том, что в теодолит они увидели на соседней горе оленя и олениху с маленьким олененком, который пытался дотянуться головой до ягеля, хотел сделать как взрослые, еле-еле удерживался на тонких ножках, как на спичках, но почему-то не мог достать, встал на колени, попробовал, очевидно, впервые ягель. Настя рассказывала с таким азартом, широко раскрыв свои карие глаза, иногда отбрасывала рукой опускающуюся темную прядь волос, которые закрывали край лица, покрытого слабыми веснушками. Своим задорным восхищением она увлекла в разговор экипаж вертолета, которые стали, вспоминая, рассказывать подобные случаи, которые им приходилось рассматривать с вертолета.

Обиженно взглянув в сторону мужа, Настя сказала: «Мне хотелось остаться и понаблюдать за этим семейством и малюсеньким их Детеньшем, но Вася торопил и одну меня не оставил. Вот теперь у нас есть Женя, и я надеюсь, он будет за меня, мы бы с ним остались. А еще, Женя, я тебе завтра покажу интересное зрелище. В конце озера вытекает речка, и в этом месте живет огромный таймень, он как бревно. Я, как появляется свободное время, плыву на резиновой лодке к нему, мне кажется, он меня ждет. Я опускаю ему кусочки мяса, которым нас угостил экипаж с предыдущего вертолета, убив где-то оленя, и таймень схватывает эти куски. В благодарность «Тайчик», так я его зову, плавно качает мне своими плавниками.

Женя, мы тебе подготовили отдельную маленькую палатку, в ней я натянула марлевый полог от комаров. Комары здесь вредные, они

бросаются, особенно на новичков, на свеженьких. Ты, наверное, уже почувствовал нападение этой мрази, ты не обращай на них внимания». И Настя начала рассказывать, как она впервые бегала от нападения комаров. «Я выскочила из вертолета в одной майке, было очень жарко, комарищи как набросились на меня. Я сбросила брюки и нырнула в воду, скрывшись от комаров, а вода оказалась ледяной, выскочила, а их на мокрое тело еще больше налетело, но потом я с ними подружилась. Теперь я не обращаю на них внимания. Пошли, Женя, где твой спальный мешок?». Я ответил, что он лежит в вертолете. Настя по-хозяйски отправилась со студентом к вертолету, а мы с Василием разбирались с месячным отчетом. Я потихоньку рассказал Василию, что Евгений расхотел здесь оставаться, но Мокрушин мне ответил, что Настя это уже почувствовала и сумеет его переубедить. Настя несла спальный мешок, Евгений тащил свой тяжеленный рюкзак, они о чем-то разговаривали. Настя показала, как пользоваться разными мазями от комариного гнуса, флаконы были разложены в карманах палатки.

Улетая в Игарку, я анализировал поведение студента, что именно на него подействовало, почему Женя безоговорочно решил остаться? Женя не предполагал, что в таких суровых условиях может работать такая хрупкая женщина. Мы всегда говорили, что в бригаде работают два инженера, предстоит у них проходить практику. Но когда он увидел хрупкую женщину с рюкзаком в веселом настроении, у него в сознании произошло изменение, тем более Настя, словно подслушивала все происходящее, сумела на своем примере показать, как преодолевать трудности.

Через месяц мне пришлось прилететь к Мокрушиным. Заболел один инженер — бригадир, поэтому пришлось из бригады Мокрушиных делать две бригады. У Насти помощником остался работать Кондрашук, а Василию дали нового помощника.

В дальнейшем мне приходилось встречаться с Евгением, он перепрофилировался на нивелирные высокоточные работы. Работал много лет в Сибири, затем на Кавказе, на два года его отправляли прокладывать высокоточные нивелирные трассы в Анголе. Но никогда мы не вспоминали о нашем первом знакомстве в Заполярье и о нападении на него комаров.

ЧП в небе над Кубой

Случилось это в день Победы, 9 мая, на Кубе. Тогда Главное Управление геодезии и картографии СССР поручило своему подразделению "Союззарубежгеодезия", которое впоследствии преобразовалось в "Союзкарту", выполнить топографо-геодезические работы на территории Кубы. Кубинскую экспедицию возглавлял потомственный геодезист А.С. Судаков, в которой работало несколько полевых партий и камеральное производство на обработке полевых материалов.

Радиогеодезическую партию возглавлял инженер В.Н. Гудков, который в течение двух лет на двухмоторном самолете Ил-14 совершал полеты, выполняя радиогеодезические измерения и синхронную аэрофотосъемку. Столик с аппаратурой у Гудкова располагался сразу за кабиной экипажа, с правой стороны прохода. На мгновение геодезист взглянул в иллюминатор и увидел, как оторвался мотор с интенсивно вращающейся лопастью и повалился вниз. Из проема, где находился воздушный винт, вырвалось огромное пламя. Гудков по ларингофону сообщил командиру. Произошел сбой ритма оставшегося двигателя. Геодезическая аппаратура была сразу отключена. Экипаж передал в Гавану о случившейся трагедии. Самолет потерял маневренность в управлении. Над самолетом Ил-14 и под ним появились военные самолеты. Калека с одним мотором продолжал лететь прямо, вдоль берега, над пляжами, заполненными отдыхающими. Диспетчерская аэропорта Гаваны постоянно интересовалась, запрашивая параметры движения воздушного бедолаги. Экипаж был очень опытный, состав год назад прилетел на этом самолете из Алма-Аты.

На земле не торопились с посадкой, необходимо максимально использовать горючее, самолет мог лететь только по прямой, а развернуть его было трудно, при рулевом вмешательстве проявлялась децентрализация, и самолет начинал крениться, то есть становился неуправляемым.

Много различных историй в самолетах испытал начальник партии. Однажды в Никарагуа 31 декабря местный житель, стреляя из автомата по аэрофотосъемочному самолету Ан-30, изрешетил бензобак, а в Лаосе во время аэросъемки был обстрелян самолет из автомата, но приземлились удачно. Был случай, когда самолет кое-как удержался на взлетной полосе, на берегу океана, которая оказалась покрытой сплошным потоком движущихся морских крабов. Как потом рассказали местные жители, такое происходит перед подводным землетрясением и возникающими в океане цунами. Но

такого случая у Гудкова не было, когда двигатель на глазах оборвался и на его месте вспыхнуло пламя.

Наконец поступила команда на посадку. Пристегнули привязные ремни. Для посадки воздушного «урода» подобрали военную взлетно-посадочную полосу вдали от населенных пунктов. Дело в том, что самолет при посадке не мог включить тормозную систему, так как при торможении самолет привело бы в винтообразное движение и в спиральное опрокидывание с возникновением пожара, поэтому экипажу предстояло проявить свое профессиональное мастерство, посадить машину с минимальным притормаживанием, не поворачивая самолет, если даже закончится взлетная полоса. В конце концов, самолет коснулся полосы и долго-долго катился, остановившись вплотную у самого края лесного массива, спокойно съехав с полосы. Наступила абсолютная тишина, казалось, все замерло. Гудков не мог встать, ноги, словно окаменели. Все члены экипажа находились в оцепеневшем состоянии.

На другой день нашли двигатель, упавший на краю деревни. Жители, увидев огромную падающую болванку с пропеллером, разбежались, попрятались, но взрыва не последовало. Думали, что вновь началась война и что американцы сбросили бомбу.

Через несколько дней Министр обороны Кубы Рауль Кастро наградил Почетными грамотами экипаж самолета Ил-14 и начальника партии В.Н. Гудкова.

Кантегирские шалуны

Геодезисту Анатолию Алексеевичу Широкову, которому впоследствии присвоят почетное звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации», посчастливилось работать многие годы в Саянах. Потомственному охотнику нравилось работать в таежных, глухих уголках Сибири. Срочно потребовались топографические карты на регион проектирования и строительства самой крупной в мире Саяно-Шушенской ГЭС, и Широкова назначили начальником топографической партии на реку Кантегир. Эта горная коварная река впадала в Енисей в том месте, где проектировалось строительство плотины высотой двести метров.

Начальник партии расставил семь бригад по всей реке, от устья до истоков, на расстоянии более двухсот километров и отправился на обследование горных озер, из которых берет начало река Кантегир. Ехал Широков верхом на лошади. По правилам техники безопасности запрещалось в одиночку передвигаться по тайге, но Анатолий по своей натуре таежный человек и в тайге чувствовал себя безопаснее, чем в цивилизованном обществе. Здесь, вдали от людской суеты, геодезист душевно отдыхал, любимая лошадь Звездочка спокойно пробиралась между стволов лиственниц и кедров, кое-где яркие лучи солнца проникали до основания деревьев, пробиваясь сквозь изумрудно-зеленые кроны огромных деревьев. С реки доносился рокот и шум горной реки, перекликаясь с пением лесных птичек, где-то, словно по барабану, отстукивал дятел, с перерывами куковала бездомная кукушка, беспокойная кедровка, перелетая с дерева на дерево, сопровождая лошадь с седоком, надрывным криком оповещала всех пернатых о появлении в девственной тайге непонятного чужеземца. Широкова радовала нетронутая таежная глухомань, в низинах буйствовал папоротник, в тени дубрав крепчала черемша толщиной с палец руки. Люди в этих местах бывают очень редко. В верховьях реки Кантегир живет безвыездно много лет охотник Назар Назарович Емельянов. Месяц назад Широков ночевал у Назаровича, всю ночь проговорили. Сложная судьба загнала бедолагу в эти безлюдные лесные места.

Емельянов с женой и тремя маленькими сыновьями жил на Енисее, в деревне Красный Хутор. Во время войны с немцами забрали Назара на фронт, дошел до Берлина. В последние дни попал под обстрел. Вырвало все мужское достоинство, долго лечили, потом дали инвалидность и отправили домой, а в деревне давно получили похоронную о его гибели под Берлином. Осиротевший дом в деревне стоял с забитыми окнами. Жена умерла от

туберкулеза, а сыновей отправили в разные деревни, в дома для приюта сиротских детей.

Тогда Назар попросил у родственников лодку, собрали ему пожитки, ружье и уплыл горемыка подальше от людей, поднявшись в самое верховье реки Кантегир. Так и живет с тех пор Назарыч в таежной глухомани. Срубил добротную избушку на берегу реки, летом и осенью приплывают на лодке сыновья. Старший сын приезжал даже с сыном. Назар подарил внуку чучело белки и рябчиков. Широков вез Назарычу батарейки для радиоприемника, кое-какие снасти, а главное — мелкокалиберное ружье, о котором мечтал охотник. Начальник партии испытывал большую радость вновь встретиться с этим необыкновенно чутким, гостеприимным человеком.

Подъезжая к избушке Емельянова, геодезист услышал оружейную стрельбу, тревожный лай собаки, человеческие голоса, Широкова это все насторожило, он хорошо знал, что на сотни километров в этих местах нет никаких жителей. Сын приезжал весной и теперь приедет только осенью, добираться сюда даже на моторной лодке долго и очень хлопотно. Анатолий прищпорил свою Звездочку, и она рысью устремилась вперед. У избушки стоял коренастый седовласый с белой окладистой бородой в своей любимой рубашке-косоворотке Назарыч, а рядом с ним топограф Степан Леонтьев и вся его бригада. Все устремились в противоположную сторону, туда же и бросалась с громким лаем собака. Начальника партии озадачило появление здесь его бригады, которая должна работать сравнительно далеко, занимаясь срочным заданием, выполнение расписано по дням, даже составлен сетевой график передачи топографических планшетов заказчику. Увидев Широкова, Назарыч бросился к нему навстречу. Начальник партии спрыгнул с лошади и устремился к белобородому затворнику. Обрадовавшийся Назар обнял своими крепкими ручищами широкоплечего гостя. Прирожденный охотник и таежный отшельник с первой встречи стали близкими друзьями. От радости голубые глаза Назарыча увлажнились. Широков вручил таежнику мелкокалибровку — давнюю мечту бывалого охотника, и они направились к бригаде.

Оказывается, бригада топографов накануне заложила грунтовый репер на берегу реки, закопали его на глубину 2,5 м для нивелировщиков. Отошли от репера на 100 м, как вдруг появилась медведица, за ней следовал маленький медвежонок. Медведица ревела на всю тайгу, ее пасть не закрывалась, медвежонок, словно привязан к задней ноге, не отставал ни на метр от кричащей матери. Леонтьев более 20 лет проработал в экспедиционных условиях, но никогда не приходилось стрелять в медведя, он знал, если ранишь эту зверюгу, то сразу погибнешь, поэтому всегда старался расходиться с топтыгиным мирным путем. На этот раз в бригаде

все были новичками в тайге, поэтому сразу пустились в бег. Бригадир остановил их, объяснив, что убежать от нее самый опасный прием. Степан выстрелил вверх, медведица притихла, затем принялась лапами раскапывать закопанный репер. Станным было ее поведение, она близко к бригаде не подходила, не пыталась нападать на людей, но своим громогласным тревожным ревом наводила смертельный страх, потом она удалялась в лесные заросли, через некоторое время вновь появлялась. Так повторялось много раз, работать было невозможно, поэтому решили идти к охотнику, а медведица стала вдали сопровождать бригаду, периодически подавала свой грозный рев. Так получилось, что Назарыч свою собаку-медвежатницу отдал на лето в другую бригаду по просьбе Широкова. Та бригада работала на противоположной стороне Кантегира, там было изобилие медведей, а эта собачонка пригодна только для охоты на белку, соболя, глухаря. Назар внимательно выслушал Степана и сделал вывод, что у медведицы попал в какую-то беду второй медвежонок, поэтому нужно идти на его спасение.

Назарыч, Широков, Леонтьев, вооружившись, направились за медведицей. Студента с рабочими оставили у избушки, собаку привязали: по словам Назара, она может натворить плохие дела. Медведица устремилась по тайге, к реперу, немного порывшись вокруг репера, она направилась дальше, в лесные заросли. Все держали ружья на взводе. У Назарыча в руках, кроме ружья, была рогатина, по его словам, он много брал медведей на эту рогатину, которая была похожа на двухрожковые деревянные вилы.

Вдруг медведица остановилась, ревя около кучи земли. Стали подходить ближе, она не уходила, заткнув свою огромную башку в какое-то разрытое углубление. Ее в таком положении можно было застрелить без всякой опасности, но Назарыч категорически запретил стрелять, поясняя, что останется на погибель ее малыш, да и мясо у нее сейчас непригодное для еды — одни кости. И вообще Назарыч ни одной медведицы не застрелил за свою жизнь, а убивал только самцов. Медведица интенсивно принялась разрывать землю, выбрасывая большие комки вместе с камнями. Назарыч за многие годы жизни в тайге прекрасно изучил звериные повадки, и сейчас он понимал, что в земле находится ее детеныш. Непонятно, как он туда попал, что там происходит и живой ли он?

Решили приблизиться к медведице, тем более она не проявляла агрессию к людям. Разожгли костер, у Назарыча за поясом был топор, он моментально нарубил сучьев и соорудил второй костер на рогатине. С огнем на рогатине охотник направился к медведице, а Широков держал ее на прицеле карабина. Медведица отступила от горящего пламени. Достигнув углубления, Назарыч закричал: «Алексеич, здесь геологический шурф,

глубиной метра 3—4, а в нем медвежонок». Охотник отступил назад, к своим, а медведица сразу же бросилась к шурфу. Только теперь услышали жалобные звуки, которые доносились из шурфа. Медведица разгребла бы землю, но глубже начались камни, сплошной белый с голубым оттенком мрамор. Впоследствии мрамор с этих гор поставляли в Москву для отделки станций метро.

Придумали несколько вариантов по спасению медвежонка, но действовать стали по предложенному варианту Назарыча. Срубили дерево диаметром сантиметров пятнадцать и такое пятиметровое бревно затолкали в шурф. Медведица с охрипшим ревом бегала среди деревьев, но к кострам, которые были зажжены вокруг шурфа, не приближалась. Через несколько минут показалась голова страдальца, он, затаившись, некоторое время осматривался, но, услышав грозный рев матери, стремглав бросился в сторону ревушей медведицы, все медвежье семейство устремилось в густую заросль и исчезло.

Наступила гробовая тишина. Назарыч перекрестился, вытащил бревно, уселся на него, вытирая рукавом выступивший на лбу пот, и сказал: "В этом году второго медвежонка спасаю, и прошлой осенью уберег от смерти одного". Назарыч рассказал, как совсем недавно приплыл он на лодке с того берега и отправился в избушку пить чай. Вскоре услышал раздраженный лай своих собак, так они лают на медведя и на лося, но эти богатыри уже несколько лет обходят избушку стороной. Выскочил с ружьем на берег к лающим собакам. А в лодке находился медвежонок, который от испуга забился в корму, под сиденье. Очевидно, шалун пробрался на лодку и начал лакомиться рыбой, которую Назарыч поймал на том берегу. Собаки учуяли воришку и пытались его растерзать. Назарычу пришлось привязать собак на несколько минут, чтобы малыш успел улизнуть к своей мамаше.

Осенью приезжал старший сын и установил антенну для радиоприемника на высоком дереве, недалеко от избушки. На второй день собаки начали громко лаять, взяв на приступ дерево с антенной. Назарыч обошел высоченную лиственницу и заметил на самом верху медвежонка. Шалуна нужно было спасать, он был осенний, уже приличного роста, готовился к зимней спячке. Назарыч привязал собак на веревку, увел их на берег, возвратившись, стал всматриваться в вершину дерева, там уже никого не было, шалунишка сбежал.

Осиное гнездо

В разгар полевых работ на базу партии приехал студент проходить производственную практику. Я в то время работал начальником партии. У топографа Володи Иванова в бригаде не было помощника, я по радиации связался с Володей, предложив ему практиканта, он обрадовался, тем более приехал парень. Объекты были сложные, поэтому старались укомплектовывать бригады мужским персоналом. Верхом на лошадях мы со студентом отправились в бригаду Иванова. По моим расчетам к вечеру мы должны добраться. Погода стояла прекрасная, лесные массивы чередовались с огромнейшими травянистыми полянами, лошади успевали схватить пучок сочной травы, пережевав, вновь наклоняли свои головы в высокий зеленый покров, откусывая очередную порцию мягкой луговой травки. Пьянящий аромат таежных цветов расслабил нас, поэтому мы позволили лошадам идти спокойной походкой, наслаждаясь свежей травкой, тем более я знал, как трудно студенту находиться целый день в седле, особенно, если лошадь бежит или быстро идет. Студент признался, что никогда не видел таких красивых цветов и такого разнообразия цветовой гаммы.

Добрались засветло. На возвышенной поляне паслись лошади, утопая в пышном разнотравье. У геодезического сигнала установлены две палатки, от которых стелился дымок. Щенок по кличке Богиня со звонким лаем мчался в нашу сторону. Я заметил, что у палаток происходит суетливое движение работников бригады. На наше приближение никто не обращал внимания. Мы подъехали, расседлали лошадей, я показал практиканту, как нужно спутать лошадей. В это время к нам подошел Володя. Его лицо было распухшее, перекошенное. Глаза заплыли.

Оказывается, бригада, приехав на этот геодезический сигнал, стала заниматься разбивкой лагеря, а бригадир решил успеть сделать измерения на сигнале. С этого знака Иванову нужно отнаблюдать семь вех, которые им установлены на соседних горах и возвышенностях. Вообще Владимир находился в числе лучших специалистов экспедиции. По натуре он стремительный, напористый, полевые работы выполнял быстро, качественно, увлечен спортом. Его смуглый цвет лица, чуть вздернутый носик, голубые глаза и темные волнистые волосы сводили с ума многих девушек экспедиции, но он познакомился с местной жительницей и вел себя со всеми остальными отчужденно.

Топограф с теодолитом за спиной и полевой сумкой на плече поднялся на сигнал, который был выстроен четыре года назад, по высоте он был не

очень высокий, всего пятнадцать метров. Взобравшись, Володя поставил ящик с теодолитом на площадку для наблюдения, а сам стал всматриваться в соседние вершины гор, выискивая свои вехи, держась руками за столик для инструмента. Вдруг пальцы одной руки под столиком зацепились за какую-то корочку, наткнулись на живое месиво.

Мгновенно жалящие насекомые набросились на пришельца. Топограф кубарем летел вниз по лестнице сигнала, в сопровождении роя расшвирипевших ос, затем Володя вбежал в палатку и уткнулся лицом в спальный мешок. Теперь бригадир понял, что осы свили свое гнездо под столиком для инструмента. Мне стало ясно, почему все работники натянули на головы накомарники. Одна оса успела ужалить студента в лицо, и мы сразу же накинули накомарники.

Месяц назад в соседней партии рабочий полез на лиственницу устанавливать веху, забрался до самой вершины и начал поднимать веху с помощью веревки. Веха застряла между сучьями, поэтому верхолаз стал срубать мешавший сук. Рядом оказалось дупло, из которого вылетел рой огромных мохнатых жалящих насекомых. Это были шмели. Они начали жалить рабочего, он стал спускаться. В спешке оборвался, сломал ногу, так что по сравнению с соседями у Иванова спуск прошел благополучно.

Возникла сложная ситуация, нужно было выдворить ос с сигнала. Сделать это можно только ночью. Самые существенные предложения давал студент, у его отца имелась пасека, поэтому ему приходилось сталкиваться с жалящими насекомыми. С вечера приготовили из смолья факелы, но главная опасность заключалась в том, что сигнал был построен из дерева, хорошо высох, мог от факела вспыхнуть и дорогостоящий государственный сигнал мог мгновенно сгореть. Всю имеющуюся посуду заполнили водой. На сигнал до самой наблюдательной площадки затащили мокрые брезенты. Приспособили наверху брезентовые ведра с водой. Вокруг сигнала зажгли костры.

Перед рассветом, когда стало очень прохладно, приступили к этой сложной эпопее. Костры приглушили, сигнал погрузился в густой дым. Осиное гнездо состояло из нескольких арбузообразных сегментов, прилепленных к наблюдательному столику с нижней его стороны. Горящим факелом сжигали сотообразное гнездо, а остальные факелы погасили, их использовали для выделения густого дыма. В дымовой завесе и в темноте удалось очистить наблюдательный столик полностью.

Утром пошел дождь, вначале слегка накрапывал, затем стал лить как из ведра. Мы с Ивановым поднялись на сигнал, признаков осиного гнезда не осталось. Володя обрадовался, что теперь он сумеет отнаблюдать свои вехи,

работа будет продолжена, и бригада сможет отправиться в свой очередной маршрут.

Расплата

За один летний сезон топографу Ивану Кунтикову дважды медведи преграждали дорогу. Первый раз встреча была короткой, но страшной. Шли по таежным зарослям с одного геодезического сигнала на другой. Шли тихо, торопились засветло добраться до пункта триангуляции. Впереди шел бригадир с теодолитом за спиной, ростом Иван небольшой, за ним следовали рабочие, здоровенные молодые парни с тяжеленными рюкзаками. Тайга в предгорьях Саянских хребтов благодатная. Много различной дичи, интересно наблюдать за белками, которые постоянно перепрыгивают с одного дерева на другое, балансируя, словно на крыльях. Кунтиков остановился, увидев очередное зрелище — летящую белку. Вспотевшие рабочие уселись на колодину, задрав головы в сторону распластавшейся в воздухе черной красавицы.

Неожиданно на тропе, в 7—10 метрах от бригадира, появилась медведица, она взревела, встала на свои толстые задние ноги и направилась в сторону онемевшего топографа. За ней шествовали два огромных самца, оглушая тайгу свадебным ревом. Очевидно, в брачный обряд не входило каверзное нападение на человека. Медведица на какое-то мгновение остановилась в своем грациозном великолепии перед маленьким оцепеневшим человечком. Медведи с открытыми пастьями с обеих сторон стоящей медведицы начали обходить ее, приближаясь к Кунтикову, который стоял, словно вкопанный.

Первым пришел в сознание самый молодой рабочий Юрик, обычно в бригаде над ним подтрунивали за его неуклюжие движения, задумчивость, пассивность в работе. Он иногда подойдет к берегу реки с полотенцем и стоит, вспоминая, зачем он пришел. Юрик подбежал к Ивану, снял с его плеча карабин и выстрелил вверх.

Медведица недовольно рывкнула, развернулась и направилась в сторону грохочущей горной реки, за ней устремились ее «кавалеры». Долгое время оцепеневшая бригада приходила в нормальное состояние. В течение всего светового дня не могли приступить к работе, вспоминая кошмарные минуты, которые длились, казалось, очень долго. На пункте триангуляции появились производственные проблемы, молнией разрушило сигнал, поэтому все были озабочены новыми неурядицами, позабыв о встрече с медведями.

Полевой сезон подходил к концу. Бригада прокладывала нивелирный ход по берегу реки Ус. Затяжные осенние дожди приостановили работу. Бригада расположилась в охотничьей избушке. Однажды ночью, перед

самым утром, раздался около избушки медвежий рев. Все повыскакивали из спальных мешков. До рассвета из избушки не выходили. Рев не унимался. Утром по радиосвязи Иван передал о случившейся ситуации на базу партии. Я рассказал об этом своему рабочему Тюлюшу, который работал на базе партии, он жил в соседнем тувинском селе, работал у нас два года, я знал его как прекрасного охотника, у него на счету несколько десятков убитых медведей. Год назад он спас от смерти одного нашего начальника партии, который сильно болел, врачи посоветовали достать медвежью желчь, с помощью которой можно вылечить больного. Тогда я поехал к Тюлюшу. Был ноябрь месяц. Тюлюш пригласил своего друга, и мы втроем с собаками на лыжах отправились в тайгу. Все берлоги в округе Тюлюш приблизительно знал. Пошли, по его словам, к самой близкой. Ноябрьские дни короткие, поэтому вошли в тайгу очень рано. Снег в тайге очень рыхлый, идти на лыжах было трудно.

Наконец собаки воющим лаем обозначили медвежью берлогу. В густой чаще возвышалась снежная полутораметровая горка. Тюлюш всех расставил, мне поручил держать на поводке двух собак, и при необходимости он дает команду, и я отпускаю разъяренных собак на медведя. Тюлюш со своей двустволкой стоял вблизи берлоги, а Сергей, запустив конец длинной жерди в берлогу, начал ею активно действовать. Показалась голова рассвирепевшего медведя, но Тюлюш не стрелял, выжидая выхода медведя из берлоги всем туловищем. Сергей продолжал жердью выманывать медведя за пределы берлоги. Грянул выстрел, второй, и медведь рухнул. Тюлюш, распоров полость живота медведя, отдал мне желчный пузырь с желто-зеленой жидкостью, и я поспешил в Минусинск. Вскоре начальника партии вылечили.

На этот раз у нас с Тюлюшем была другая миссия. Нужно было оградить бригаду от яростного медведя. Дождь перестал, нужно работать, а топтыгин своим ревом не позволяет бригаде выйти из избы. Мы с Тюлюшем отправились в верховья реки Ус верхом на лошадях. Тюлюш прихватил на это ответственное задание свою любимую собаку Юрлу. В маршруте тувинец высказал свое предположение, почему медведь удерживает в плену бригаду. Охотник утверждал, что медведь — это дружелюбное животное и никогда на человека не нападет, даже если будет очень голодный. Самцы всегда стараются уединяться, а самки постоянно занимаются воспитанием своих малышей, которые очень любопытные, подвижные, порою они и создают сложные ситуации. Медведи очень мстительные: если человек ранит его или сотворит какую-нибудь неприятность ему, то тогда ожидай самой дерзкой расправы. В данном случае что-то бригада сделала хозяину тайги, нарушив его имперские законы. Медведи живут в своих местах

постоянно, они даже не пересекают хребты, у каждой семьи свои владения. Развелось в последние годы медведей много. Тюлюш поведал, что медведица рождает каждый год 2—3 медвежонка, а живут они по 40—50 лет. Зимуют в одни и тех же берлогах по многу лет. Эту избушку Тюлюш хорошо знал, много раз в ней ночевал, осенью не один раз здесь белковал. Никакого рева у избушки мы не услышали. Бригадир рассказал, что перед обедом рев прекратился и сразу рабочий Семен попросился уехать домой, взял свой рюкзак и ушел, хотя его уговаривали: работы осталось на три дня, все поедем, но он объяснил, что очень плохо себя чувствует. Я насторожился, здесь всего одна тропа, и мы его не встретили.

В это время Юрла заполнила тайгу громким воющим лаем. Тюлюш объяснил, что собака обнаружила в лесу какой-то предмет, тувинец по интонации Юрлы сразу мог определить, какого зверя она облаивает. Через некоторое время появился Тюлюш и предложил мне и Ивану следовать за ним, а сам крепко сжимал в руке свою двустволку. Среди густого кустарника лежал ободраный медвежонок. «Это кто-то из вашей бригады застрелил медвежонок и ободрал с него шкуру, медведица вам этого не простит, срочно отсюда нужно уходить на ту сторону реки, в воде она потеряет следы», — выдал Тюлюш жалким монотонным голосом. Кунтиков, округлив испуганно свои голубые глаза, сказал: «Позавчера весь день дежурил Семен, мы уходили на сигнал, значит, это он сотворил такое гнусное дело, мечтал все лето младшей сестренке чучело из медвежонка привезти из тайги и потому сегодня постарался исчезнуть». Тюлюш объяснил, что нужно догнать рабочего, если он еще живой, медведица, конечно, пошла преследовать его, улавливая запах шкуры своего малыша.

Мы с Тюлюшем запрыгнули на лошадей и погнали их галопом по тропе. Юрла убежала вперед нас. На повороте реки собака громко завывала, ожидая нашего приезда. В стороне от тропы, у краю густого кустарника, лежал растерзанный рабочий, а чуть дальше валялся выпотрошенный рюкзак, из которого торчала окровавленная шкурка медвежонка. Я вспомнил, что мы здесь спрямили путь, поэтому не обнаружили трагическую гибель, когда ехали в бригаду.

Вторая встреча с медведем закончилась трагической расплатой — карой возмездия.

Жилая пещера

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия закончилась эпопея всеобщего картографирования страны в масштабе 1:25 000. Обследование последних белых пятен происходило с большим трудом — оставались самые труднопроходимые, удаленные от сел и деревень горные и таежные массивы Сибири, Дальнего Востока и тундровые вечномерзлотные пространства Крайнего Севера.

Теперь на картах нанесены все таежные и горные тропы, которые упрятывались под кронами деревьев, многие имели вековую историю, некоторые из них протоптаны первопроходцами еще при Петре I и нашли отражение на первых Ремезовских картах, такие, как тропа, проходящая через «златокипящую» Мангазею. На новых картах показаны все избышки, большинство из них построены охотниками на берегах безымянных рек, а некоторые избышки и землянки уединенно запрятались в глухих расщелинах ручьев, родников и рек. Эти избышки сооружали люди, которые стали отшельниками по разным причинам. Среди них много староверов, но и есть люди, не нашедшие в обществе своего места по взглядам или по каким-то другим причинам. Таких скитальцев со сложной судьбой, чуждающихся людей, ведущих аскетический образ жизни, повидали геодезисты и топографы много, большинство из них живут семьями и до настоящего времени. Больше всего отшельников сосредоточилось в верховьях сибирских рек, в таежных распадках, в Саянах, на Алтае, в Забайкалье.

По инструкции топографы должны у местного населения узнавать все названия ручьев, стариц, озер, хребтов, урочищ, но отшельники обычно чуждаются людей и стараются спрятаться от пришельцев. Редко кому удавалось разговорить этих загадочных таинственных людей.

На современных картах отображены пещеры, особенно если они значительных размеров. Таких пещер очень много на Урале, имеются они в Саянах и на Алтае. В отображении на карте одной из таких пещер произошел любопытный случай. Начальник Отдела технического контроля (ОТК) экспедиции № 150 Евгений Александрович Денисов, опытный специалист, просматривал трапеции для отправки очередной партии на издание топографических карт на картографическую фабрику. Обнаружил, что на одном листе карты значилась необычная надпись к условному обозначению пещер, находящихся среди множества других в скалах Саянских хребтов, было подписано «пещера жилая». Такая надпись

заинтересовала Денисова, тем более, полевое дешифрирование выполнила опытный инженер В.Ф. Бутакова.

Начальник ОТК показал этот лист карты главному инженеру экспедиции С.Д. Любивому, рассуждая, что в условных знаках есть понятие изба жилая и нежилая, даже имеются целые деревни нежилые, так и подписываются на картах. По своей натуре Денисов дотошный, щепетильный и не мог отправить эту трапецию на издание, не проверив ее содержание на местности.

Однажды представилась возможность поехать в Саяны, и начальник ОТК отправился на контроль, совместив проверку с другими процессами топографо-геодезических работ. На базе партии оказался студент, ожидающий выхода своей бригады. Денисов с этим студентом отправился в четырехдневный маршрут к жилой пещере.

Взяв с собой спальные мешки, палатку, продуктов на четыре дня, Денисов с практикантом пешком ушли в горы, в царство скальных пещер. Летом дни очень большие, поэтому за световой день удалось добраться до первого каскада пещер. Здесь было огромное их разнообразие, некоторые углубления были очень значительными, наличие многочисленных следов копытных животных указывало на их постоянное здесь посещение. Выше, в отвесных недоступных скалах, также просматривались амбразурные отверстия, вокруг которых порхало множество птиц. Вход одной пещеры был облеплен гнездами ласточек, другая, более просторная, была оккупирована летучими мышами.

У пещер было очень жарко, но постоянно ощущался поток прохладного воздуха, исходящий из глубины пещер. Сюда совсем не приближались комары, поэтому здесь часто прохаживаются дикие козы, олени, лоси, их следы четко просматриваются по всему пещерному каскаду. Здешние места облюбовали и нашли приют пресмыкающиеся животные: змеи, ящерицы, черепахи. Контролирующий записывал все особенности пещер, которые будут использованы в отчете при завершении этого объекта.

На ночевку путники решили расположиться в лесном массиве, спустились к маленькому озеру, из которого вытекал небольшой ручеек, в его истоке заметно выделялось скопление огромных камней. Безымянное озеро располагалось среди густого лугового покрова, окруженного сочной зеленой порослью кедрового молодняка. Студент заметил на озере всплески рыбы, поэтому сразу же направился на рыбалку. Через несколько минут он принес к костру трех темных крупных хариусов для ухи, азарт вновь увлек практиканта к озеру.

После длинного перехода и зрелища таинственных пещер путники крепко заснули. Денисов проснулся утром очень рано. Из леса доносилось

пение птиц, рядом с палаткой журчал родник, топограф заставлял себя уснуть, но ему не спалось, и сразу вспомнил Денисов про экспедиционные собрания, на которых он сразу засыпал, даже если садился на первый ряд, и в президиуме тоже отключался. Этот недостаток он знал, и все это видели. Такой порок сопровождал его всю жизнь. А здесь в такой тишине не свежем воздухе и не спится.

Неожиданно контролирующей услышал знакомый звук. Не поверил. За сотни километров нет ни единой деревни, и вдруг петушиный голос. Денисов прислушался, затем вылез из спального мешка, вышел из палатки и примолк. Где-то совсем недалеко, на втором пещерном каскаде звонко прокукарекал петух, через некоторое мгновение кукареканье повторилось. Денисов быстро пошел разводить костер, захотелось скорее позавтракать и отправиться к жилой пещере.

Проверяющий взял в руки от дешифрированный аэроснимок, опознал озеро, на берегу которого ночевали, и по намеченному азимуту направились напрямик к жилой пещере. Шли быстрым шагом. Давило какое-то чувство тревоги, беспокойства. Места очень глухие и далекие.

Перед путниками открылась панорама пещерных амбразур. Выделялась пещера с диаметром входа более двух метров, напоминающая вход в крепость. Половина закрыта досками, в виде дверей. Из проема выглянули детские головы и исчезли. В нескольких метрах от пещеры сверху лилась вода, сливаясь в углубление, которое образовали камни в виде большой ванны, величиною с кузов грузовой автомашины. Около пещерного проема валялись туески, сделанные из бересты. Уступом ниже, среди деревьев, разноцветный петух гонялся за пестрыми курицами. Пришельцы стояли, дожидаясь выхода взрослых.

Наконец из пещеры вышла пожилая женщина, одетая в коричневую домотканую одежду. Денисов пытался женщину разговорить, но диалога не получилось. Так и не удалось узнать никаких подробностей о жителях жилой пещеры. Седовласая женщина сделала жест рукой, который обозначал, что она уходит и путникам тоже нужно отсюда убираться. Первопроходцы некоторое время постояли, но поняли, что никто не выйдет из пещеры, поэтому решили возвращаться на базу партии.

Осенью начальник ОТК рассказал мне о загадочных отшельниках, проживающих в пещере. Я работал в то время начальником экспедиции, пригласил Валентину Бутакову, которая рассказала любопытную историю про пещеру и про ее жителей. Год назад Валентина занималась дешифрированием этого массива. Обследовала эти места верхом на лошадях вдвоем со студенткой.

Однажды, рассматривая аэрофотоснимки, Бутакова обнаружила среди деревьев поляны правильной формы, это загадочное обстоятельство она решила проверить. При обследовании выяснилось, что поляны обработаны людьми, на одной рос картофель, на следующей овес, просо и здесь же были возделаны грядки с овощами. Вблизи, под кронами деревьев, располагались две избы, добротно срубленные, но в них никого не было. Дешифровщики поехали по тропе, которая привела их в горы, к скалам. Люди, проживавшие в пещере, к топографам отнеслись отчужденно. Тогда Валентина приняла решение — установить поблизости палатку и поработать в окружающих окрестностях, тем более, здесь она заметила большое количество пещер, которые нужно обследовать, на аэроснимках они не просматриваются.

Любопытные ребята периодически подбегали, любовались пасущимися лошадьми, они таких животных никогда не видели. Утром рано Валентина увидела, как трое мужчин и две женщины отправились по тропе в сторону их пашни и изб. Оставив спутанных лошадей, топографы пешком ушли на обследование каскада пещер. Возвратились поздно, как обычно развели костер, студентка начала готовить ужин из консервов, а Валентина занималась вычерчиванием ситуации местности, которую обследовали в течение дня.

Неожиданно к костру подошла седовласая женщина, ее лицо было заплаканным. Она объяснила, что умирает внук от кровавого поноса. Валентина вскрыла аптечку, оторвала несколько таблеток, затем в алюминиевую кружку развела марганцовку и вручила женщине, объяснив когда и сколько нужно употреблять. Наутро вновь пришла женщина, в знак благодарности принесла туесок с медом и туесок с солеными грибами. Болезнь и вылечивание мальчика помогли наладить контакты с женщиной. Валентина заварила густой цейлонский чай и попросила напоить мальчика.

Пелагея, так звали женщину, поведала, что живут здесь они очень давно. За хребтами когда-то действовали золотоносные прииски. Золото закончилось, прииски закрыли, все уехали на новое месторождение. Пелагея в то время была совсем маленькая, кроме нее в семье было два брата и сестра, мать при родах последнего мальчика умерла на приисках. Отец с такой оравой поехать не смог. Так семья Толокновых осталась жить в тайге в опустевших домах прииска. При отъезде последней группы людей друг отца неожиданно женился на совсем молоденькой девушке — дочери богатого золотоискателя, и тоже остался жить на брошенном прииске. У них родились дети, но друг потом умер от простуды, провалившись зимой на озере. Впоследствии отец нашел это прекрасное место, подросли дети, переженались. Выстроили две избы, распахали пашню. Зимой все живут в тех избах, а летом там много комаров, а у пещер их нет совсем. Поэтому

Пелагея с детьми все лето, до глубокой осени живет в пещере, тем более, рядом льется постоянно горячая вода. Дети целыми днями купаются в теплой воде этого источника.

Валентина предложила Пелагее соль, она отказалась, пояснив, что соль они добывают на солончаках, тогда Бутакова подарила ей спички. Пелагея пояснила, что огонь они добывают очень быстро, но от спичек не отказалась. Валентина подарила лекарства Пелагее и передала детям общую тетрадь и пачку цветных карандашей, и сказала: "Пусть дети рисуют своих козочек, петуха, кур, диких зверей, пещеры, тайгу, а я через много лет приеду и проверю их рисунки и подарю им новую тетрадь, чтобы они продолжили рисовать". Так закончилась встреча с представителем жилой пещеры. У топографа не было времени остаться еще на несколько дней и познакомиться ближе с бытом этих загадочных людей. Валентине нужно было идти дальше, прокладывая новые маршруты по неизвестной тайге далекой сибирской глухомани.

В тот вечер Валентина Федоровна рассказала мне много уникальнейших таежных встреч с разными отшельниками, иногда уединившимися пожизненно любовными парами, встречались и такие, когда люди по разным причинам украдкой жили в тайге, скрываясь от людского мира. За многие годы работы по дешифрированию Валентине удалось обследовать самые глухие таежные массивы. Она не скрывала, что иногда при встрече с загадочно-непонятными людьми в тайге охватывала опасность, появлялось чувство тревоги, беспокойства, настороженности. Все эти люди, скрывающиеся от других, старались избегать встреч с пришельцами, они никогда не создавали угрозы первопроходцам, которые вели тоже скитальческий образ жизни, подвергаясь зачастую нападению диких зверей, постоянно находясь под страхом природных катастроф. Валентине приходилось в процессе работы встречаться с медведями, рысью, волками, попадала в лесной пожар и снежную пургу, несколько раз тонула, когда разбило плот о скалы и перевернуло лодку. Такая ее профессия, которую она избрала и ею гордилась.

Чуйский брод

Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации Анатолий Владимирович Сильванский более сорока лет работает геодезистом. Много за эти годы пройдено на Алтае, в Забайкалье, Туркмении, особенно в Западной Сибири. Вырос Анатолий на Урале, его отец занимался разработкой новых видов танков, мечтал, что сын продолжит династию танкостроителей, но Анатолий выбрал другую стезю — экспедиционную. В студенчестве Сильванский увлекся игрой в хоккей, стал незаменимым вратарем институтской команды, затем стал заниматься боксом. Все спортивные увлечения в дальнейшем, в экспедиционной жизни, оченьгодились. Порою возникали невероятно сложные ситуации и именно спортивная закалка, физическая подготовка помогала справляться и выходить победителем в любой обстановке.

Постоянно первопроходец испытывал невероятные физические нагрузки в сопровождении комариных кровопивцев, облепленный мошкаррой, жалящими слепнями и присосавшимися клещами. Были у Анатолия и такие моменты, когда на глазах трагически погибали сподвижники, после этого руки опускались, и продолжать работать по специальности не хотелось, охватывало отчаяние, наступали минуты разочарования, но приближалась весна, все плохое забывалось, душа вновь звала уйти в тайгу, и он опять уходил в очередной маршрут, которых проложено видимо-невидимо. Самым запоминающимся был первый маршрут, еще в студенческие годы — это преддипломная практика в горно-таежном Алтае. Инженер вспомнил все тонкости процесса работы в горных районах, захватывающие красоты высокогорных озер, рек и альпийских лугов. Так выглядит его воспоминание.

Распределили меня на производственную практику в отряд № 53. Начальником отряда был П.М. Гринберг. Отряд базировался в поселке Майма Горно-Алтайского края. Поселок расположен на знаменитом Чуйском тракте. После оформления документов по устройству на работу, получения экипировки, был направлен в геодезическую партию, базирующуюся в поселке Шебалино. В партии я был назначен помощником геодезиста Николая Рыбина, возглавляющего бригаду рекогносцировки пунктов триангуляции. В бригаде, кроме нас двоих, было еще два рабочих — два Ивана, маленький (по росту), пришедший из армии и большой Иван — лет под сорок. В течение четырех дней мы получили все снаряжение, оборудование и продукты на месяц. Лошадей договорились взять в колхозе,

расположенном в поселке Чибит. В Чибит ехали на грузовой машине. Места вдоль дороги красивые, горные, покрытые таежным лесом с преобладанием хвойных пород. Дорога проложена по крутому берегу реки Чуя. По преданию, она выдолблена в скалах заключенными в тридцатых годах прошлого столетия для связи СССР с Монголией. Получив в колхозе по договору пять лошадей (четыре верховых и одну под вьюк), два дня учились подгонять сбрую, ухаживать и треножить лошадей, подгонять и пользоваться альпинистским снаряжением, специальными альпийскими ботинками и креплением на них для ходьбы по ледниковой поверхности, пользоваться канатом, вязать узлы, действовать ледорубом, крепить на кавалерийских седлах подсумки и небольшие вьюки. Изучили специальные требования техники безопасности при работе в горах и переправах через горные реки.

Нам предстояло отрекогносцировать на отдельных вершинах Алтайских гор места для постройки семи пунктов триангуляции. В первый маршрут отправились по наезженной тропе, которая повела путников по хвойному лесу, затем свернула в небольшое ущелье, на дне пенилась и бурлила маленькая горная речка. Несмотря на то, что уже с утра солнце пригревало довольно сильно, в лесу было прохладно, и от речки тянуло холодной влагой. По тропе наш небольшой отряд растянулся метров на пятьдесят. Впереди ехал бригадир, за ним я, далее-Иван «большой», а за ним «маленький», к седлу которого был привязан повод еще одной лошади, нагруженной большим вьюком. Тропа вела нас все выше и выше по каменистому косоугору этого ущелья. Часа через три подъем стал по ложу, ущелье превратилось в вершину небольшого лога, стали появляться поляны, лес стал реже. В некоторых местах были заметны места старых стоянок и костров охотников. Далее через десяток километров лес полностью расступился, его сменили отдельные группы кустов и яркая зелень горных трав. Останавливаться не хотелось, и мы продолжали движение. Впереди, за ближним горизонтом, стали вырисовываться отдельные вершины гор. Еще немного, и мы достигли края горной равнины, на которой просматривались отдельные небольшие (видимо, пересохшие) озера и море разнотравья. Почти со всех сторон равнину окружали горы, на отдельные вершины которых нам предстояло взобраться для выполнения своей работы — рекогносцировки. Остановились мы на ночлег почти посередине равнины. Лошади с огромным удовольствием стали пастись на сочных горных травах. Однако нам их пришлось хорошо стреножить и привязать на длинных веревках к кольям, чтобы они не ушли домой.

На следующий день мы начали работать. «Большого» Ивана оставили кашеварить и сторожить лагерь, а сами на трех лошадях налегке поехали к

первой горе, на которой по проекту намечалось строительство сигнала. Склоны горы были без леса, поэтому мы подъехали к ней вплотную и даже поднялись на нее метров на двести на лошадях. С лошадьми оставили Ивана младшего, а сами с Николаем Рыбиным взяли по рюкзачку и пошли пешком. На равнине высота над уровнем моря была порядка 2200 метров, а вершина горы расчетно достигала 2800 метров, поэтому нам предстояло подняться по крутому каменистому склону метров на 400. Это препятствие мы одолели примерно за два часа.

Из небольших камней соорудили небольшой курган, в центре которого установили принесенную с собой палку, на которой закрепили буссоль и стали в специальном журнале зарисовывать по секторам линии видимого горизонта. При этом особо внимательно отрисовывали видимые вершины гор, на которых проектировалось строительство смежных сигналов. Спуск был немного сложнее, приходилось все время смотреть вниз под ноги. На эту гору мы поднимались и спускались в кирзовых сапогах с резиновыми подошвами, которые почти не скользили по сухим камням, однако после дождя или по камням, обросшим мхом, такой поход был бы опасным.

Далее нам предстоял переход по долине реки Шавла к ее истоку, озеру Шавло, к леднику и заснеженной вершине горы, расположенных рядом с озером, а по пути отрекогносцировать еще пару пунктов на сравнительно невысоких горах.

Ранним утром завьючили лошадей и отправились в долину для переправы на лошадях через горную речку. Привязали страховочную веревку к росшему у самой воды дереву и начали переправу. Река была шириной до тридцати метров. Вода горная, холодная. Дно реки устлано окатышами камней. Решили, что первым буду переправляться я. Я сел на своего коня с притороченными к кавалерийскому седлу выюками, вынул ноги из стремян, обвязался страховочной веревкой и начал переправу. Конь в воду пошел настороженно. Другие кони стояли на берегу. Николай понемногу отпускал страховочный кант. Мой конь сам стал головой против течения и начал медленно, перебирая ногами, продвигаться к середине реки. Уровень воды медленно доходил до живота коня, а затем и выше. Ноги мне приходилось держать в воде, охватив ими брюхо лошади. Миновав середину реки, лошадь уверенно пошла к берегу. Затем поочередно все перебрались через эту горную речку.

Нам предстояло подняться на заснеженную вершину горы. Было ясно, что здесь потребуется все наше альпинистское оборудование и снаряжение. Вершина горы располагалась на высоте 3700 метров, а озеро, на котором мы базировались, находилось на высоте 2800 метров. Утром рано двинулись в путь. Небо было затянуто сплошной верховой облачностью, солнце не

просматривалось. Ручьи, вытекающие из-под ближнего языка ледника, за ночь свой стремительный бег убавили и сочились слабыми струйками. Идти по заснеженной гриве горы становилось опасно. Гора имела подковообразную форму, внутри подковы от ее вершины был скалистый обрыв, а на самой вершине, в сторону обрыва, был ледяной карниз. Продвигаться предстояло по леднику. Мы с Николаем экипировались в альпинистское снаряжение, закрепили на себе страховочный канат и в связке, на расстоянии десяти метров друг от друга, продвигались по леднику в сторону вершины. Поверхность ледника под нами была шероховатой, вначале на поверхность выступали острые концы засыпанных снегом скал и камней, затем их становилось все меньше и меньше, и, наконец, пошел сплошной лед, слегка покрытый тонким рыхлым слоем зернистого снега. Впереди идущий под каждую ногу ледорубом долбил во льду ямку. Часа через два похода по льду мы достигли вершины.

Ближние подступы к этой горе не были видны, так как вершина была плоской, и ее края закрывали ближний обзор, зато были видны все самые высокие горы Алтая. Казалось, что совсем рядом находится главная, самая высокая гора Алтая — Белуха (около 4500 м), за которую постоянно цепляются облака. В десятикратный бинокль детально были видны окрестности. По незаметной для глаза тропе на соседнем склоне горы по скалам медленно, с высоко- поднятыми огромными рогами шел горный козел, а за ним неотступно следовала коза. Это оживило картину и без того прекрасных гор и склонов, в нижней части покрытых лесом. Мы любовались прекрасными картинами природы горного Алтая, видом сверху на наше озеро цвета бирюзы с молоком, на ближние сползающие вниз ледники, похожие на гигантскую стиральную доску, на зелень лесов, облепивших склоны гор. Затем нетрудная дорога вниз, и к вечеру мы уже дома, в своем лагере. На поляне лошади, наевшись сочной травы, стоя спали, лениво помахивая хвостами, отгоняя назойливых слепней и комаров.

По расчетам, обратный путь в Чибит составлял три-четыре дня. Задание свое выполнили, продукты закончились, поэтому рано утром быстро собрались и отправились. Решили за один день дойти до брода через реку Шавла. Брод одолели удачно. Лошади, словно понимали нас, что мы торопимся домой, шли быстро и не пытались хватать на ходу траву, что до этого они делали с большим удовольствием. Впереди ехал младший Иван, считали, что эту дорогу он изучил хорошо, так как по ней ездил несколько раз за продуктами в деревню. Часов в восемь вечера мы выехали по тропе из ущелья и увидели, как на ладони, за рекой Чуей нашу цель — поселок Чибит, напрямую через реку до него было не более двух километров, но по тропе, ведущей к мосту, расположенному ниже по течению Чуи, от поселка

Чибит нужно было преодолеть километров восемь, что составляло, с учетом спуска и довольно непривлекательной тропы, часа два пути, то есть расчетно прибывали в поселок часов в десять вечера. Мы около получаса спускались по тропе вниз к реке, а затем повернули в сторону моста. Река находилась от нас не далее ста метров. В этом месте река расширялась, а посреди нее находился вытянутый, заросший деревьями и тальником остров. Перед островом вода в реке бурлила, разделяясь на две части, и казалось, что там каменистая отмель, но, учитывая нрав этой довольно полноводной реки, можно было предполагать, что буруны у нее оттого, что внизу на дне находятся крупные валуны, которые по весне она перекачивает как игрушечные шарики. Иван младший, ехавший, как и прежде впереди, значительно отделился от нас, вдруг махнул нам рукой, свернул с тропы и направился на своей лошади в воду. Из-за большого шума реки на таком расстоянии ни мы его не могли услышать, ни он не мог услышать наше «ты куда?». Подъехав к берегу, он обернулся и, несмотря на наши знаки, которые мы подавали руками о возвращении или ожидании нас, медленно стал въезжать в реку.

Мы подумали, что он уже преодолевал этот брод, когда ездил один за продуктами, но почему об этом нам ничего не рассказал? Между тем, Иван довольно быстро преодолел вброд первую протоку и выехал на остров, проехал по берегу в вершину острова и еще раз оглянулся на нас, увидел, что мы свернули уже с тропы в его сторону и решительно двинулись в его сторону, а он направился преодолевать вторую, более бурную протоку. Было видно, как лошадь вошла в речку, повернулась против течения и медленно стала продвигаться к середине. И тут она как бы попала сразу на глубину, погрузилась и поплыла вместе с Иваном по течению. Буквально в считанные секунды их понесло течением, и они скрылись за деревьями, растущими на острове. Мы поняли, что свершилось непоправимое и, пришпорив своих коней, понеслись к мосту, до которого было еще с километр. С тропы было видно, что Иван и лошадь появились порознь, видимо, снялась уздечка или он почему-то не удержался на лошади. Одет он был в телогрейку, а поверх нее брезентовый полевой плащ. Стало ясно, что намокшая одежда не дает ему вырваться из основной струи течения, и что только чистая случайность может его спасти. Где-то через 15 минут мы заехали на невысокий деревянный мост, приготовили несколько веревок, которые хотели бросить ему. Прождали этого момента около часа, но ни лошадь, ни Иван не появились. Наступили сумерки, взошла большая круглая луна. Мы решили ехать в поселок непосредственно по самому берегу реки, с надеждой услышать или увидеть какие-то признаки Ивана и лошади. Рев реки создавал массу звуков, похожих на крики о помощи, на стоны, на ржание

лошади, но все это были слуховые галлюцинации. Мы останавливались, разводили очередной костер и продвигались дальше.

К дому обходчика мы подъехали в полночь. В окнах домов поселка горел свет, который обычно отключали в час ночи. О случившемся рассказали обходчику, у которого квартировали, попили молока и легли спать. Утром рано Николай с обходчиком на мотоцикле поехали еще раз проверить берега реки. Переехали через мост и на поляне увидели лошадь, которая пощипывала траву и временами кашляла, видимо, простыла, находясь долгое время в холодной горной реке. Они очень тщательно обыскали оба берега, но Ивана не нашли и никаких признаков его одежды. Видимо Иван утонул, и его унесло вниз по течению. По возвращению с поисков, бригадир позвонил в отряд и сообщил начальнику отряда о случившемся, сообщили в милицию и стали ждать появления комиссии и следователя, а сами продолжали обследование берегов реки.

На следующий день прибыли члены комиссии и началось расследование по делу Чуйского брода. Всех нас допросили, взяли объяснительные записки. Руководство отряда организовало поисковую партию, дали объявление в местную газету о поисках. Поисковая партия с использованием резиновой лодки осмотрела 30 километров берегов реки, но результатов не было. Только через два месяца труп Ивана был случайно обнаружен местным рыбаком в районе маленького поселения Ак-Булак, расположенного ниже по реке Чуя на двадцать пять километров.

Лишился слуха

Осенние затяжные дожди приостановили полевые работы. Оставались небольшие объемы в бригадах, для завершения нужно было пять-десять дней хорошей погоды. На самом отдаленном участке от населенных пунктов работал опытный топограф Николай Антонович Ступин. Объект находился на водоразделе между Енисеем и Обью, в этих заболоченных таежных местах зарождалась река Вах. Бригада работала без лошадей, пешком. К концу полевого сезона в бригаде осталось всего два рабочих. Передвигаться по тайге после двухнедельных дождей было очень сложно. Под кирзовыми сапогами, которые разбухли от перенасыщенной влаги, хлюпала вода, внутри сапог тоже чавкала вода. С ветвей деревьев слезливо скатывались крупные прозрачные капли, добавляя влагу в чрезмерно напоенную землю и на промокшие ватные телогрейки. Оголенные лиственные деревья приготовились к суровым морозам. Птицы покинули таежную глухомань, оставив осиротевшие деревья в тоскливом одиночестве. По утрам болотные лужицы покрывались тонким льдом, мороз прихватывал землю, но еще не настолько крепко, чтобы можно ходить, не проваливаясь.

В конце концов Николаю удалось проложить последний высотный ход, а теперь предстояло выходить на базу партии, продукты закончились, все лишнее оставили в тайге. Бригада решила соорудить плот и по реке Вах спускаться — это самый оптимальный выход из такого сложного положения. В последние дни топограф почувствовал, что сильно ослабли рабочие, очень часто останавливались на отдых. Два дня назад закончились последние сухари. Имелось ружье, но в опустевшей осенней унылой тайге не было ни единой птички. Накануне удалось застрелить белку, сварили ее, поделив кусочки мяса и бульон. В этой тайге даже никакой ягоды нет. Пытались рыбачить, но на реке появилась шуга, и, конечно, на клев рыба не шла.

Плот сделали добротный, старший рабочий Панфилович имел хороший опыт, ему приходилось вязать плоты и сплавлять лес по малым рекам к Оби. Подготовили весла, шест и с утра отправились в плавание. Повалил густой снег. Плот продвигался по реке вместе с шугой, находясь в плотном окружении мелкого рыхлого льда, который обычно появляется перед ледоставом. Дул пронзительный холодный ветер.

Большая часть берегов находилась в воде, даже многие стволы прибрежных деревьев были затоплены. По реке плыли кусты, деревья с вывороченными корневищами, особенно много ветвистых скоплений

прибавлялось с притоков многочисленных речек, которые впадали в реку Вах. В течение летнего сезона бригадиру пришлось дешифрировать эту реку и ее берега, поэтому он знал, что река очень коварная, поэтому крепко держал в руках весло, а вторым управлял Панфилович. Скорость течения была очень приличная, иногда плот разворачивало, и он стремительно направлялся в изгиб берега или на стволы деревьев очередного острова, то есть спокойного плавания не поучилось, о котором мечтали землепроходцы, но физических затрат зато не требовалось, которые приходилось испытывать при переходах по тайге.

Рассчитали, что за четыре дня можно доплыть до ближайшей деревни, а там есть знакомый рыбак, который на лодке сможет довести до базы партии. Первый день проплыли удачно. Хотя на одном из крутых поворотов реки еле-еле сумели отгрести от подводного камня, который мог бы разбить плот. Вечером вскипятили воду, заварили березовой чагой, напившись горячего чая, улеглись спать. Утро не порадовало скитальцев: выпал глубокий снег, берег реки обледенел. Привязанный плот находился в окружении замерзшего льда, хотя середина реки продолжала жить своей жизнью. По воде со свинцовым отражением устремлялись вниз по течению заснеженные сучья деревьев, сгустки мха, снежные нагромождения — все это с большой скоростью проплывало мимо замерзших берегов, которые, леденея, начинали принимать устойчивость зимнего покоя. С небольшими усилиями бригаде удалось раздолбить ледовый панцирь и, отталкиваясь шестом, направить плот в водный поток русла реки.

Весь второй день дул шквалистый ледяной ветер — это первый признак, что наступает ледостав, значит, совсем скоро произойдет замерзание реки. Ветер своим порывом посваливал местами огромные деревья, корни которых оказывались подмытыми водой осенних дождей, стволы вмерзали в береговую часть, а вершины их достигали середины реки, порою эти препятствия создавали большую угрозу. День подходил к концу, наступали сумерки, решили плыть до самой темноты, хотелось завтра добраться до деревни.

Из-за крутого поворота реки плот бурным течением подхватило и понесло потоком воды в темную бездну — это оказалась гигантская лиственница, перегородившая русло реки. Затонное дерево сбросило всех с плота, люди барахтались в ледяной воде, хватаясь за обледеневшие сучья лиственницы. Стремнина в своем бурном потоке увлекла плот вниз по течению, оставив в темноте тонувших скитальцев. Окровавленные и исцарапанные Николай и Панфилович, цепляясь за ветви перегородившего дерева, выплывали, пробираясь к берегу. Рабочий Максим успел

выпрыгнуть на дерево и остался даже сухим, хотя руки и лицо были исцарапаны, промочил только до колена ноги.

В полной темноте все трое выбрались на берег. У Максима в кармане оказались сухие спички — это и спасло всех троих, особенно Николая и Панфиловича. Разожгли огромный костер. Бригадир в первую очередь просушил все карты и журналы, которые находились в полевой сумке через плечо, затем взялись за одежду. Максим снял свою сухую одежду, передав ее коллегам. Николай прыгал вокруг костра поочередно то на одной ноге, то на другой, вытряхивая остатки воды из ушей. Снег со льдом набился в уши при падении с плота, теперь заложило уши и не проходит. Голодные, промокшие, они мечтали о горячем чае, но котелок утонул, как и все остальное, в том числе спальные мешки, теодолит. Всю ночь сушили одежду, поочередно спали у костра. Хотелось быстрее высушить промокшие телогрейки, конечно, прожгли их, образовались дыры на всей одежде. Панфилович даже поджег свою бороду с одной стороны. Николай пытался прогреть уши, прикладывая горячую золу из костра.

Утром, на рассвете, отправились пешком, груза никакого не было. Исхудавшие страдальцы медленно пробирались по заснеженному берегу, земля не замерзла, ноги проваливались в мокрую землю, леденели от снежной воды. С деревьев сваливался снег, растаивая на одежде скитальцев. Под ногами булькала леденистая масса. Главная проблема — это коченели ноги. Останавливались очень часто. На одной из остановок отказался идти Максим, объяснив, что стер ноги. Бригадир знал, что категорически нельзя оставлять одного в тайге — замерзнет, тем более и спичек нет, израсходовали накануне, с большим трудом мученики тогда вечером развели костер. Окоченевшие пальцы рук не разгибались, топора не было, чтобы где-то отщипнуть сухую щепочку. Максим сохранившимся ножом сумел настрогать лучинок у сломленного сухого дерева и, в конце концов, удалось разжечь костер, и спички закончились. Рас: считывали за один день осилить это расстояние. Николай снял с себя рубашку, разорвал, сделал сухие портянки Максиму, и они вновь отправились в путь. Впереди шел Николай, за ним Максим, Панфилович был замыкающим. Останавливались на отдых очень часто.

Панфилович стал уговаривать бригадира оставить их с Максимом на берегу, а самому идти быстрее в деревню и отправить за ними рыбака Данила. Николай объяснил, что рыбак не сможет проехать на лодке по шуге, а сам знал, что остаться сейчас в тайге — это на погибель, поэтому шли с большими передышками. Ватники от снега промокли. Прожженная и продырявленная огнем одежда напиталась снежной водой и становилась очень тяжелой. Николаю не давало покоя колющая боль в ушах, то в одном,

то в другом ухе стреляло. Пронзительный ветер дул в уши, добавляя и обостряя боль.

Вечерело. Николая охватила грусть. Идти ночью невозможно. Нужно останавливаться на ночлег, без спичек можно замерзнуть. Такие случаи в экспедиции уже были. Топограф вспомнил про свою одинокую мать, проживающую в деревне, про жену, которая находилась в декретном отпуске в ожидании девочки (по словам врачей). Навеяло предчувствие предстоящей ночи — голодные, мокрые, уставшие, в такой ситуации едва ли удастся выжить. Рабочие уселись на замшелое поваленное дерево, и идти дальше отказались наотрез. Бригадир тоже не мог передвигаться, но не поддавался расслаблению, не хотелось оставаться здесь навсегда, хотя наступали минуты безразличия и отчаяния. Николай решил пройти в распадок, где журчал ручей. Выйдя на склон, топограф увидел на небольшой полянке охотничью избушку. Николай от радости заорал на всю тайгу: «Парни, сюда, здесь охотничья изба, ура!».

Откуда-то появились силы, все бросились к избушке. По обе стороны, вдоль стен, были сооружены нары, на которых могли уместиться четыре человека, посередине стояла железная печурка. На полках нашлись спички, немного сухарей, упакованных в стеклянные банки, даже вермишель, сахар, чай, соль и рыболовные крючки с леской. В печке оказались дрова, то есть стоило зажечь спичку, и через несколько минут повеяло теплом. Во всех сибирских охотничьих избах поддерживается такой обычай. Николай знал все охотничьи избушки на своем объекте, все их нанес на новую создаваемую карту, а эту избу он не знал, так как она расположена за его пределами, на соседнем объекте. На печке стоял закопченный чайник, солдатский котелок, на полках алюминиевые миски, кружки и деревянные ложки.

Первый раз за целую неделю бригаде удалось поесть горячей пищи и отведать настоящего чая. Поужинав, скитальцы развесили свою одежду на просушку, здесь даже для этих целей имелись специальные вешала и были вбиты колья для просушки обуви. После такого трудного маршрута все быстро заснуло. Топограф долго переворачивался с боку на бок: болели уши, очевидно, сильно их застудил.

На второй день со свежими силами удалось быстро добраться до деревни. Закончился полевой сезон. Топограф Ступин всю зиму занимался лечением ушей. Врачам удалось в какой-то степени восстановить слух бывалому топографу, но не в полной мере. Тот полевой сезон на реке Вах Ступину стал роковым — лишился слуха. Врачи запретили заниматься полевыми работами, поэтому пришлось переключиться на камеральное

производство. Вначале Ступин занимался редактированием топографических карт, а затем возглавил редакторский отдел.

Каждый полевой сезон старший редактор Николай Антонович Ступин с большим удовольствием выезжал с контролем на проверку в полевые бригады, стараясь побывать в самых отдаленных экспедиционных подразделениях — это придавало ему сил и вдохновения до следующего года.

Пакостник

Александр Сафронович Борис более сорока лет проработал в Северо-Кавказском предприятии. В студенчестве Александра звали Борей, Борькой, Борисом (фамилия — Борис — ударение на первый слог). Впервые инженера стали называть правильно — Александром рабочие в полевой бригаде.

Первые годы Александру довелось работать на Чукотке. Ранней весной инженер с начальником отряда Г.Ф. Проценко развезли на оленьих упряжках продукты на несколько пунктов триангуляции. Продукты по описи укладывали в железные двухсотлитровые бочки, затем закрывали брезентом, потом накрывали железной крышкой, а сверху затягивали куском рубероида. Все это увязывали проволокой, чтобы не проникли в бочку какие-либо грызуны. Такие продуктовые бочки — лабазы оставляли у геодезических сигналов. Большинство вершин гор, на которых возведены сигналы в этих регионах, не покрыты лесом, геодезисты эти вершины называют «лысыми». Чтобы бочки не унесло ветром, а здесь они бывают штормовыми, бочки привязывали к сигналам.

Александр одно лето уже проработал в этих местах, поэтому имел небольшой опыт в организации полевых работ и хорошо усвоил, что май и июнь — это самый лучший период для топографо-геодезических измерений. Нет дымки и туманов, да и комары с мошкаркой еще не оттаяли. На южных склонах гор появились весенние проталины. Здесь, в Заполярье, дни становились очень длинными, ночи короткие и светлые. За первые две недели бригаде удалось осилить месячный объем работ.

Все парни в бригаде оказались отменными тружениками. Двое рабочих, помощник — студент, проходящий преддипломную практику из Львовского политехнического института — все трое рослые и сам Александр саженого роста, его в экспедиции нарекли именем Саша саженный. Работали без транспорта, пешком. Год назад бригадир работал на оленях, но испытал много проблем. Один олень поломал ногу, второй заболел, третьего задрал волк, несколько раз убегали, а двух так и не нашли после их очередной самоволки, поэтому на этот год инженер выбрал другой организационный метод работы. Бочка продуктов была рассчитана на две недели работы. В маршрут брали теодолит, спальные мешки, палатку и посуду.

Через две недели бригада поднялась на вершину горы, на которой находилась бочка с продуктами. К великому удивлению, бочки у сигнала не оказалось. Бригадир подумал, что пришли на другую гору. Здесь горы очень

однообразны и походят одна на другую. Подошел ближе к сигналу, на прикрепленной металлической табличке написано краской «Скалистый», охраняется государством. Александр убедился, что пришли правильно к сигналу под названием «Скалистый», затем инженер заметил веревку, которой была привязана бочка. Веревка оказалась не развязана, а разорвана. На сотни километров нет людей. Куда могла исчезнуть железная бочка, тем более, что на месте стоявшей бочки не было никаких признаков продуктов, только остатки веревки были подтверждением, что здесь была привязана бочка. Долгое время бригада находилась в раздумье. Продуктов с предыдущего лабаза оставалось дня на три, поэтому бригадир разработал новый маршрут с учетом, чтобы через четыре дня подняться на гору, на которой оставлена очередная бочка с продуктами.

Из-за недостаточного количества продуктов пришлось ускорить процессы топографо-геодезических работ, и через три дня поднялись на гору, где находились продукты. Бочка оказалась на месте, поэтому процесс обследования местности пошел по разработанному плану. Погодные условия позволяли быстрыми темпами осуществлять геодезические измерения, на некоторые близлежащие небольшие горы и возвышенности Александр стал отправлять рабочего со студентом для установки на вершине горы вешку. Через пару недель вновь возникла проблема: кто-то опять украл бочку с продуктами и никаких признаков не оставил. Такая система хищения продуктов становилась трагедией для бригады и не только из-за того, что приходилось коренным образом менять разработанную программу работ, но и наносился экономический ущерб, так как эти продукты числились в бригаде, и стоимость их вычитывалась из зарплаты. Долго пытались обнаружить какие-либо следы хищения, но никаких подозрительных вариантов обнаружить не удалось. Оснований на какие-либо предположения тоже не было.

Однажды, ранним утром, бригадир на пункте триангуляции выполнял измерения, вслух произносил отсчеты, а помощник записывал их в журнал. Вдруг наблюдатель на всю тундру заорал: «Медведь на бочке, медведь на бочке». В сорокакратное увеличение теодолита Александр увидел, как на соседней горе медведь находился на бочке с продуктами, которая была повалена и лежала около сигнала. Затем медведь покатила бочку к краю косогора, и бочка полетела с крутой горы вверх тормашками. Медведь последовал за летящей кубарем бочкой. Все четверо с ружьями отправились за четвероногим вором. Теперь всем стало ясно, кто своровал две бочки и взялся за третью. Медведя застигли на месте преступления, он раздавил банку со сгущенным молоком и, наслаждаясь, высасывал содержимое,

облизывая свои лапы. Топтыгин был так увлечен сладостным лакомством, что не заметил даже пришедших хозяев.

Прогремели два ружейных выстрела над головой медведя, он взревел и мигом умчался в лес. В медведя стрелять побоялись, знали, что если выстрелы окажутся не смертельными, а опыта ни у кого не было, то раненый бурый растерзает всех, хотя рабочие настаивали, но бригадир настоял на своем.

В этой бочке воришка успел съесть только сгущенку. Косолапый приспособился сталкивать бочки под откос, они летели до самого леса, затем в момент удара о стволы деревьев из них все содержимое вылетало, и здесь он начинал пировать. Все продукты были разбросаны среди стволов деревьев и густого кустарника. Некоторые крупы от сильного удара рассыпались, полопались брезентовые упаковочные мешочки. Почти все продукты этой бочки удалось собрать, хотя часть сухарей пришлось бросить. Насмерть перепуганный ружейными выстрелами медведь испортил одну упаковку с сухарями своим испражнением в момент сильного испуга. На этом эпопея с продуктовыми бочками закончилась.

Наступила осень, экспедиционные работы подходили к концу. Бригада Бориса, закончив полевой сезон, вышла на метеостанцию, которая находилась на высокой горе. Согласно договоренности с начальником экспедиции, на метеостанцию должен прилететь вертолет и вывезти бригаду на базу партии. Шли дожди, погода была нелетная, поэтому прилет винтокрылого задерживался. После постоянных маршрутов в осеннюю дождливую погоду и ночевок в холодной палатке, на метеостанции житье казалось райским. На метеостанции постоянно работал маленький движок, который вырабатывал электроэнергию, обеспечивая аппаратуру электричеством. Как-то раз начальник метеостанции попросил помочь ему — залить бензин в бак агрегата. Рабочие взяли флягу и заполнили ее горючим из бочки. Бочка с бензином стояла в сарае под замком. Рабочие удивились, что сарай был закрыт на замок, зная, что на сотни километров никаких жителей нет, от кого замыкать?

Метеоролог рассказал, что летом получил выговор и лишился премии за срыв работы станции в течение недели. А произошло все так. В движке закончился бензин, поэтому хозяин метеостанции забрал канистры и пошел наливать их из бочки, которая стояла на краю вертолетной площадки. Бочки с горючим не оказалось. Долго стоял тогда метеоролог в недоумении. Целую неделю метеостанция не работала. Прилетело начальство на вертолете, наказали метеоролога, потом привезли горючего, аккумуляторы для радиостанции, на случай отсутствия электричества. Начальник метеостанции высказал свою версию о пропавшем бензине.

Несколько дней назад он спускался вниз, в лес, там целый день рыбачил на реке, поймал три ведра рыбы. Предположение его, что в это время прилетал вертолет и забрал бочку с горючим для каких-то целей. С тех пор метеоролог горючее стал замыкать в сарае. Выслушав эту гипотезу, все члены бригады начали хохотать и рассказали, как у них исчезали бочки с продуктами одна за другой. Очевидно, тот медведь хорошо усвоил, что в бочках на вершинах гор для него приготовили сладости, поэтому и эту бочку решил сбросить с горы.

Чтобы этот домысел доказать или опровергнуть, все оделись и отправились на поиск бочки. В конце концов бочку нашли под горой в лесу, в ней оказалось еще полбочки горючего. С помощью канистр бензин перетаскали на гору. Значит, эта бочка разочаровала четвероногого.

Метеоролог попросил составить акт о том, что под горой, в лесу, обнаружена бочка с остатками бензина, которую сбросил медведь. Описали, как медведь уничтожил на горах две бочки с продуктами в экспедиции и был обнаружен при уничтожении продуктов третьей бочки.

Через несколько лет, работая главным инженером экспедиции, А.С. Борису пришлось на вертолете залететь на метеостанцию. Начальник метеостанции рассказал, что на основании того акта реабилитировали прежнюю незапятнанную репутацию метеоролога, привезли ему на станцию боевой пятизарядный карабин, а охотники на вертолете выследили того медведя и застрелили, так как он начал часто посещать метеостанцию и стал причинять разные пакости.

Запутанная биография

Заслуженный работник геодезии и картографии Борис Борисович Сахаров много лет проработал начальником партии в Заполярье. Один год его партия базировалась на живописном озере Агата, которое расположено в 300 км на восток от города Игарки. Никаких населенных пунктов нет на многие сотни километров. Полевой сезон закончился, осталась одна бригада, всего на базе оставалось семь человек. Базу подготовили на консервацию до весны. Из-за плохой погоды вертолет не прилетал, изо дня в день вылет откладывался. Сахаров с радистом Петром Широковым решили на моторной лодке съездить на противоположный берег озера, где месяц назад высадились рыболовецкая бригада с Игарского рыбзавода. В первые дни Широков ездил один раз на моторной лодке, познакомился, у бригады было настроение ловить рыбу всю зиму, им даже завезли соли для засолки рыбы на всю зиму. Петр посмеялся над рыбаками и сказал, что рыбы в озере очень мало, но профессионалы упрекнули его и объяснили, что он не умеет ловить, поэтому решили навестить рыбаков, тем более делать было нечего. С ними увязался поехать рабочий Иван Емельянов. Оказалось, что рыбы они наловили уже много. Рабочий Иван договорился остаться у них на зиму работать, тем более у них двое заболели и улетели в Игарку. Сахаров даже разрешил Ивану воспользоваться лодкой, на которой был установлен мощный мотор «Вихрь», но после того, как отправит в Игарку всех и законсервирует базу партии, а весной вновь пойдет работать в экспедицию, он все лето проработал помощником в бригаде по строительству пунктов триангуляции.

На работу Ивана принял Сахаров в Игарке в мае и когда выяснил, что Иван столяр-краснодеревщик, сразу зачислил его в строительную бригаду. В бригаде Емельянов работал лучше всех, а когда заболел бригадир, то Ивану пришлось возглавить бригаду. Принимая отстроенные сигналы, Сахаров сказал: «Иван, на следующий год будешь бригадиром на постройке сигналов». Для Ивана эта фраза была лучшей оценкой его работы по возведению пунктов триангуляции.

Восемнадцать дней Сахаров с оставшимися людьми находился на Агате в ожидании вертолета. В конце концов все улетели. Иван за два дня законсервировал базу партии и уехал работать на зиму к рыбакам.

Прошло полгода. В конце марта заведующий перевалочной экспедиционной базой в Игарке П.В. Огородников полетел на самолете Ан-2 в лыжном варианте на озеро Тембенчи для осмотра места выгрузки бочек с

бензином. Предстояло в весенний период на самолетах завезти на каждую базу партии по сто двухсотлитровых бочек бензина для заправки вертолетов в летний период. Руководство экспедиции предписало заброску горючего начать с самой дальней партии. В самолете находились радист Михаил Гигиняк и четверо рабочих, которые должны остаться на озере Тембенчи для разгрузки и приема бочек с горючим. База партии находилась более 400 км от Игарки, поэтому самолет в день мог сделать один рейс, обычно каждое утро улетало по четыре-пять «Аннушек», такая работа по доставке бензина на базы партии осуществлялась каждый год.

Пролетая над Агатской базой партии, Огородников заметил, что из трубы валит дым, расчищена дорожка на озеро, на котором виднелась прорубь. Сразу возник вопрос, кто там мог жить? База считалась законсервированной уже полгода с большим количеством экспедиционного имущества и продуктами. Прийти сюда за триста километров никто не сможет, тем более глубина снега в этих местах более двух метров. Огородников пошел к экипажу и показал на загадочное явление. Самолет сделал несколько кругов в воздухе. Из дома выскочил обросший человек в шубе и начал приветливо махать руками.

Самолет сбросил высоту и сел на заснеженное озеро. Долго катившись на широченных лыжах, он остановился недалеко от проруби, у расчищенной дорожки. Огородников узнал обросшего Ивана, удивился, что он здесь живет. Завбазой знал, что Иван перешел работать на зиму к рыбакам.

Произошло все так. После отъезда Сахарова Иван на лодке поехал к рыбакам, а они накануне все уехали куда-то на другое озеро, здесь на Агате, действительно, в озере была только щука, которая уничтожала все сиговые породы рыб, а щуку вывозить в Игарку не рентабельно для рыбзавода, поэтому рыбацкую бригаду перебросили на другое озеро. На берегу осталось много завезенной соли, Иван забрал один бочонок соли и возвратился на базу. Долго Иван находился в раздумье, как одному выжить, перезимовать, остаться живым в этих суровых условиях. Вырос Иван в деревне, поэтому быстро втянулся в таежный образ жизни. Для себя отшельник поставил задачу: пока не замерзло озеро, ловить и ловить: рыбу нужно заготовить на всю зиму, а вторая задача — заготавливать дрова на зиму до выпадения большого снега и до наступления трескучих морозов.

На складе оставались некоторые продукты. Иван вытащил из склада Сахаровские рыболовецкие сети и установил их на озере. Утром проверял сети, выбирал из них рыбу, в основном попадала щука, иногда запутывались утки. Рыбу Иван разделял и солил во фляги, а как наступили морозы, стал щук замораживать. Днем Иван занимался заготовкой дров. Дом большой, поэтому дров на зиму нужно было заготовить очень много.

Как-то раз летом Иван, находясь на базе партии, смастерил Сахарову изящную табуретку, тогда начальник партии в шуточной форме сказал: «Иван, ты говоришь, у тебя нет дома и никто тебя не ждет, остался бы здесь на зиму и отстрогал бы бревна стен, а то живем и работаем, как в конюшне, а я тебе за это бы заплатил». Иван всю зиму занимался этой работой.

Огородников зашел в контору и ахнул от восхищения. Строганные бревна стен излучали своей сочной желтизной свет с изумрудным оттенком, превратив контору в дворцовую обитель. На полу лежала огромная волчья шкура. Иван поведал, как в январе, во время святок, расчищал ломом на озере прорубь, чтобы набрать в ведра воды. Неожиданно в темноте набросился волк. В январе дни были темные, рассвет не наступал совсем. Морозы стояли очень сильные. Единоборство с волком длилось очень долго. В сумрачной темноте удалось всё-таки Ивану изловчиться и нанести ломом удар по голове. Зимовщик показал Огородникову изуродованные волком пальцы рук и шрамы на лице, закрытые отросшими волосами. Иван объяснил, что остатки продуктов закончились на складе, выручил волк, его мясом питался три месяца. Зимние полярные дни были темные, поэтому стены Иван строгал при освещении керосиновой лампы. Для Ивана эта зима была бесконечно длинной. После схватки с волком наступали минуты отчаяния, гноились изодранные раны, кровоточили искусанные руки, слишком долго болячки действовали удручающе, но появились дневные просветы, затем стало показываться солнце, и настроение начало подниматься в ожидании летней экспедиционной жизни. Иван ждал приезда начальника партии и мечтал о начале полевых работ.

Вскоре на базу партии прилетел радист, затем съехались бригады, и наступил разгар полевых работ. Все лето Иван работал бригадиром, отстроил много знаков. На этот раз Ивану выделили место в общежитии в экспедиции, но вскоре он познакомился с женщиной из камерального производства, которая воспитывала девочку, и Иван ушел жить к ней. Зимой Емельянова отправили на курсы в Новосибирск, по окончании их он получил свидетельство о присвоении ему квалификации младшего техника-строителя геодезических знаков.

Прошло несколько лет. Однажды в зимний период Емельянову передали из отдела кадров повестку, где его приглашали в милицию. Я в то время работал начальником экспедиции, обычно подолгу задерживался на работе после рабочего дня. В один из таких вечером, постучав в дверь, зашел Емельянов. По натуре он очень застенчивый и стеснительный, никогда не вступал в споры, никто не знал о его прошлой жизни, хотя ему было под сорок лет. Зарекомендовал себя как самый лучший строитель геодезических сигналов в экспедиции.

На его лице была озабоченность, с тех пор как волк изуродовал ему лицо, Иван не сбривал бороду, но содержал ее в приличном состоянии. Какое-то мгновение Иван находился в раздумье, потупив голову, начал рассказывать запутанную историю своей биографии. Нам потребовалось два часа для выяснения тонкостей его сложной жизненной судьбы.

Родился Иван в небольшой сибирской деревне, расположенной недалеко от г. Мариинска. Родились они сразу два брата — близнецы, первого нарекли Романом и стали именовать старшим, а второго назвали Иваном. На лицо различить близнецов было очень трудно, но характеры у них были разные. Роман бойкий, а Иван степенный, старался находиться за старшим братом. Так и росли. Роман выучился на шофера и стал работать водителем на грузовой машине, рано женился, появились дети: одна дочь, через два года — вторая. Иван пошел по стопам отца: работал столяром, женился, родился у них мальчик. Отец с матерью у близнецов умерли, поэтому большой деревенский дом братья разделили на две половины. Жили очень дружно. После родов жена Ивана стала болеть, он возил ее по больницам, долго она находилась на лечении в Новосибирске, а маленький сын в этот период жил в семье у Романа. Сыну не исполнилось и года, как овдовел Иван. Иван дружил со своей будущей женой еще в школе, сильно ее любил, затем она уехала учиться в техникум, и после окончания они поженились. Он не знал, как ему дальше жить с маленьким сыном. Начал попивать с горя, стал замкнутым. Уединялся ото всех.

В этот период с Романом случилась беда. Осенью он возил с поля картофель в овощехранилище. Однажды подавал задом машину к воротам склада, в это время работница склада пыталась пробежать у ворот, попала под борт груженной машины и погибла. Романа отстранили от работы водителя, и начался многомесячный судебный процесс. Оба брата находились в трагическом состоянии. Иван всегда отличался своим разумным мышлением, мог предложить при любой ситуации, даже самой сложной, выход из положения. Так и на этот раз Иван предложил поменяться паспортами, объяснив, что в ближайшие годы он жениться не будет, поэтому на пять лет уйдет в тюрьму, такой срок пообещали судьи, а Роман останется на свободе и будет воспитывать с женой троих детей. Несколько дней старший брат отказывался. Перед заключительным судом Иван зашел к старшему брату, надел его клетчатую рубашку, немного подправил прическу, собрал свои скудные пожитки в котомку, поцеловал сына, поменялись близнецы паспортам, и Иван под именем Романа отправился в судебные апартаменты.

В мае заключенного Романа вместе с сотней других осужденных повезли на север пароходом по Енисею до Дудинки, а далее поездом в

Норильск на строительные работы в лагерь заключенных. Перед Игаркой сосед близнеца сетовал, что в Игарке в экспедиции работает его брат и зарабатывает большие деньги, мечтал попасть к нему на работу. В Игарке по каким-то причинам пароход с заключенными стоял несколько дней. Стражники расслабились, да и бежать было некуда.

В Игарке Роман сбежал. Расспросил у местных жителей местонахождение экспедиции и стал пробираться в старый город. Проходя мимо ресторана «Полярник», увидел валявшийся бумажник, положил его в карман и быстро направился за двухэтажные дома. Спрятавшись за дом, начал смотреть бумажник, он был открытый, денег не было, возможно, кто-то забрал деньги и выбросил. В бумажнике находился паспорт на имя Емельянова Ивана Ивановича, водительские права и какие-то справки. Роман забрал паспорт и с тех пор стал вновь Иваном, но фамилия стала Емельянов, а не Григорьев. Бумажник Иван положил на крыльцо двухэтажного жилого дома и ушел с этим паспортом в экспедицию. По великому совпадению Сахаров отправлял бригаду на озеро Агата, а двух рабочих не хватало, поэтому Ивану повезло, его забрали на вертолет, и он улетел работать в бригаду — строить геодезические знаки.

За долгие годы работы в экспедиции мне многие людские судьбы приходилось расплетать, но с этой запутанной биографией не знал, что делать? Иван ждал помощи. Он рассказал, что когда учился на курсах в Новосибирске, съездил в свою деревню. Издалека видел сына, брата, но подходить к ним не стал, не хотел беречь сердечные раны. Иногда Иван посылал деньги на имя брата. Первые годы, работая в экспедиции, когда не было семьи, Иван отправлял большие суммы денег после окончания каждого полевого сезона.

В экспедиции работал юрисконсульт Иван Михайлович Рыбасов — опытнейший юрист, поэтому я пригласил его, и Емельянов рассказал ему о своей запутанной биографии. Рыбасов сделал официальные запросы, много погрешностей юристу удалось отодвинуть в графу за давностью лет. Из Норильска пришло сообщение из лагеря заключенных, что Григорьев Роман умер на этапе. Целый год юрисконсульт занимался распутыванием биографии Ивана. В конце концов, удалось Ивану восстановить его истинную фамилию без каких-либо наказаний.

Медвежья землянка

Когда я работал в Саянах начальником партии, ко мне направили на преддипломную практику четырех студенток из МГУ им Ломоносова с географического факультета. Будущие картографы настаивали, чтобы поработать им самостоятельно, хотя продолжительность практики всего полтора месяца. Главный инженер экспедиции С.Д. Любимый прислал мне предписание — выдать практиканткам объем работ для самостоятельного дешифрирования. Девчонки все рослые, только одна небольшого роста, но она имела свое ружье, разрешение на него, занималась по ее словам в какой-то стрелковой секции. Я подобрал аэрофотоснимки на одну трапецию для дешифрирования и предложил им в качестве студенческой бригады заняться этим процессом. Студентки обрадовались и начали собираться в тайгу.

Партия была расположена в селе Верхние Гутары, я пытался придать студенткам одного рабочего из числа местных жителей, но местные мужики отказались варить обеды девушкам и готовить им ужины и завтраки. Они согласны копать, строить знаки, ходить в маршруты с грузом, но женской работой (как тофы выражались) они заниматься не умеют. У знакомого охотника Ильи Саганова я выпросил собаку и отдал ее в студенческую бригаду.

Практиканткам я предложил такой план работы. Первые три дня ухажу с ними в тайгу, в самый дальний маршрут, затем две недели они работают с ночевками в деревне, дешифрируя поблизости, а потом будут обследовать местность поодаль от деревни и ночевать им предстоит на оленеводческих стойбищах. Летом там никого нет, но всё-таки обжиты места, хоть в какой-то степени. Девушки визжали от восторга, начали собираться в маршрут. Всю работу предстояло им осуществлять пешком. В маршрут я взял в рюкзак две палатки — одноместную, четырехместную и спальный мешок. Продукты, посуду и все остальное должны взять девушки. Я пытался посмотреть список необходимого груза, который они составили, но студентки с гонором отнеслись к этому, упрекнув меня в зажиме их самостоятельности, пояснив, что год назад они ходили в маршруты на геоморфологическую практику, хотя это было не в тайге.

Утром рано отправились в маршрут, первый день предстояло идти весь день по берегу реки, а во второй день намечено дешифрирование. День был жаркий, вначале от деревни шли по тропе, которая извивалась по крутой кромке горной речки, но вскоре тропа стала теряться, а к обеду исчезла совсем. Обед устроили на берегу речки. Решили перекусить, чтобы успеть

засветло добраться до места работы, а вечером заняться горячим ужином. Девушки обливались потом, я понял, что после городской московской жизни им идти очень трудно, тем более они никогда не надевали кирзовых сапог, а здесь нужно было идти в них, перешагивая упавшие деревья, иногда утопая во мху, заплетаясь в зарослях кустарника. Я убедился, что темп ходьбы нужно снизить, хотя шли гораздо медленнее, чем в обычных экспедиционных маршрутах.

Вскрыли консервные банки, нарезали хлеб и приступили к трапезе. Я зачерпнул кружку горной воды из речки и начал запивать, девушки вытаращили глаза и стали отговаривать меня пить некипяченую воду. Долго пришлось убеждать спутниц о свойствах горной таежной воды. Меня удивило, что каждая из них тащила в рюкзаке полный термос чая, я предложил вылить остатки, освободиться от излишнего груза, а вечером чай можно вскипятить из родниковой воды. Во второй половине дня продвигаться стали еще медленнее, девушек разморило после горячего чая, они сбавили темп, часто начали останавливаться на отдых, становились молчаливыми, исчезла всякая спесь.

К намеченному озеру пришли поздно. Я начал устанавливать палатки, а девушкам предстояло готовить ужин. И здесь выяснилось, что они не взяли ведро, топор, но зато прихватили вилки, тарелки, по два полотенца каждая, по куску мыла, по две пары тапочек, книги и многое другое. Перед ужином искупались в холодном озере и сразу все взбодрились. После горячей похлебки и крепкого чая уселись вокруг костра и долго пели студенческие песни. Потом, вспомнив про спальные мешки, поспешили в них залезть — это ведь тоже в первый раз — спать в мешке. Немного похихикали и быстро угомонились после трудного таежного перехода.

Утром, после завтрака, начали заниматься дешифрированием. Много времени затратили на обследование реки. Измерили скорость течения, ширину, глубину, определили характер дна, измерили высоту скальных берегов, на противоположном берегу промерили песчаную полосу. В лесу занялись измерением высоты деревьев, диаметра стволов, замерили расстояние между деревьями, определили породу леса, в данном месте весь лесной массив состоял из кедра. Вокруг озера отдешифрировали тропу, отыскивали в лесу избушку охотничью. Я рассказал и показал сохранившиеся у таежников обычаи: на полках в избушке лежали спички, соль, в баночках понемногу продукты питания, в печке приготовленные сухие дрова. Они решили ночевать в этой экзотической таежной избушке. Затем сходили отдешифрировали водопад на реке, имеющиеся пороги, отметили, обнаружили сухое русло, отыскивали в зарослях родник.

В этот вечер ужин был царский, наша Ирина, специалист стрелковых дел, подтвердила спортивно-стрелковое мастерство, застрелив на озере двух уток, а собака вытащила их из воды на берег. Девушки фотографировали все моменты таежного образа жизни и, конечно, все процессы измерительных работ при дешифрировании, им это все нужно было для написания отчетов о производственной практике. Постепенно студентки втянулись в работу, постигли все особенности таежной жизни, полтора месяца прошли очень быстро. Последний трехдневный маршрут на заброшенное оленеводческое стойбище испортил практиканткам настроение.

Дешифрирование на стойбище закончили, увязали спальные мешки, начали снимать палатку. В это время на поляну выскочила из зарослей их любимая собака с раздражающим лаем и визгом, за ней следовала свора волков с раскрытыми зубастыми пастьями. Окровавленная собака мчалась к палатке. Разъяренная стая приближалась к студенткам, оставалось метров сто.

Ирина схватила свое ружье и начала целиться в скачущую свору волков. В сегменте прицела все мелькало, прыгало. Прогремел выстрел, второй, волки развернулись и мигом исчезли в лесных зарослях. На густой траве, судорожно дергаясь, распласталась застреленная любимая собака. Долго студентки горевали, затем с почестями ее похоронили на крутом берегу речки.

Закончилась практика, вертолет вывез девушек из тайги, и они уехали в Москву. Все материалы по дешифрированию я проверил и отправил в экспедицию на дальнейшую обработку, по этим материалам в камеральном производстве готовили новую топографическую карту многоцелевого назначения.

Полевые работы закончились, все бригады отправлены в экспедицию. Мне оставалось оформить некоторые документы в сельсовете, поэтому я находился в ожидании председателя сельсовета, который задерживался в Иркутске. В это время мне приходит радиограмма из экспедиции от главного инженера, который настоятельно требовал выяснить на местности отдешифрированную студентками избушку в тайге, которую они подписали «медвежья землянка», а нарисовали ее на фотосхеме условным знаком охотничьей избы. Мне очень не хотелось идти в тайгу, тем более уже припорошил снег, но в то же время я обвинял себя, что, принимая материалы, не обратил внимания на эту странную запись. Мы часто наносим на карту избы в тайге фамильные, например: изба Лыковых, изба Иконниковых и т.д., которые принадлежали конкретным людям, и об этом знали в ближайших селениях и в сельсовете. Назвать избу медвежьей

землянкой — такого у нас не было. Я в первую очередь пошел к охотнику Илье Саганову, но он в этом урочище не бывал.

Мне удалось уговорить Саганова обследовать эту землянку. Отправились мы с ним вдвоем. К моему удивлению, он не взял собак, объяснив, что сейчас рано убивать соболей, белок, их шкурки еще не принимают, а медведя тоже нельзя сейчас трогать, он еще не впал в дремоту, можно спугнуть, и он превратится в опасного шатуна. Идти по тайге, которая погружается в зимнюю снежную спячку, не очень приятно. С ветвей деревьев сыплется снег за шиворот, вся одежда становится влажной. Такой период, когда в валенках идти сыро, а кирзовые сапоги промокают, и мокрые ноги, хлюпая в разбухших сапогах, постоянно мерзнут.

Тропа, проложенная по берегу реки, была хорошо протоптана, поэтому шли быстро. Через речку брести не пришлось, крупнейшее дерево, упавшее поперек реки, служило хорошим переходным мостиком через горную речку. Пересекая маленький ручей, впадающий в реку, обнаружили, что он перегорожен тальниковым забором. Вокруг валялись тухлые хариусы. Илья разломал изгородь, проклиная тех людей, которые ее сделали. Саганов продолжал: «Сволочи, если даже перегородили речку, набрали рыбы, но, уходя-то из тайги, нужно разгородить, ведь рыба гибнет, ни себе, ни людям».

Землянка оказалась очень древней, она была сооружена на крутом склоне, в густых зарослях. Илья указательный палец приложил поперек своих губ и жестами руки стал показывать мне на то, чтобы я срочно уходил назад, он тоже осторожно стал спускаться к речке. Мне удалось рассмотреть, что проем входа в землянку был замурован густыми ветвями и сучьями. Охотник объяснил мне, что медведь облюбовал очень хорошее место для берлоги.

Мы потихоньку, незаметно постарались исчезнуть незамеченными. На следующий год Саганов мне поведал, что зимой он с несколькими охотниками и с собаками застрелил в той землянке медведя, он оказался невероятно больших размеров, очень старый и по охотничьим соображениям перезимовал в этой землянке не один десяток лет.

Нивелир в берлоге

Начальник экспедиции О.А. Дроздов вручил мне тревожную радиограмму с текстом: «В медвежьей берлоге, за перевалом, найден нивелир». Я с прочитанной шифровкой направился на радиостанцию, начальник радиостанции В.Г. Бархатов мне сообщил, что радист азбукой Морзе передал этот текст и отключился, следующий сеанс радиосвязи будет завтра, в десять часов утра. Я, расстроившись, разыскал шофера и сообщил ему, что завтра, в шесть часов утра, выезжаем на базу партии. Базу партии мне удалось разместить в центре объекта работ, в 400 километрах от экспедиции, в старинном селе Верхне-Усинском, расположенном в предгорьях Саянских хребтов. Дорога туда очень сложная, проходит через Саянские хребты, на перевале, даже в жаркий летний период проезжаешь в окружении снежных массивов. Обычно это расстояние до базы партии удается проехать за десять-двенадцать часов. Дорога узкая, обогнать впереди идущую машину приходится только на заправочных станциях и в деревнях, а их здесь всего шесть. Дорога на преодоление Саян проложена в виде зигзагообразных петель, которых здесь насчитывается восемнадцать.

Тракт называется Усинским, так как проложен по берегу реки Ус. По нему в Туву и в Монголию доставляются грузы на автомашинах. Днем и ночью по этой дороге медленно продвигаются грузовые машины с прицепами, длинные бензовозы. Зачастую моторы перегреваются, и тогда тяжеловозы останавливаются, прижавшись вплотную к отвесным скалам, пропуская своих собратьев. Проезжая часть дороги засыпана мелкой щебенкой. В осенне-весенний период трасса становится обледеневшей, и весь транспорт стоит сутками, а иногда неделями.

К обеду мы на своей автомашине ГАЗ-51 добрались до вершины перевала, а от деревушки Оленья Речка начинался спуск. Все повороты этого зигзагообразного спуска установлены памятниками трагически погибшим водителям, которые не справились с управлением, не рассчитали и не учли крутизну спуска, который здесь, в горах, кажется обманчиво пологим. Саянские хребты очень коварные. Каждый год здесь гибнут люди по разным причинам. На трассе добавился новый памятник — погиб губернатор Красноярского края Александр Лебедь.

Проехав станции Буйба, Арадан, Медвежья, мы выехали на равнинную дорогу, но она очень узкая, с одной стороны трассы отвесная скалистая стена, с другой глубоченный обрыв в пропасть к реке Ус. Многие десятки километров дорога проходит над пропастью.

От деревни Иджим наша дорога отвернула от магистрального Усинского тракта и устремилась по раздольной долине в сторону Енисея. Мы подъехали к селу Верхне-Усинское. Два года назад администрация села выделила нам под базу партии старое здание бывшего клуба, в котором в последние годы размещались разные организации, перегородив помещение на маленькие комнаты. В этом здании мы жили и работали. В период моего отъезда ответственным оставался завхозом А.А. Рамазин, он жил здесь с женой и дочерью. В маленькой комнате размещалась радиостанция, рядом отведено большое помещение для камеральных работ. Достоинство базы было в том, что имелся большой двор, вмещающий несколько автомашин, и две конюшни, в которых размещалось до двадцати лошадей.

Приехав на базу партии, я направился на радиостанцию. Радист объяснил, что получил сообщение с радиостанции Усть-Золотая, в которой написано, что найден инструмент в берлоге, по описаниям, предположительно, это нивелир. Я попросил кладовщика выписать номера нивелиров, выданных в бригады, а сам стал в памяти восстанавливать, у кого в бригадах имеются нивелиры. Сразу исключил из списка две бригады, работающие на автомашинах в Туве, они к тайге не имели отношения. Из списка удалена бригада Валентины Верхозиной, которая занималась дешифрированием на лошади в обжитых местах Тувы, у нее вообще нет инструментов. За пределами списка остались две бригады, работающие на высокогорных массивах, занимаясь триангуляционными измерениями в противоположной стороне от Усть-Золотой. Осталось три бригады, которые выполняли топографические работы на вьючных лошадях в той зоне, имеющие теодолиты и нивелиры.

Мне удалось договориться с местным охотником Иваном Крапивиним, и мы вдвоем верхом на лошадях отправились в Усть-Золотую — это маленькая таежная деревушка, состоящая из нескольких домов, добраться туда можно только по тропе длиной в пятьдесят километров. Озабоченность текста радиограммы подталкивала ускорить поездку, даже не дожидаясь утра. Первые двенадцать километров ехали быстро по тележной дороге до деревни Терёшкино, а далее проложена тропа по берегу реки Ус до самой Усть-Золотой. В пути пришлось заночевать. Иван спустился к реке, поймал несколько штук хариусов на уху, а я, спутав лошадей, занялся костром. Мысль о возможной гибели наших людей не давала покоя.

Тот год в Саянах был какой-то особенный, зарегистрировано было много случаев нападения медведей на людей и на домашних животных. В Нижне-Усинском медведь задрал корову, старожилы подобных случаев вообще не припоминали, предполагая, что эти медведи пришлые, где-то в других регионах они испытывали голод. Некоторые старцы увязывали

нашествие медведей со строительством Саяно-Шушенской ГЭС. В поселке Субботино медведь задрал пастуха, а в деревне Усть-Ус медведи напали на нашу бригаду, которую возглавлял Николай Пшеничников, но этот случай местные жители увязывают с брачным периодом хозяев тайги, подобные случаи замечались и раньше.

Тот случай произошел в таких обстоятельствах. Николай прокладывал нивелирный ход по берегу реки Енисей в нескольких километрах от поселка Усть-Ус. Неожиданно около заднего реечника появились три медведя. Расстояние от рабочего до бригадира было семьдесят метров. Реечник бросил рейку и с раздирающим криком побежал к топографу. Николай, отведя прищуренный глаз от нивелира, увидел страшную картину. Оравший рабочий мчался к бригадиру, перепрыгивая срубленные пеньки, кусты, мгновенно приближаясь к бригадиру, за ним вплотную следовали три огромных медведя. Медведь, настигая рабочего, рывкнул. В это время топограф сдернул с плеча карабин и выстрелил вверх над приближающимся коричневым караваном. Медведи приостановились, сделали разрыв между медведем и рабочим, и тогда Николай стал давить и давить на спуск винтовки, целясь во впереди бежавшего топтыгина. Медведь в семи метрах от бригадира рухнул, распластавшись, изрыгая рев и кровь, остальные медведи развернулись и мгновенно скрылись в густых зарослях. После этого рабочий категорически отказался работать, уволился, а Пшеничников несколько дней был в каком-то шоковом состоянии. Пшеничников и сейчас находился со своей бригадой в зоне, где обнаружена берлога с нивелиром.

В Усть-Золотой мы встретились с местным жителем Сергеем Ооржаком, который обнаружил инструмент в тайге и рассказал нам подробности находки. Сергей — профессиональный охотник, тридцать лет занимался этим промыслом. В зимний период, начиная с октября, уходит в свое урочище и отстреливает там соболей и белок. В этом огромном урочище, состоящем из кедров, у охотника выстроены две избушки на разных речках. Летом Ооржак готовит там ловушки, петли, капканы. Самый лучший метод промысла на соболей, по словам охотника — это ловушки, которые он делает сам. Устройство простое, выглядит как упавшая заглавная буква «А», две толстые доски длиной около метра соединены с одного конца ремнями в виде шарнира. Между этими плашками делает приспособление, подобное капкану, и помещает туда приманку. Таких ловушек охотник изготавливает летом десятка два — три. Преимущество таких ловушек в том, что не портится мех драгоценного зверька.

На днях Сергей возвращался с урочища домой. Проходил мимо берлоги, всегда старался дальше обходить медвежий дом, хотя знал, что летом он пустует. Эту берлогу охотник знал уже тридцать лет, она

располагалась под корневищем огромного упавшего дерева. Рядом с этим деревом лежало наклоненное еще одно дерево, но оно гораздо меньше, и на этом дереве Сергей увидел соболя крупных размеров. Тогда охотник решил осмотреть дерево, чтобы зимой установить ловушку. Проходя рядом с берлогой, обратил внимание на блестящий предмет в берлоге. Подошел, взял в руки. Оказалась железка, треугольной формы, а к ней прикреплена труба величиной с пол-литровую бутылку. Подержал в руках в раздумье — пригодится ли в домашнем хозяйстве? И положил на прежнее место, решив, что не стоит тащить такую тяжесть. Урочище находится далеко от Усть-Золотой, охотник добирается туда обычно пешком по тропе два дня. Для ночлега у Сергея имеется на полпути избушка.

Я договорился с охотником поехать в урочище на наших лошадях, а Крапивина оставил в деревне. Тувинец очень обрадовался, учитывая, что можно завезти туда груз, а обычно он пешком уносил, сколько мог поднять. За тридцать лет охотник натоптал в урочище хорошую тропу, поэтому ехали очень быстро. Меня одолевала забота, чей это нивелир из трех бригад, все номера я переписал, а главное, как нивелир попал в берлогу? В голову лезли разные мысли, догадки, предположения, учитывая нашествие медведей. Тревожило то обстоятельство, что от Пшеничникова прибежала лошадь на базу партии. Все эти обстоятельства не давали покоя даже ночью. Несколько дней я не мог уснуть.

К берлоге подъехали поздно. Сергей ползком, на карачках, залез в берлогу. Берлога выглядела, словно гигантская раскрытая звериная пасть. Сверху космами свешивались длинные корни со сгустками земли, мха, остатками веток. Ооржак вылез на четвереньках, держа в руке инструмент. У меня на душе сразу стало легко. Нивелир был старого образца, у нас такими уже давно не пользовались, мне не приходилось даже держать в руках такой инструмент. Я объяснил тувинцу, что этот инструмент не наш, что он очень старый, остается загадка — как он сюда попал?

Узкие глаза тувинца сощурились еще сильнее, он ухватился обеими ладонями за лицо и, вспоминая, начал рассказывать. «Прошло приблизительно тридцать лет, в то время здесь добывали золото. Однажды приехал землемер со своим отрядом, и все лето они мерили землю. Как-то раз землемер со своим помощником остались на измерительной точке, а рабочих отправили к речке, в палатки. В это время появился медведь, помощник убежал, а землемера он загрыз. Вскоре с ружьями прибежали рабочие, но землемера нашли мертвым, заваленного кустами и ветками. На следующий день людоеда застрелили. Оказалось, что кто-то из золотоискателей застрелил медвежат накануне, вот медведица и решила мстить за своих малышей. Нивелир, очевидно, хранился здесь с тех времен.

Поколение медведей сменилось, а инструмент так и остался лежать в углу берлоги. Вскоре золото в этих местах иссякло, люди постепенно уходили. Теперь золота в этих местах нет, и никто про золото не вспоминает».

Я забрал искореженный нивелир и сдал его в Минусинский краеведческий музей директору Владимиру Ковалёву как экспонат с редчайшей трагической историей.

Суеверие

Топограф Яков Михайлович Чернов начал заниматься своей трудовой деятельностью в горах Кузнецкого Алатау. В последующем он будет работать начальником партии, затем начальником экспедиции, которую когда-то возглавлял знаменитый писатель-геодезист Григорий Анисимович Федосеев. За большие заслуги Я.М. Чернову будет присвоено почетное звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации». Работая бригадиром, Чернов всегда считал, что в первые годы происходит формирование производственника, и впоследствии придавал большое значение начальному периоду работы молодых специалистов.

Первый экспедиционный сезон у Яши начинался очень сложно. Начальник отряда В.С. Рябов, опытный руководитель, два первых дня пробыл у Чернова на берегу озера Чёрное. Топограф, трое рабочих и студент под наблюдением начальника отряда прошли двухдневный курс-обучение на рабочем месте.

Далее у Чернова началась черная полоса, начиная с черных наименований. С озера Чёрного сбежала лошадь, осталось в бригаде пять лошадей. Через две недели переправлялись на лошадях через речку Черный Июс — утонул рабочий у всей бригады на глазах. Все пять человек переплывали речку в седлах, на лошадях с одного берега на другой. Ехавший на последней лошади рабочий Иннокентий неожиданно исчез. Никаких даже криков не было. Все выехали на берег, и его лошадь вышла на берег со всеми вместе. Долго искали, затем приехала комиссия, все писали объяснительные. Приказом топографу объявили строгий выговор. Позже труп нашли местные жители ниже по реке Чёрный Июс в пяти километрах.

Прошло три недели. Работали на реке Чёрная. Однажды ночью сбежали все пять лошадей. Знали, что лошади убежали в колхоз, в котором их арендовали, но решили за ними не ехать, а выполнять работу пешком. Седла и все лишнее имущество оставили в деревне Секта. Оставшийся полевой сезон бригада работала без лошадей, выполняя комплекс топографических работ на вершинах гор Алатау. Полевой сезон пришлось заканчивать глубокой осенью, когда выпал снег и уже прихватывали приличные морозы.

На соседних хребтах работал инженер Петр Сапожников, очень грамотный специалист. Он окончил Семипалатинский топографический техникум с отличием, затем Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Из отряда поступило сообщение, что Сапожников заболел, находится в тяжелом состоянии, его необходимо

вынести с гор. Чернов по снегу со своей бригадой стал пробираться на соседние хребты. Снежная пурга сдерживала движение, на оголенных вершинах гор свирепствовал ураганный ветер, рабочие отказывались идти, но топограф воодушевлял всех, освобождая их от груза, навешивая рюкзаки на свою спину и широкие плечи. К вечеру добрались до палатки, которая была установлена недалеко от геодезического сигнала. Положение было критическим. Студентка, надев все свои вещи, плакала, рабочий забился в спальный мешок в одежде, дрожал от холода, бледный инженер лежал поверх спального мешка без сознания, у него была очень высокая температура, его забивал кашель. Оказывается, что Сапожников уже несколько дней находился без сознания, иногда бредил.

Перед морозами и снегопадом прошел сильный дождь, Петр успел перед непогодой проделать все измерительные работы на знаке. Рабочий занимался костром и приготовлением еды. Перед дождем рабочий забыл вечером у костра спички. Утром костер разжечь было нечем, коробок со спичками был мокрым. Петру нужно было снять редукцию и завершить на сигнале кое-какие мелочи, работу он закончил и, соответственно, промок. Пошел снег, наступили морозы. У Сапожникова поднялась температура, собрались спускаться с гор, но не успели, инженер потерял сознание, стал бредить. Несколько дней был в таком состоянии. Прозябшие от холода, без костра и без горячего чая рабочий и студентка находились в состоянии безысходности. Инженер в сознание не приходил. Делали попытки нести бригадира на спальном мешке, но не смогли даже вытащить из палатки, хотя Сапожников небольшого роста и щупленький.

Рабочие Чернова разожгли костер, вскипятили чай и начали поить теплым чаем больного, приготовили ужин, накормили отчаявшихся студентку и рабочего. Затем соорудили носилки и утром с рассветом начали спускаться с гор. По снегу идти с носилками оказалось очень трудно. Больной иногда пытался вскочить, находясь в бредовом состоянии, но ослабевший организм не позволял ему даже поднять голову. Ночью грели у костра полотенце, одежду и прикладывали к телу больного, и в этот момент на его лице появлялись признаки приятных ощущений, а в маршруте такой возможности не было, лицо находилось в окаменелом бледно-желтом состоянии.

Ноги проваливались в снегу на двадцать- тридцать сантиметров. На спинах у каждого инструменты, спальные мешки, палатки. Уставшие люди брели и брели. В залесенной части идти стало легче, меньше слой снега. Чернову этот маршрут показался вечным. Они с рабочим из своей бригады Игнатом постоянно шли первыми, как самые крупные мужчины, неся носилки и прокладывая по снегу путь. На них с веток деревьев сыпался снег,

который растаивал на одежде, превращая ее в мокрую. Обессиленная группа людей продолжала пробираться по заснеженной тайге, направляясь к близлежащей деревне. Стали очень часто останавливаться на отдых. Больной иногда просил пить, кашель становился приглушенным. Во фляжках старались для больного сохранить воду теплой, храня у тела под майками.

До темноты успели прийти в деревню. Здесь начались врачебно-спасательные процедуры. За зимний период врачи Сапожникова поставили на ноги, но на полевые работы выезжать ему запретили. Легкие на вершине Алатау простудил капитально. С тех пор Сапожников стал заниматься камеральными работами, возглавляя в экспедиции цех по камеральной обработке.

На следующий год Чернову пришлось продолжить работу в хребтах Кузнецкого Алатау. Из-за суеверных соображений топограф начал полевой сезон не от озера Чёрного, а от озера Белого, которое находилось недалеко, ближе к озеру Шира, знаменитому грязелечебному курорту. Первый маршрут в горы Чернов выбрал по реке Белый Июс и тоже из-за суеверных принципов.

Этот полевой экспедиционный сезон прошел у Чернова блестяще. Его признали победителем по квалификации, присвоив титул «Лучший топограф экспедиции». Он досрочно сдал в ОТК всю летнюю продукцию с отличным качеством. Кроме этого, одна студенческая бригада наделала много брака на соседнем объекте, Чернов со своей бригадой уехал на этот объект и за короткий период сумел справиться и с этим объемом работ.

По окончании полевых экспедиционных работ Я.М. Чернову предложили возглавить комплексную топографическую партию. В дальнейшем Чернову пришлось работать начальником экспедиции одной, затем другой, потом работал заместителем директора института и до последних дней своей жизни был суеверен, испытав много потрясений в первый год своей экспедиционной жизни.

Хантайское озеро

Хантайское озеро расположено на севере Красноярского края. Это заполярное озеро растянулось на 120 км с запада на восток, его берега покрыты лесом, в основном лиственницей. В его юго-западной части уединился маленький поселок Таймыр, который впоследствии переименовали в одноименное название — поселок Хантайское Озеро. На противоположной стороне озера был поселок, состоящий из нескольких домов и большого амбара, в котором хранили рыбу — этот поселок назывался — Амбар, в дальнейшем поселок Амбар исчез, жители уехали, а деревянное строение амбара окажется сгоревшим. По преданию местных жителей, амбарное строение было возведено землепроходцами в Петровские времена, когда они осваивали Север.

В течение четырех лет вокруг озера выполнялись топографо-геодезические работы. На возвышенностях вокруг озера построено двадцать пунктов триангуляции. На строительство сигналов времени уходило немного, трудоемкими оказались работы по закладке центров на этих знаках. Заложить трубчатый центр с якорем на глубину два метра было очень трудно. Вечная мерзлота с множеством камней не поддавались даже кайлу и лому. Приходилось разжигать костер на месте будущего центра, затем слой размороженной земли выкапывали и вновь костер и так до двух метров.

На окраине поселка Таймыр имеется кладбище, и, как только весной растаял снег, приехавшие работники экспедиции удивились и возмутились, что гробы на кладбище стоят на поверхности земли. Местные жители объясняли, что зимой здесь глубина снега два метра, поэтому могилу делают в снегу до лета. Зимой жечь костер и копать вечную мерзлоту невозможно при морозах 40—50°С. После того, как геодезисты стали закапывать в землю центры и нивелирные реперы, то поняли, почему гробы стоят на земле: уходит очень много дров на раскопку таких ям.

Проблемы на Хантайском озере начались при измерениях высокоточными теодолитами на пунктах триангуляции. Неделями геодезисты находились на сигналах, выполняя измерения, и не могли достичь положительных результатов, не укладывались в допустимые параметры. На всех пунктах невязки оказались недопустимыми, поэтому объект поставили в ранг незавершенных. На следующий год на Хантайское озеро отправили самых лучших специалистов: А. Баргера, Г. Бортника, В. Гетманова и подключили ученых. Измерения вновь не укладывались в

допуски. Ученые сделали заключение, обосновав неурядицы в измерениях большим водным пространством Хантайского озера, что испарение и рефракция оказывают негативное воздействие на измерительные лучи, а часть ученых отстаивала свою гипотезу, что из озера выделяются потоки газовых излучений, и они создают искривление в воздушной массе. Пришлось часть измерений осуществлять в следующем полевом сезоне. Для организации работ направили лучших начальников партии: Б.Б. Сахарова и В.Ф. Колесняка.

Василий Федорович Колесняк выехал на Хантайское озеро первым, нужно было осуществить подготовительные работы. Из Игарки в поселок Таймыр Колесняк прилетел на самолете Ан-2 в лыжном варианте. На Хантайском озере стояла настоящая зима, морозы держались постоянно 30—40°. В поселке начальник партии договорился с эвенком Топтогыром объехать с ним вдвоем на собачьих упряжках двенадцать пунктов триангуляции. Нужно было отбить на сигналах обледеневший снег, очистить от снега визирные цилиндры, подготовить геодезические знаки для наблюдений.

Было принято решение: наблюдения осуществить в сжатые сроки до таяния льда на озере. Колесняк с Топтогыром спланировали подготовить сигналы за четыре дня. Начальник партии местность знал хорошо, три года ходил по этим горам, на некоторых из этих сигналах уже бывал в летний период.

На последней упряжке ехал эвенк, Колесняк следовал за ним. Собаки бежали быстро, наст был крепким, начальник партии вцепился в нарты, они были длинные и очень узкие. Решили начать обследование сигналов на противоположном берегу. По льду озера был проложен нартовый путь, по которому собаки мчались очень быстро. Топтогыр иногда вскрикивал на собак, и по очередному рывку упряжки ощущалось, что он ими прекрасно владеет.

По приезду начальник партии предложил эвенку поехать на оленьих упряжках, но Топтогыр выслушал, где они должны побывать, задал несколько уточнительных вопросов и предложил вариант собачьих упряжек, объяснив, что на горах совсем нет кормов для оленей, а для собак возьмем мешок хлеба и оленьего мяса, и все.

Первый сигнал оказался занесенным глубоким снегом и обледеневшим. Для очищения визирного цилиндра возили с собой длинную палку, ей удалось освободить детали знака от снега, а ударами топора легко очищался весь сигнал. Работа шла по намеченному плану. Днем проезжали на собачьих упряжках большие расстояния, освобождая от ледяных покрытий знаки, а вечерами добирались до стойбищ оленеводческих и там, в чумах,

ночевали в своих спальных мешках. С вечера натапливали, и в чуме было тепло, но к утру становилось очень холодно. Эвенк знал место нахождения каждого стойбища, поэтому с ним работа по обследованию проходила очень оперативно, хотя на всякий случай с собой возили палатку и маленькую железную печку. Топтогыр высказывал и такой вариант, что оленеводы могут переместиться из-за отсутствия кормов для оленей, поэтому для подстраховки и возили с собой печь и палатку.

Обследование подходило к завершению. Последний сигнал был высокий и сильно обледеневший. Начальник партии торопился, залез по ступенькам вверх и стал палкой отбивать лед. Эвенк топором очищал нижние венцы и перекладины. Палка у Колесняка выскользнула из рук и упала с большой высоты на переднюю упряжку. Собаки взвизгнули от удара, бросились от сигнала, и обе упряжки помчались по тундре в сторону поселка. Топтогыр кричал, свистел, но испуганные собаки мгновенно скрылись за горизонт горы. Мороз все дни держался под тридцать градусов. На горе дул пронзительный ветер. Нужно было срочно спускаться к лесу. Надежда на спички, хранившиеся в кармане, и на топор. С наступлением вечера мороз крепчал.

Путники ускоренными шагами по насту добрались до леса. По залесенной части спускаться становилось трудно, снег в лесу стал проваливаться. Решили найти полянку и остановиться.

В первую очередь расчистили от снега место под костер, глубина снега была в человеческий рост. Затем занялись заготовкой дров. Топор отскакивал от промерзших стволов лиственниц, но зато тонкие деревца были хрупкими и хорошо ломались. Начинало темнеть, нужно было разжечь костер. Повалил густой снег. Колесняк, проработавший тридцать лет в экспедиционных условиях, всегда говорил, что костер разжечь в тайге при наличии спичек очень просто, если на плече находится полевая сумка, даже если идет сильный дождь. Дело в том, что в полевой сумке всегда найдется клочок бумаги для растопки костра. Начальник партии собрал с лиственниц немного коры, сухих мелких сучьев, вырвал из блокнота полевой сумки несколько листов бумаги и разжег костер. Всю ночь бедолаги коротали у костра. Утром отправились к озеру, по которому проложена зимняя нартенная дорога, по ней оленеводы возят продукты в стойбища из магазина Таймыра.

Утром отец Топтогыра, бывалый охотовед, поехал на нартенных упряжках, направив собак по вчерашнему следу, и к обеду разыскал неудачников. Почему-то отругал сына, обвинив его в разгильдяйстве, хотя Колесняк объяснил, что он не виноват. Топтогыр по возрасту был самый

старый в поселке и очень уважаемый эвенк. Он много раз выручал экспедицию своими мудрыми советами.

Прошлым летом в поселке произошел трагический случай. Ночью в квартире изнасиловали двадцатилетнюю Анисью, эвенкийка находилась дома с годовалой дочерью, муж Анисьи — бригадир рыболовецкой артели, на неделю уехал на другую сторону озера, там, в заливе, сетями ловили рыбу. В поселке существовал такой обычай, что в домах не было замков и крючков. Если хозяева уходили из дома, то дверь подпирали лопаткой или палкой, а на ночь дверь привязывали веревочкой дверную ручку за гвоздик. В деревне никогда не было воровства. В магазине не было склада, поэтому водка стояла у магазина в ящиках, прикрытая брезентом, здесь же хранились различные консервированные продукты в банках. Кто-то ночью зашел к Анисье.

Топтогыр пришел к начальнику партии и сообщил Анисьиной версии, которая утверждает, что изнасиловал ее экспедиционный кладовщик. Колесняк не верил, вызвал кладовщика, стал допрашивать. Александр клялся, что он не был у эвенкийки. Кладовщику было под пятьдесят лет. Топтогыр предложил начальнику партии отправить кладовщика из поселка, объяснив, что здесь законы у местных жителей очень дерзкие. Кладовщик сопротивлялся. В тот день из Игарки прилетел гидросамолет с экспедиционным грузом, и начальник партии отправил кладовщика, послушав мудрого эвенка.

В деревне поползли слухи, что вечером около дома Анисьи видели Сергея из бригады молдаван, которые приехали строить в поселке клуб. На следующее утро, после отъезда кладовщика Анисью сняли мертвой из петли. Эвенкийка была очень красивой, два года назад она стала победительницей в конкурсе красоты девушек Севера в Норильске, получив корону «Мисс красоты Севера». Таких трагедий в поселке не бывало.

Вечером местные парни подкараулили молдаванина, он набирал с лодки рыбу в ведро. Здесь такой обычай: кому нужна рыба, приходят к лодкам и берут, кому сколько нужно. Набросили на шею маут (это длинный аркан, сделанный из крепкой крученой кожи с петлей на конце, таким маутом вылавливают в стаде оленей, набрасывая петлю на рога). Парень пытался сбросить петлю, но маут был натянут как струна, затарахтел лодочный мотор, молдаванин оказался в воде. Моторная лодка помчалась по озеру, увлекая за собой на длинном мауте молдаванина. Больше парня никто не видел. На следующий день вся бригада молдаван из поселка улетела на самолете в Норильск.

В апреле в поселок прилетели три бригады геодезистов для проведения измерительных работ на пунктах триангуляции. Колесняк уговорил

Топтогыра-старшего поработать один месяц — развозить бригады на оленьих упряжках, нужно было успеть осуществить работу, пока держится наст. Погода для наблюдений стояла идеальная, поэтому за месяц весь объем сделали. Все бригады Топтогыр свез в большую палатку, которая находилась в дальнем конце озера. До поселка ехать 120 км, утром рано уложили все вещи и оборудование на нарты. Караван с нартенными упряжками был готов к отъезду. Один из рабочих вытащил свою двустволку и начал стрелять вверх, хотел отсалютовать завершение работы. Испуганные олени сорвались с места, и понеслись нартенные упряжки по насту с огромнейшей скоростью.

Мудрый Топтогыр мгновенно снял со своего плеча ружье, прицелился и наповал застрелил вожака оленьих упряжек. Олени сбились в кучу и остановились. У Топтогыра катились слезы, убил самого лучшего оленя, который много раз вывозил его из тундры, спасая эвенка в самые критические моменты. Но положение было безвыходным. На нартах одной из упряжек находился без сознания больной рабочий, подозрение на воспаление легких, рабочего уложили на нарты, но даже не успели привязать, следовательно, он где-то свалился бы с нарт и погиб. Так закончилась очередная эпопея геодезических измерений на Хантайском озере.

Хантайское озеро — это основная житница для местных жителей. Круглый год люди питаются рыбой из озера, собак ездовых кормят тоже рыбой. В поселке создали звероферму по разведению голубых песцов и кормят их тоже рыбой. Летом озеро используется для передвижения на моторных лодках, а зимой по льду озера проложена нартенная магистраль, по которой на собачьих и оленьих упряжках оленеводы ездят во все стойбища, расположенные вдоль всего Хантайского озера.

У местных жителей про Хантайское озеро сложено много различных легенд. В озеро впадает большое количество рек и ручьев, а вытекает из озера всего одна река — Хантайка, регулирующая баланс воды в Хантайском озере, река впадает в Енисей. Хантайка — порожистая река, один из самых опасных порогов называется Большой Хантайский порог, в котором в свое время погибало много людей, разбиваясь о коварные каменные глыбы. Теперь здесь построили Хантайскую ГЭС. Местные жители очень суеверный народ, они утверждают, что в Хантайском озере живет добрый дух и злой дух. Силу и коварство злого духа здесь испытали многие. Старый эвенк Топтогыр был свидетелем, как у него на глазах трагически погиб отец, и старый эвенк утверждает, что это проделки злого духа. А случилось так. Зимой ехали по озеру на оленьих упряжках. На передней упряжке ехал отец, а Топтогыр с матерью на упряжке следовали за

отцом. Вдруг передняя упряжка провалилась под лед и исчезла мгновенно. Олени второй упряжки успели свернуть в сторону и встали как вкопанные. Бежавшие рядом собаки жалобно завывали. Мать с Топтогыром долго ходили вокруг полыньи, в которой исчез отец, хореом (длинная палка для управления упряжки) пытались зацепить, но глубина оказалась очень большой. Скорость была приличная, оленья упряжка вместе с ездоком ушла в полынью под лед. Местные жители, говорили, что в том месте живет злой дух. В озеро вблизи от этого места впадает река Хаканча. Очевидно, озеро имеет теплые родники, которые зарекомендовали себя злым духом.

Начальник партии В.Ф. Колесняк чуть не стал жертвой злого духа, хотя весь экипаж вертолета злой дух забрал в свои озерные объятия. А случилось так. Начальник партии по южной границе объекта Б.Б. Сахаров попросил вертолет на два дня для доставки продуктов в бригады, так как его вертолет неожиданно улетел с поломкой в Игарку. Утром рано 23 августа вертолет заправился и приготовился лететь к Сахарову. Колесняк собрался тоже слетать к соседу, воспользовавшись таким случаем. Зайдя в вертолет, начальник партии вспомнил, что не взял подарок, приготовленный Сахарову, которому сегодня исполнилось тридцать лет. Выскочил из грохочущего вертолета и побежал в контору за подарком. Впопыхах запнулся и упал, вскочил и повалился от боли. Подбежал радист Н.П. Киргинцев. Колесняк объяснил, чтобы он принес подарок — унтайки, изготовленные местными жителями, и передал экипажу для Сахарова. Подобный вывих ноги у Колесняка много лет назад был, поэтому он знал, что с этой несусветной болью смещения кости в суставе лететь он не сможет.

Вертолет взревел, приподнялся над взлетной площадкой и полетел. Над озером вертолет сделал крутой крен и заглох. Превозмогая боль, Колесняк на моторной лодке поплыл к месту падения вертолета, а Киргинцеву дал задание срочно сообщить в Игарку о случившейся трагедии. Экипаж весь погиб. Комиссия несколько дней занималась расследованием, сделав заключение, что при заправке вертолета в горючее попала вода. А местные жители настаивали на своем, что экипаж забрал злой дух озера. Место действительно совпадало с устьем реки Хаканчи, где зимой и летом происходят трагические гибели.

Вот такое оно, Хантайское озеро.

Восточная Сибирь

Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации Леонид Григорьевич Комаров после учебы в институте более двадцати лет проработал в экспедиционных условиях Восточной Сибири. За эти годы много пришлось исходить таежных троп. Иногда маршруты заканчивались с трагическими исходами, за многие из них получил выговоры, хотя порою предусмотреть в лесных просторах эти исходы невозможно. Первый выговор бригадиру Комарову был объявлен приказом по экспедиции за гибель рабочего в бригаде. Произошло это так.

Геодезист Комаров со своей бригадой занимался измерением на пунктах триангуляции. В состав бригады входил студент и два рабочих, передвигались по тайге пешком. Обычно три, четыре дня выполняли измерительные работы на геодезическом сигнале, а затем уходили на следующий знак. Расстояния между сигналами 15—25 км. Старались работу планировать так, чтобы за световой день осилить переход до следующего сигнала. Никаких троп не было, передвигались по компасу, с одной горы спускались по густым залесенным просторам, пересекая ручьи, реки, болота, и поднимались на очередную гору, на которой был выстроен коллегами деревянный сигнал для геодезических наблюдений. Шли как обычно, впереди шел бригадир с тяжелым теодолитом на спине и спальным мешком. По бокам висели полевая сумка, бинокль, радиостанция, за ним шел помощник и два рабочих, у всех увесистые рюкзаки, поверх которых прикреплены спальные мешки. Передвигались очень медленно. Трудно давался обычно подъем. По описанию строителей сигналов, Комаров знал, что на южном склоне горы имеется родник, поэтому подъем на вершину совершали с южной стороны. Сложность передвижения заключалась в том, что деревья высокие с густой порослью молодняка и очень много буреломного валежника, который приходилось обходить, тратя дополнительные усилия, или перелезать через гигантские стволы с торчащими сухими сучьями. Шли молча, обливаясь потом, отгоняя надоедливых слепней, комаров и мух.

Вдруг сзади Комарова раздался треск, грохот, он оглянулся. Последним шел рабочий Виктор, на него сверху свалилась вершина сухостойного дерева, разmozжив шею, плечо и руку. Ветра совсем не было. С большим трудом высвободили окровавленное тело из-под ствола и начали обрабатывать раствором марганцовки торчащие кости изуродованного плеча. Виктор стонал, потерял сознание, просил пить. Быстро соорудили

носилки, используя спальные мешки, и начали выносить из тайги больного, оставив инструмент и весь груз на склоне горы. Чтобы добраться до ближайшей дороги, потребовались сутки. Связались по радиостанции, на дороге ждала машина и врач, но при подходе к дороге Виктор скончался.

После этого случая прошло двадцать лет. Комаров работал в должности начальника предприятия. В летний период в поле работало более ста бригад и все в тайге. Каждую неделю происходили несчастные случаи, иногда со смертельным исходом. Однажды в одной из бригад в конце сентября погиб рабочий В.Е. Барабанщиков. Произошел подобный случай. Рабочий убит упавшим сухостойным деревом при переходе с одного сигнала на другой. Комаров сразу сообщил в Москву, как и положено докладывать о каждом смертельном случае. Из Москвы получил радиограмму такого содержания: «По гибели Барабанщикова создайте комиссию по расследованию, отправьте на место происшествия, проведите анализ, накажите виновных, результаты отправьте нам спецпочтой».

Комаров вспомнил про случай, который был у него в бригаде и задумался, за что наказывать? По завершению расследования несчастного случая, Комаров отправил материалы в Москву, но наказаний никаких не стал делать. По итогам года обычно готовился доклад по отрасли с глубоким анализом несчастных случаев со смертельными исходами, связанными по технике безопасности. В докладе было записано: «Начальник предприятия Комаров Л.Г. не провел анализ и не наказал виновных в гибели рабочего...». Хотелось Комарову сказать, что виновато то сухое дерево, которое в момент прохождения около него вдруг упало.

Вспомнил Комаров про второй свой выговор. Работал тогда бригадиром, шли вчетвером с одного сигнала на другой. Нужно было преодолеть горную речку, ширина которой находилась в пределах двадцати метров, протекала речка по узкому скалистому и глубокому ущелью. Долго шли по берегу, выискивая переход, и неожиданно увидели дерево, упавшее с одного берега на другой, вершина еле-еле касалась противоположного скалистого берега, обрыв которого был около десяти метров. Переход очень заманчивый, а другого и не было. Бригадир взвалил на плечи свой груз, обвязался концом капроновой веревки и направился по стволу переброшенного дерева, цепляясь руками за торчащие сучья. Внизу бурлила пенная вода. Геодезист передвигался медленно, вглядываясь в бревно, подыскивая удобное место для очередной установки ноги в кирзовых сапогах, а блики воды сбивали, отвлекали взгляд. В конце концов бригадир достиг берега. Помощником работала девушка, ее груз все распределили на свои плечи и ее отправили налегке. Она удачно преодолела преграду. Один рабочий прошел великолепно, а вот последний перед переходом начал

суетиться, нервничал, затем пошел, и перед самым берегом, когда оставалось метра два, нервы не выдержали, решил осилить остаток бегом, но нога соскользнула, и он рухнул с ревом в речку.

Комаров крепко держал конец веревки, всматриваясь в водную бездну. Очевидно, рабочий ударился при падении о скалистый берег головой, так как не подавал признаков жизни. Бригадир мигом сбросил с себя одежду и на веревке спустился вниз. Рабочий был мертв, голова оказалась разбитой.

В эпоху интенсивного картографирования страны в масштабе 1:25 000 в регионе Восточной Сибири ежегодно происходили несчастные случаи со смертельными исходами. В каждой экспедиции работало в летний период 25—30 бригад. Обычно за гибель начальник экспедиции получал выговор или строгий выговор. Л.Г. Комаров впоследствии стал работать начальником Управления топографо-геодезической службы ГУГК СССР. Анализируя гибели работников экспедиционных работ по своему бывшему предприятию, он поведал мне некоторые моменты из разнообразия смертельных исходов.

Так, например, в одной из партий легендарного начальника экспедиции, отличника геодезии и картографии Л.Д. Шибико трагически погиб опытный бригадир А.Ф. Аксиненко, который проработал в поле 15 лет. На этот раз Аксиненко выполнял измерения в Бодайбинском районе. Горы здесь покрыты кедровым стлаником, иногда каменистые обрывистые утесы окружали воронкообразные горные озера. На краю обрыва высотой около 50 м А.Ф. Аксиненко, установив на штативе теодолит, выполнял измерения. Происходило это 13 августа. Неожиданно земля под ногами начала оседать, проваливаться и часть берега, отколовшись от склона, рухнула в водную бездну, увлекая с собой топографа. Находившиеся внизу рабочий В.И. Бурлаков и каюр Е.В. Веретнов с оленями услышали оглушительный грохот и увидели облако пыли. Опытный каюр привязал испуганных оленей, а сам устремился к озеру. Пыль медленно оседала, но на высоком берегу топографа не было, на самом краю скалы одиноко стоял теодолит. Бригадира нашли мертвым на камнях, у самой кромки озера. Начальнику экспедиции Л.Д. Шибико приказом по предприятию объявлено взыскание — выговор.

Талантливый руководитель экспедиции, кавалер ордена «Знак почета» К.А. Потейко понес строгое наказание за гибель двух работников, которые 7 октября пошли с базы партии на пункт триангуляции. Происходило это на Дальнем Востоке в хребтах Джагды. Виктор Прудников в этих местах проработал четыре года, а Геннадий Колесников — один год. Маршрут пролегал по стелющемуся стланику. Шли налегке: теодолит, спальные мешки и продуктов на два дня. Вначале передвигались по тропе, вдоль

ручья, но затем нужно было свернуть и подниматься на гору по стланику. Первый снежок припудрил вечнозеленые иглы стланика. Передвигаться по стланику очень трудно, упругие ветви порою переплетаются и преграждают путь, приходится обходить, выискивая проходы между приземистыми деревьями. К обеду преодолели половину пути. Неожиданно хлопьями повалил снег и подул ветер, порывы ветра усиливались. Пронзительный ветер превратился в пургу. Продвигаться становилось все труднее и труднее. Путники поняли, что при таком буряне им до сигнала сегодня не добраться. Леденящий ветер сковал одежду, промокшую от пота и таяния снега. Темнело быстро. Нашли большое стланиковое дерево, расстелили спальные мешки и улеглись.

Через два дня И.А. Потейко с группой спасателей нашли с помощью собак замерзших путников, заваленных глубоким сугробом снега. Замерзших увезли на базу экспедиции, а на месте их трагической гибели установили памятник.

Начальник экспедиции В.Г. Векшин многие годы возглавлял экспедицию, которая занималась картографированием в Восточной Сибири. Одна из его бригад вышла в деревню за продуктами. Ночевать договорились на окраине, у местного жителя, у него пустовало полдома. Рабочий Е.Г. Лукьянов отпросился у бригадира сходить в местный клуб на танцы. Познакомился на танцах с девушкой и пошел ее провожать. Трое местных парней подкараулили его и избили его так, что он еле-еле добрался до дома. Бригада вся спала. Евгений взял ружье и отправился в клуб. Увидев стоявших у клуба обидчиков, он застрелил всех троих. На выстрелы прибежал милиционер. Лукьянов при появлении сотрудника застрелил себя.

Приказом по предприятию В.Г. Векшину объявлено строгое взыскание. Прошло пять лет. Векшин был награжден за трудовые успехи Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Анализируя несчастные случаи со смертельным исходом в период всеобщего картографирования страны, Л.Г. Комаров сделал вывод, что наибольшее количество гибелей работников экспедиционных структур произошло на территории Восточной Сибири. Половина из этих случаев связана с водными препятствиями, когда работники пытались преодолеть речку, попавшуюся в маршруте, или сплавились на плоту, на лодке и, конечно, при попытке купания в горной таежной воде. Значительное количество гибелей оказалось в графе «без вести пропавшие», около десяти процентов — от упавших сухостойных деревьев. Такой же процент последовал при постройке геодезических знаков, а они здесь все деревянные и очень высокие. Погибло людей от нападения медведей 3%, остальные

случаи разместились в графе "прочие", сюда вошли случаи отравления газом в вездеходе, при лесном пожаре, замерзания в маршруте и многие другие.

Проведенный анализ указывает, что картографирование территории Восточной Сибири прошло с большими человеческими жертвами.

Contents

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Долгая жизнь

Топографы в Анголе

Берлога людоеда

Афганские проблемы

Болота Васюганья

Таинство Тунгусского метеорита

Саянский волшебник

Бабай

Дорога могильных крестов

В краю медвежьих троп

Три месяца считался погибшим

Пророчество гадалки

Лунный мираж

Благополучный исход

Гора Тутончана

Хозяйка метеостанции

«Мойгу»

Александровский Шлюз

Сержик из волчьего логова

Учительница

Поддельные документы

Нападение комаров

ЧП в небе над Кубой

Кантегирские шалуны

Осиное гнездо

Расплата

Жилая пещера

Чуйский брод

Лишился слуха

Пакостник

Запутанная биография

Медвежья землянка

Нивелир в берлоге

Суеверие

Хантайское озеро

Восточная Сибирь

Photos

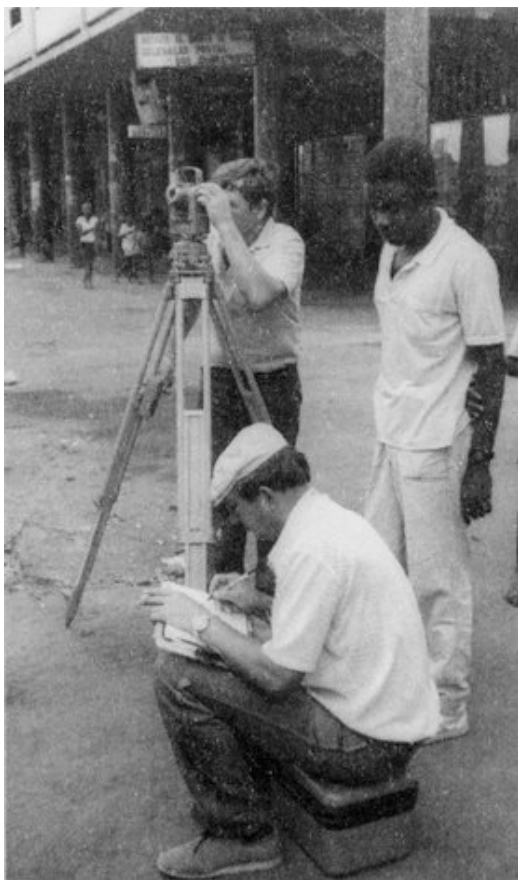

измерений

В процессе топографических

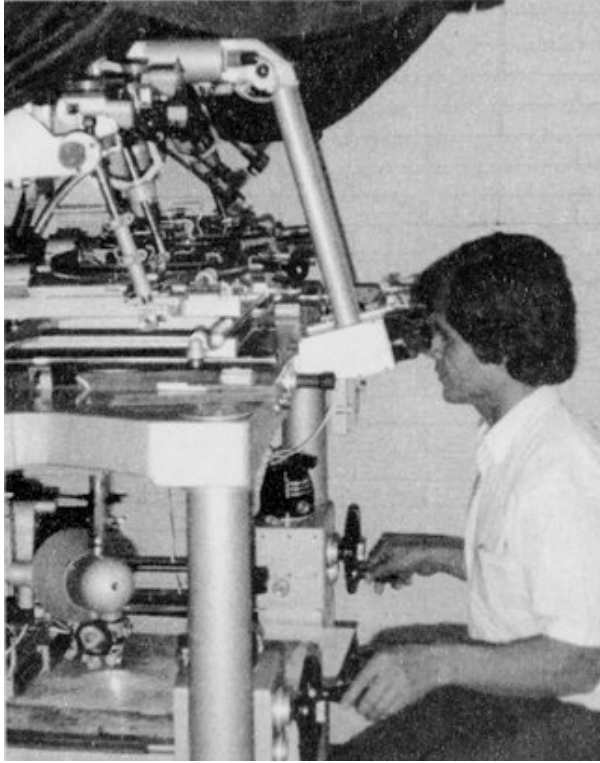

Останцы в Туве

контракту «Союзкарты»

Топографы, работающие по

Стереорисовка

Камеральная работа.

В процессе полевых работ

Деревья на карнизе

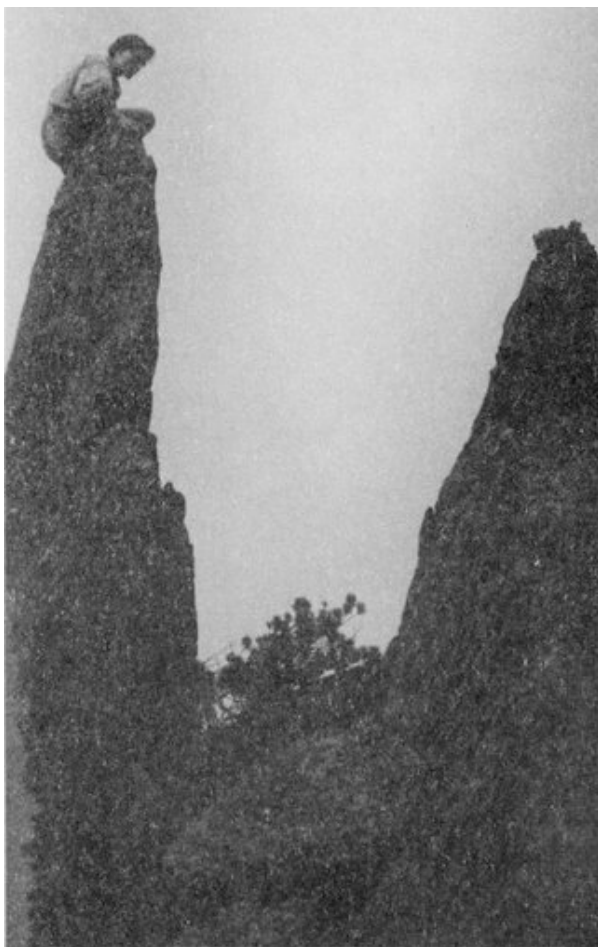
Удачный улов

Топографические измерения в тайге

Дешифрирование в горах

Дешифрирование на Урале

Прихватила зима

Топографы уточняют маршрут

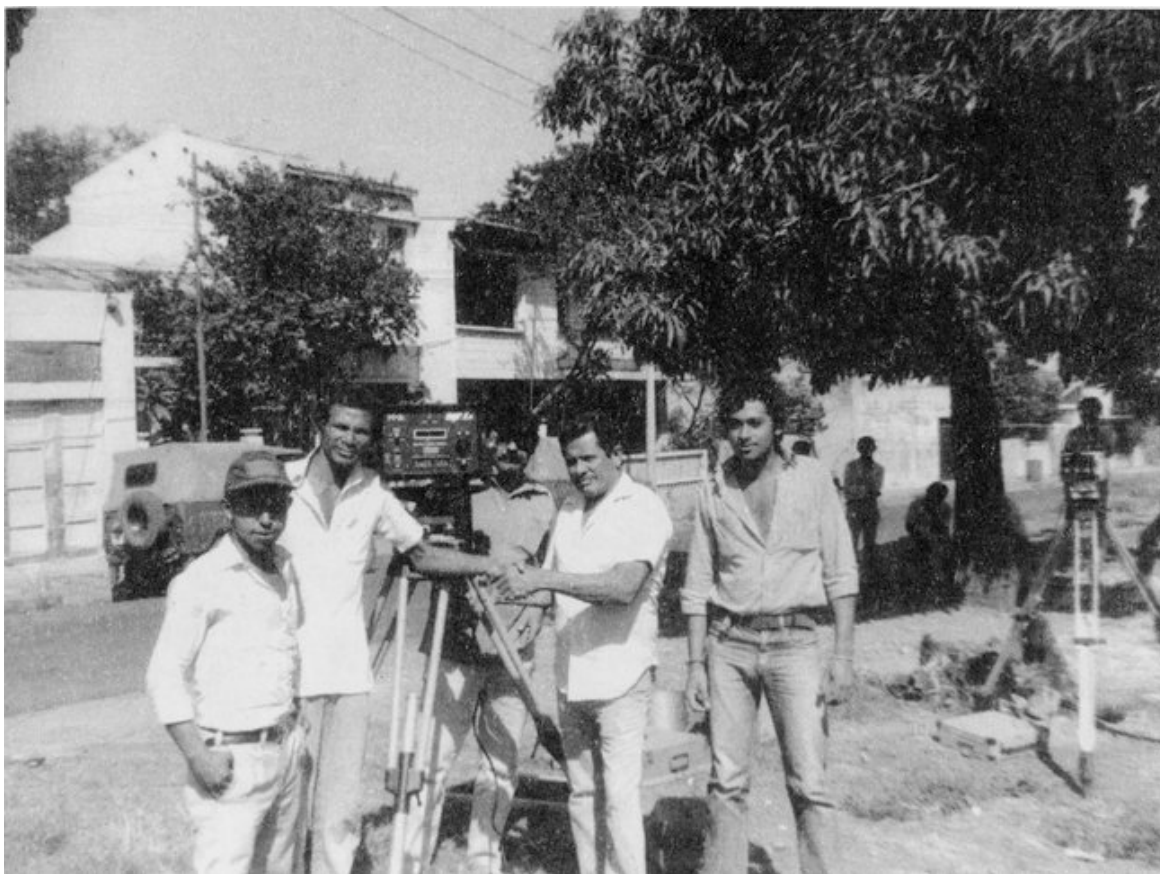
В Саянах

М. Гигиняк с медведем из берлоги людоеда

Ангола. Обучение местных специалистов

Нигаруа. Со светодальнономером «Блеск»

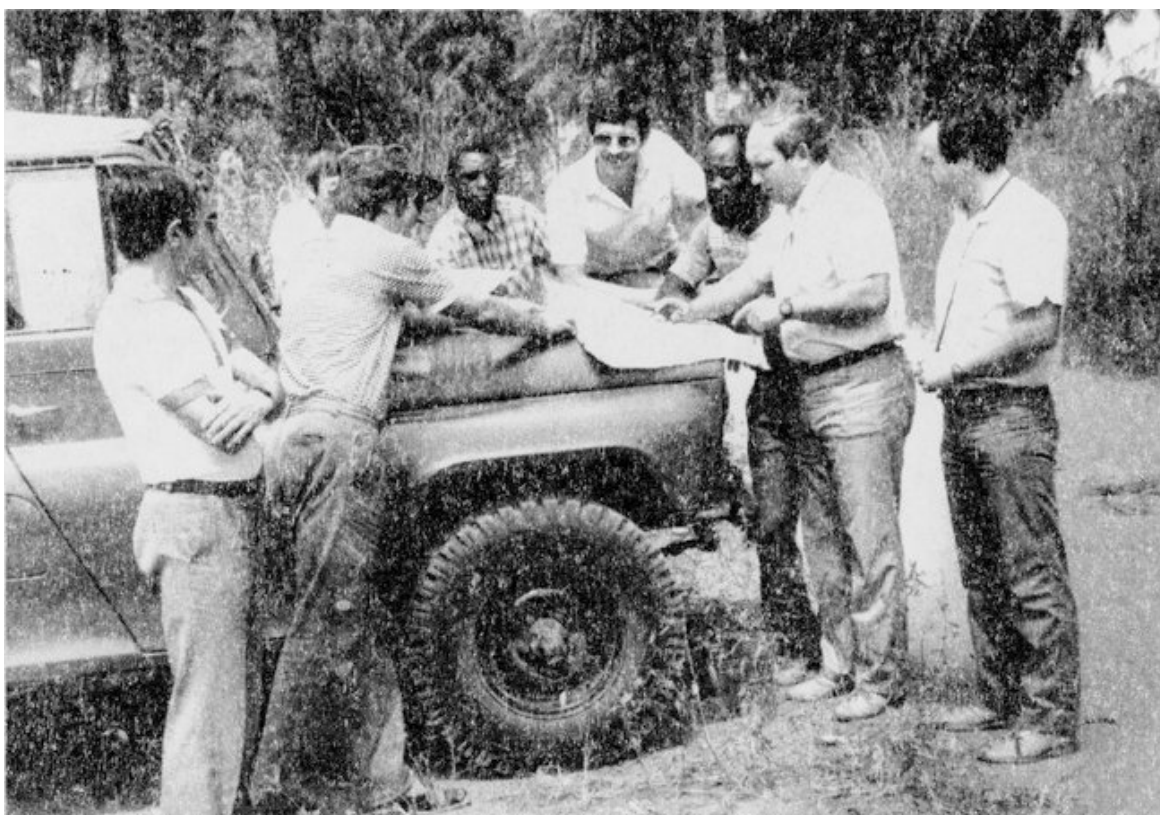
Будни топографов

Африка. Использование аэрофотоснимков

Гидросамолет причаливает к берегу

Работа за рубежом

Руководители отряда М50. Верхний ряд: слева направо О.А. Дроздов, Е.А. Денисов, С.О. Леоньев, Н.Б. Садко, С.Д. Любивый; сидят слева направо В.И. Петренко, Ю.С. Дроздова, В.Ф. Колесняк, В.Б. Звонак

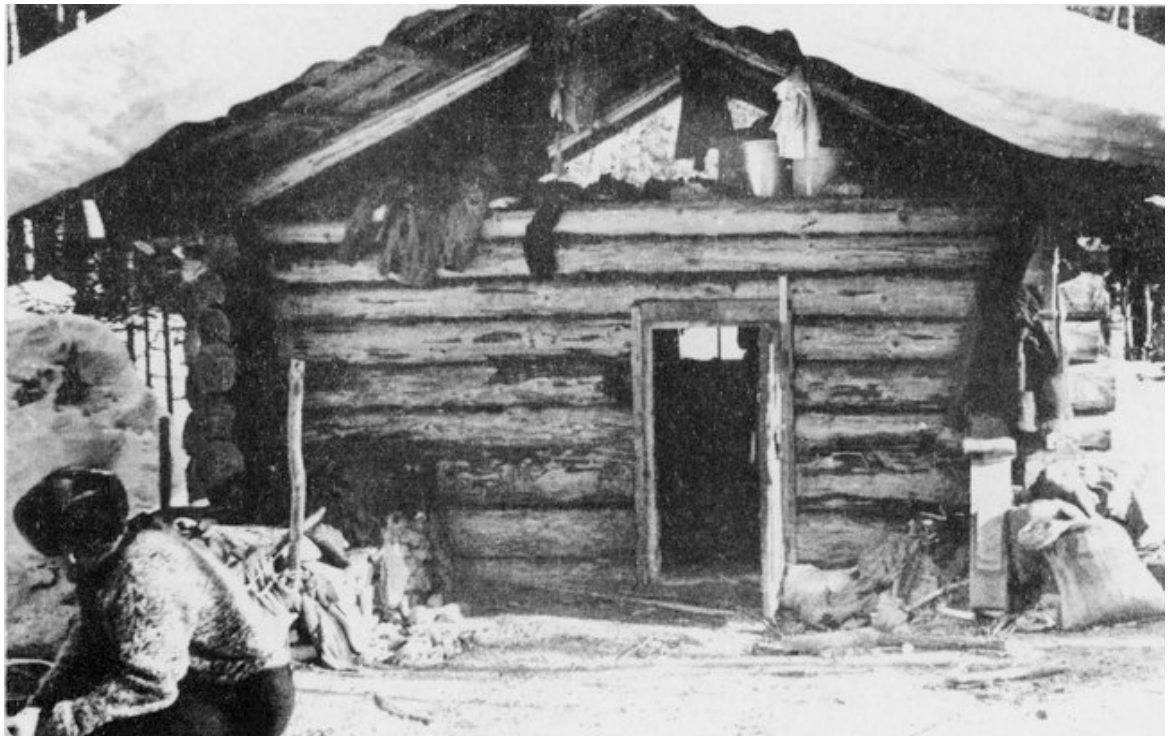
В маршрут на вертолете

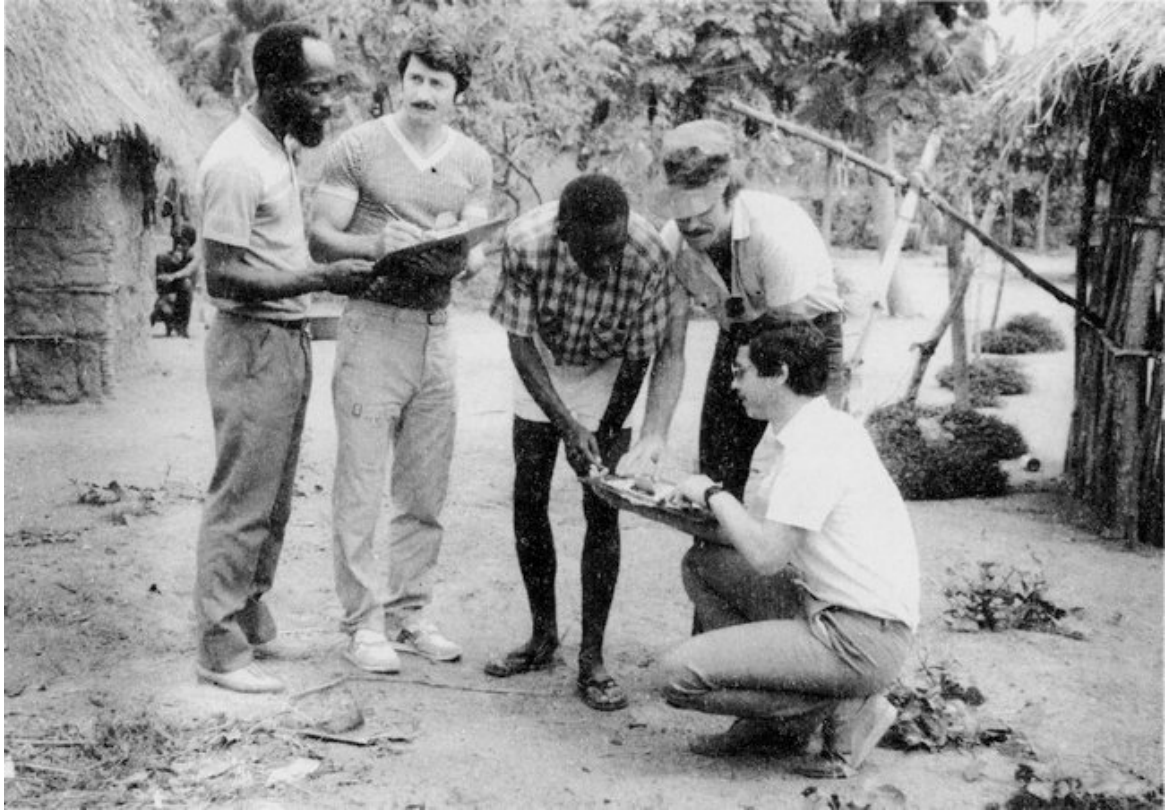
Упряжка готова под загрузку

Афганистан. Топографические измерения

Изба Лыковых

Из цикла зарубежных работ

В маршруте

Картографирование по контракту

Начало полевого сезона

Житель крайнего Севера

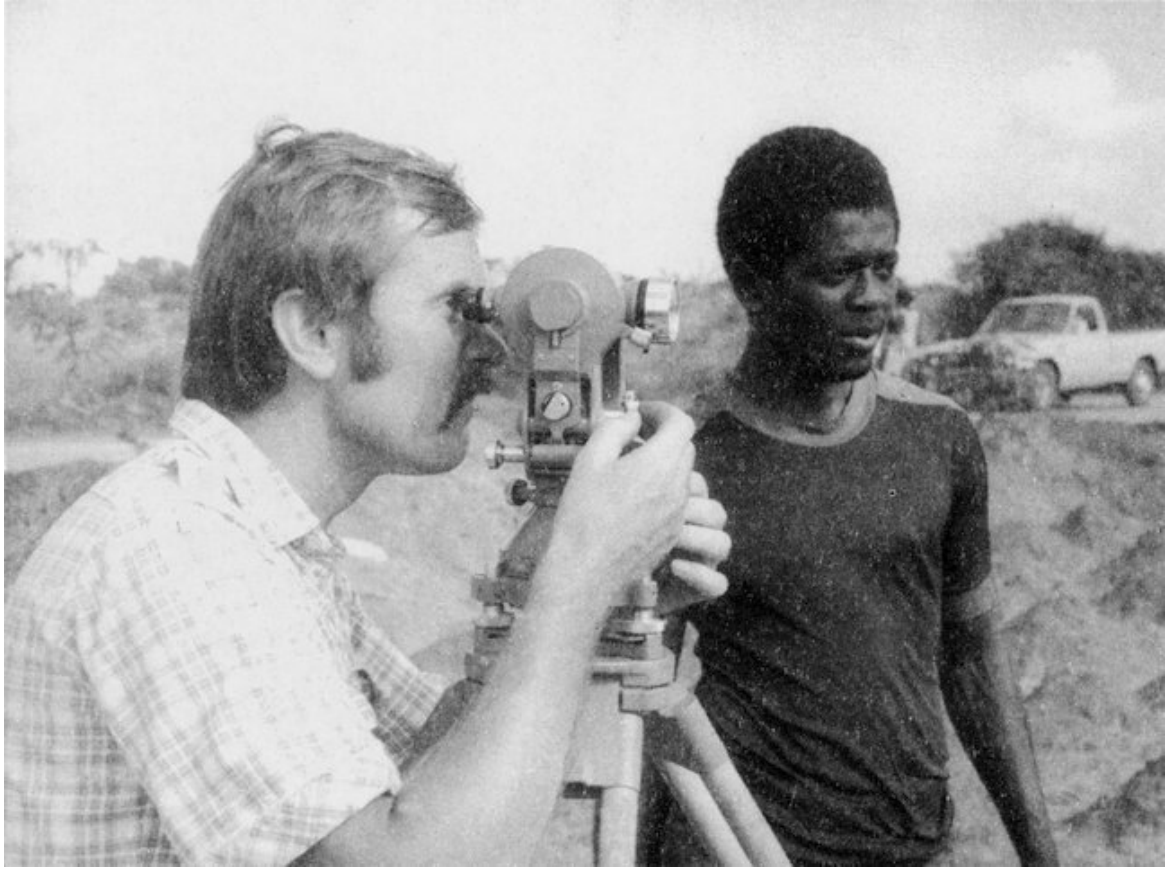
Вертолётная площадка на болоте

Заполярье. На оленьих упряжках

Закладка реперов методом бурения

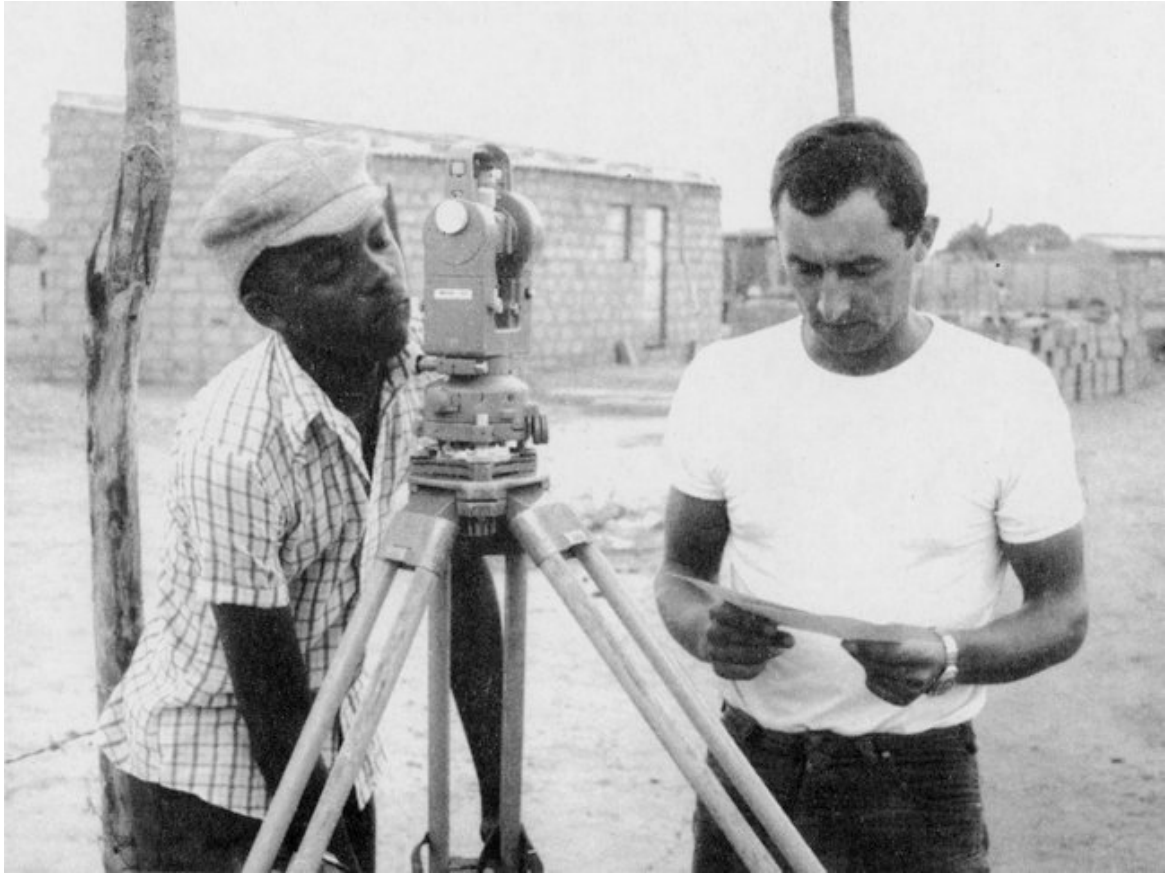
Зарубежные топографические работы

Ямал. Встреча с местными жителями

Нивелирование I класса

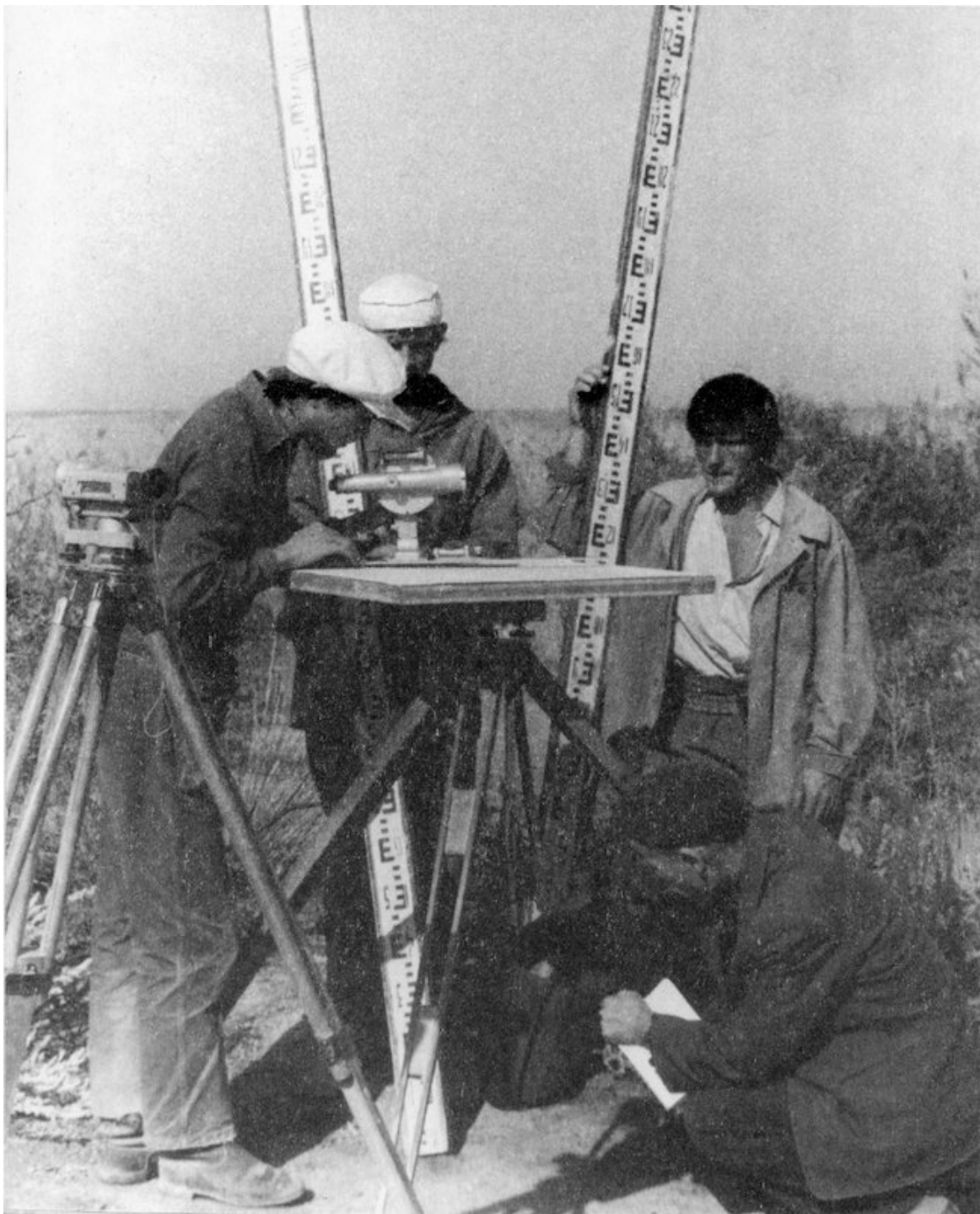
Установка теодолита

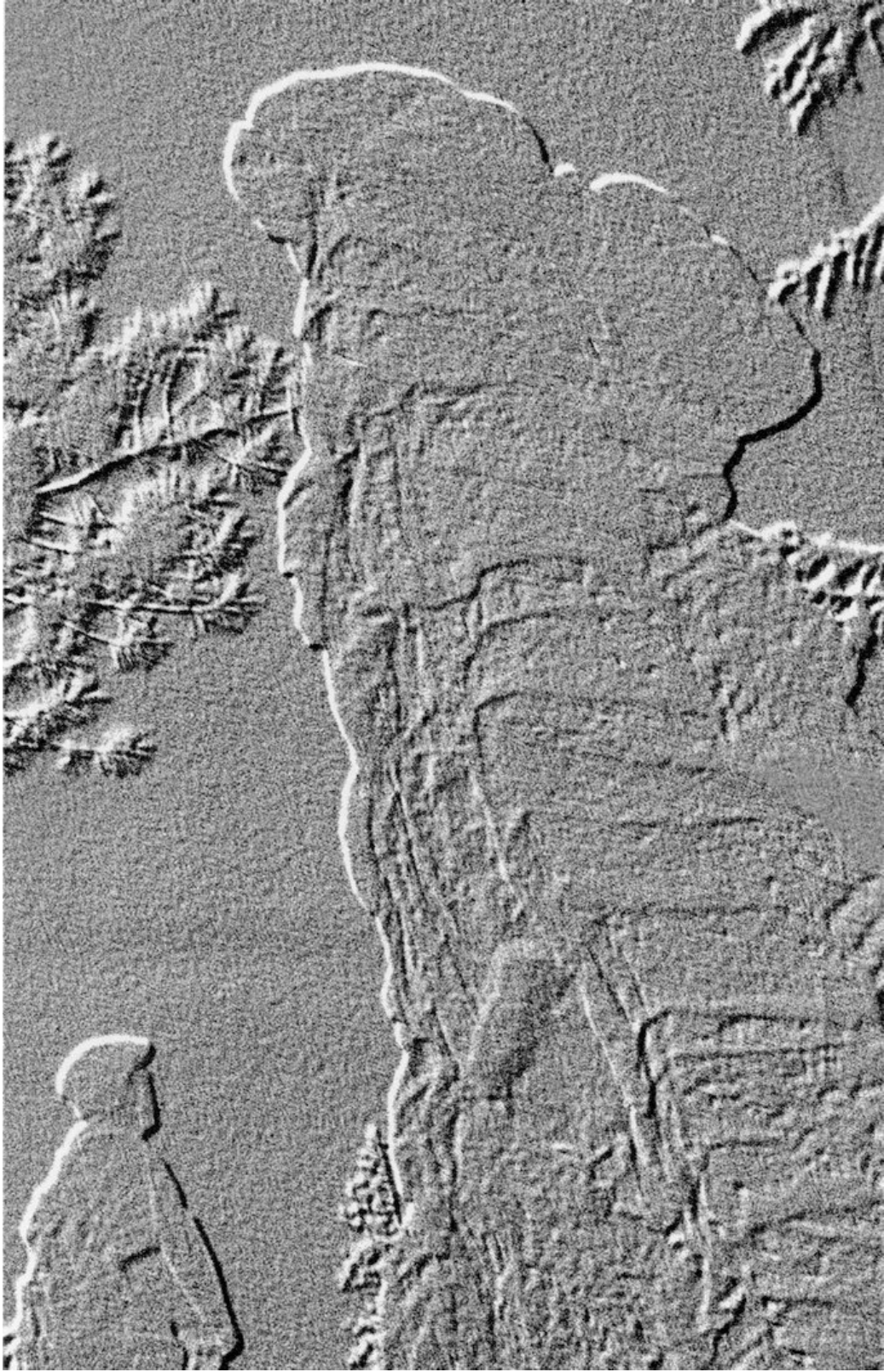
1987 г. Руководитель ГУГК Афганистана Бахаволь Дарвеш подписывает контракт. Руководитель группы Советских специалистов (в центре) А.Н. Краюхин

Конференция ООН. Использование космических материалов при картографировании

На мензурной съёмке

Виктор Романович Яценко более 40 лет отдал любимой профессии геодезиста.

Много пройдено таежных маршрутов—пешком с рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках.

В 1983 году Виктор Романович был назначен заместителем, а в 1986 году начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, в 1991 году назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). С 1992 года четыре года выполнял геодезические работы в Африке по контракту "Союзкарты".

Виктор Романович Яценко—Заслуженный работник геодезии и картографии, кандидат географических наук, член Союза писателей России. В 1990 году издательство "Недра" напечатало книгу рассказов В.Р. Яценко "По геодезическим маршрутам", в 1991 году книга была переведена на китайский язык и издана в Китае.

